

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС
МИТЧЕЛЛ

УБИЙСТВА
В СОЛТМАРШЕ

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ

ГЛЭДИС
МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня ее книги
о расследованиях эксцентричной
миссис Брэдли переживают
второе рождение. Многие из них
экранизированы Би-би-си.

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

УБИЙСТВА
В СОАТМАРШЕ

.....

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ

АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
THE SALTMARSH MURDERS
DEATH AT THE OPERA

Перевод с английского
Е.Корякиной («Убийства в Солтмарше»),
Л.Мордуховича («Убийство в опере»)

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис

М 67 Убийства в Солтмарше. Убийство в опере : [сборник;
пер. с англ.] / Глэдис Митчелл. — Москва: АСТ, 2014. —
446,[2] с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-083212-5

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме
викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

Но кому надо было избавляться от нее? Кто и зачем похитил ее ре-
бенка?

Полиция теряется в догадках, — и тогда к расследованию подклю-
чается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг
связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы
актрисы...

Учительницу математики мисс Феррис из престижной школы уни-
верситета убивают прямо перед ее выходом на сцену в любительском спектакле.

Но кто мог желать ее смерти? Коллеги-учителя, про которых она
знала слишком много? Давний поклонник, отношения с которым
мисс Феррис тщательно скрывала?

Миссис Брэдли начинает расследование — и приходит к совершен-
но неожиданным выводам...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Gladys Mitchell, 1932, 1934

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Перевод. Л.Мордухович, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ

Посвящается Флоренс Х. Брейс

Глава I

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РОЛЕЙ

I

— В этом году будем ставить Шекспира, — объявил директор школы.

Учитель физики мистер Притчард махнул рукой и скосил глаза в сторону учительницы английского языка миссис Бойл, бывшей актрисы.

— Надоело, да и скучно к тому же.

— Пожалуй, — согласился директор. — Но тогда предлагайте, я слушаю.

— Давайте поставим что-нибудь легкое, — произнес учитель математики мистер Пул.

Директор улыбнулся.

— А что именно?

— Может быть, комическую оперу? — неожиданно подала голос учительница арифметики мисс Феррис и покраснела. — В прошлом году «Гондольеры» прошли с большим успехом.

Директор нахмурился.

— Успех, конечно, был, мы имели аншлаг, но все равно убытки составили тридцать фунтов один шиллинг и девять пенсов.

— Я могу дать деньги на постановку, — произнесла мисс Феррис, удивив всех.

И было чему удивляться. Мисс Феррис, полнолицая, близорукая, нескладная, вела арифметику в младших классах, одевалась весьма скромно и всегда держалась в тени. Она была самой кроткой и покладистой из всех. В общем, такого от нее никто не ожидал.

Отвлечемся ненадолго и поясним, что школа эта была необычная. Мало того, что дорогая, частная, но еще и с совместным обучением мальчиков и девочек. Одна из немногих в стране. Учителям здесь хорошо платили, а стало быть, случайные люди сюда не попадали.

Директор нарушил молчание:

— Но, понимаете, мисс Феррис...

— Понимаю, мистер Клиффордсон, — рискнула перебить она директора. — И знаю, сколько это стоит. Просто я решила преподнести школе небольшой подарок. Мне тут так... — мисс Феррис сглотнула, ее глаза неожиданно наполнились слезами... — мне тут так хорошо.

Почти минуту все молчали. Затем директор откашлялся.

— Я даже не знаю, что и сказать. Это такой щедрый жест с вашей стороны, мисс Феррис. Весьма благородно. Хм... — Он помолчал. — В таком случае давайте сразу распределим роли. Желательно начать репетиции до каникул, а в следующем семестре продолжим. Итак, какие предложения? Впрочем, давайте вспомним, что там за роли.

— Какие роли? — удивилась молодая хорошенькая учительница музыки. Ее фамилия была Клиффордсон, и это не было совпадением. Она приходилась директо-

ру племянницей. — Мы еще не решили, что будем ставить.

— Неужели? — в свою очередь удивился директор. — А я думал, что решили. Мы будем ставить «Микадо». Я мечтаю об этом уже много лет.

Это заявление было встречено аплодисментами.

— Вы, конечно, возьмете себе роль знатного придворного, великолепного Пу-Ба, сэр? — спросил учитель английского.

— Не возражаю, если нет других претендентов, — произнес директор, внимательно оглядывая присутствующих. Как и следовало ожидать, претендентов не оказалось.

— А мисс Клиффордсон — это красавица Юм-Юм, возлюбленная принца, тут нет сомнений, — не унимался молодой учитель английского.

— Пожалуй, — согласился директор, улыбнувшись племяннице. — А на роль Великого палача, забыл, как его зовут...

— Ко-Ко, — подсказал тот же учитель английского. Директор улыбнулся.

— Спасибо, мой мальчик. Конечно, Ко-Ко, как же я забыл. На эту роль я предлагаю мистера Пула.

Учитель математики, о котором шла речь, с улыбкой кивнул. Он был невысокий, черноволосый, подвижный и чрезвычайно добродушный.

Директор взгляделся в присутствующих.

— Так, давайте дальше.

— Сэр, не забудьте Микадо, правителя Титипу, главную роль, — произнес учитель рисования мистер Смит. — По правде говоря, это единственный персонаж, которого я запомнил. У него отличная ария.

Директор кивнул.

— Так и сыграйте его. Не возражаете?

Мистер Смит закивал в ответ.

— А как насчет этой грозной дамы, предназначенной в жены принцу? Как ее зовут, я, конечно, опять забыл.

— Катиша, — раздались сразу несколько голосов.

— Она самая. — Директор помолчал, затем принял неожиданное решение: — Я думаю, эта роль подойдет мисс Феррис.

Учительница арифметики вспыхнула и завозилась с носовым платочком. В последний раз она была в центре внимания, когда пришла на собеседование, где присутствовали все члены попечительского совета. После чего ее взяли на должность учительницы арифметики младших классов. Мисс Феррис вот уже несколько лет страстно желала, чтобы ей хотя бы раз предложили роль в школьном спектакле, и теперь, когда это наконец случилось, ее нервы не выдержали.

— Вы прекрасно справитесь, — подбодрила ее мисс Клиффордсон. Она была рада досадить учительнице физкультуры, мисс Камден, которую недолюбливала и которая, несомненно, прекрасно подходила на роль Катиши. — К тому же у вас будет время сосредоточиться. Катиша появляется только во втором акте.

— Вы ошибаетесь, мисс Клиффордсон, — возразил молодой учитель физики, преподающий в младших классах. Он был влюблен в учительницу физкультуры, хотя она была старше его на четыре года и называла в лицо не по годам развитым мальчиком. — У Катиши очень эффектный выход в конце первого акта.

— Да, но в основном она играет в следующих актах, — настаивала молодая учительница музыки. — Я думаю, вам следует взять эту роль, мисс Феррис. Тем

более что благодаря вам и состоится эта постановка. Как же без вас?

Раздались вежливые аплодисменты.

Мисс Феррис, удивляясь самой себе, согласилась на эту роль, поглядывая на учительницу физкультуры. Мисс Камден была опытной спортсменкой и научилась с достоинством принимать поражения. Она мило улыбнулась, а мисс Феррис, приняв ее улыбку за чистую монету, улыбнулась в ответ.

Затем распределили еще несколько ролей. Наконец дошли до школьников.

Учредительствовала по-прежнему мисс Клиффордсон.

— На роль принца, странствующего под именем уличного музыканта Нанки-Пу, я думаю, годится Харствуд. Он был очень хорош в «Гондольерах».

— Харствуд на роль Нанки-Пу? Неплохая мысль. — Директор записал. — А на роль третьей девушки, мне кажется, подойдет Мойра Маллей.

— Вы имеете в виду Пип-Бо, подругу Юм-Юм, сэр? — опять услужливо подсказал учитель английского.

— Вот именно, Пип-Бо, — буркнул директор.

Распределение ролей продолжалось.

II

Друзья и близкие мисс Феррис, наверное, звали бы ее по имени — Келма, но она была сирота, а братьев и сестер, да и друзей у нее, к сожалению, не было. Так сложилась жизнь.

На следующий день, проверяя контрольные по арифметике, она то и дело отвлекалась на мысли о

предстоящем отпуске, до которого оставалось совсем немного. Почти все скопленные деньги она отдала на постановку «Микадо». Что это на нее нашло, она теперь уже и понять не могла, но идти к директору и говорить, что передумала, об этом и помыслить было невозможно.

Надо найти, где дешево, твердила она себе. Туда и поехать. Вот именно, где дешево.

Так прошел день, и только вечером, лежа в постели, устремив неподвижный взгляд на закрывающую окно штору, она придумала, куда поехать. У нее все же была родственница, единственная, она жила в курортном городке у моря в Южной Англии, небольшом, но довольно известном. Назывался он Богнор-Реджис. И не просто жила, а держала там небольшую гостиницу с полным содержанием постояльцев. Короче говоря, пансион. Келма там бывала, правда, очень давно, но помнила, что городок милый, пляж с чистым песком, променад, на котором очень приятно прогуляться. Кстати, оттуда автобусы ходят куда угодно. Можно съездить на экскурсию, а потом осенью в школе рассказать, если кто-нибудь спросит, что она побывала на родине Шейлы Кей-Смит*, или Джозефа Беллока**, или в месте, где разворачивалось действие сказки Киплинга «Пак из Страны Холмов». Совсем неплохо.

Когда мисс Феррис наконец заснула, ей приснилось, что она взбирается по крутому склону на верх холма и оттуда любитесь видом Богнор-Реджиса, а учи-

* Кей-Смит, Шейла (1887—1956) — английская писательница, автор бестселлеров. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Беллок, Джозеф (1870—1953) — английский политический деятель и писатель-католик.

тельница физкультуры подкрадывается сзади и толкает ее вниз. Падая, мисс Феррис проснулась и потом не сразу смогла заснуть.

Вечером следующего дня она написала тете письмо, приложив к нему конверт с маркой и обратным адресом. Потянулись дни, пока наконец не начались длинные летние каникулы. Прошло почти девять недель, а ответа все не было. Так что мисс Феррис пришлось оставаться там, где она жила. На съемной квартире. Это было так странно: находиться в городе — кстати, назывался он Хиллмастон — и не ходить в школу.

Последним днем учебного года была среда. В четверг утром мисс Феррис позавтракала, теперь уже гораздо позднее, в девять тридцать, она могла себе это позволить, а затем пошла в библиотеку поменять прочитанную книгу на новую. Она посидела в парке, почитала до ленча, после которого собиралась сесть в автобус и провести вторую половину дня в лесу. Однако помешал дождь. Пришлось остаться дома, благо книга попалась интересная. В четыре ее позвали к чаю, а в четверть пятого она решила сводить малолетнюю дочку квартирной хозяйки в кино. Вернулись они в восемь пятнадцать. Вскоре появился почтальон с вечерней корреспонденцией, но ей писем не было. В десять мисс Феррис отправилась в постель.

Следующий день выдался солнечный и жаркий. Мисс Феррис попросила хозяйку сделать сэндвичи и поехала с девочкой на автобусе в лес. Перед этим она сменила в библиотеке книгу и купила ребенку две детские книжечки и мяч. Они прекрасно провели время. Хозяйка, которой очень нравилась постоянница, и, конечно, благодарная за внимание к своему ребенку, приготовила вкусный ужин, которым они втроем и насла-

дились. В половине десятого мисс Феррис отправилась в постель, так и не получив известия от тети. Зато перед тем, как заснуть, дочитала книгу до конца.

III

— Собралась дешево провести отпуск, — произнесла мисс Линкаллоу, тетя мисс Феррис, показывая письмо своей компаньонке мисс Сули. — Ишь чего надумала. Пошастала за границей, потратила все деньги, а теперь, значит, сюда? Думает, если родственница, то можно. — Она помолчала. — Ладно, поселю ее в восьмом номере, скидку дам десять процентов, если будет жить полные шесть недель. На большее пусть не рассчитывает.

— Так она согласится, я в этом уверена, — заметила пухленькая и сентиментальная мисс Сули.

— И вот еще что, — строго проговорила хозяйка. — Поставьте в третий номер детскую кроватку, как они просят, но придется доплачивать полгиней в неделю. Так им и скажите.

— А что с этой горничной, Сьюзи Козенс? — спросила мисс Сули.

— Эта лондонская девица, которая заигрывает с джентльменами? — фыркнула мисс Линкаллоу. — Ее я уволю.

— Вообще-то мистер Хелм сам ее поощрял, — заметила мисс Сули и тут же спохватилась: — Утром я застала Сьюзи в его комнате, она рылась в его вещах.

— Надо же, какая любопытная, — возмутилась хозяйка пансиона. — Теперь пусть пороется в своих вещах и убирается отсюда. Может, она воровка, откуда

мы знаем? Пришла сюда без рекомендаций, никогда прежде в пансионатах не служила. Я взяла эту Сьюзи, потому что пожалела ее мать. Они ведь местные, из Богнора. Но все равно пусть уходит, шарить в чужих вещах я здесь никому не позволю. Заплатите ей жалованье и отправьте прочь.

— А рекомендацию напишете?

— Напишу, когда буду писать письмо племяннице. «Честная и трудолюбивая» — этого достаточно. А почему отсюда ушла, пусть сама придумает. — Она на секунду замолкла, собираясь с мыслями. — Вы выяснили, намерен ли постоялец из четвертого номера оставаться еще на неделю? Потому что сейчас номера нарасхват. Вообще-то он приезжает к нам каждый год. Так что спросите аккуратно, чтобы не обиделся.

На следующее утро мисс Феррис получила письмо от тети. Та радушно приглашала ее провести отпуск. Заверяла, что у нее будет прекрасный номер с полным обслуживанием на шесть недель. Плата была даже меньше, чем рассчитывала мисс Феррис. Она тут же взялась изучать расписание поездов, а затем отправила телеграмму, извещая, что приедет в понедельник во второй половине дня.

Воскресенье прошло без событий, они и не предвиделись. Мисс Феррис три раза побывала в церкви, включая утреннюю службу, немного прогулялась между ленчем и чаем, в половине десятого легла спать. Ничего особенного она от поездки к морю не ожидала, но теплый тон тетиного письма ее порадовал.

На вокзал она приехала на такси за пятнадцать минут до отправления поезда и в пансион мисс Линкаллоу прибыла как раз ко времени чая. Тетя приняла ее душевно, проводила в номер. Он находился в задней

части дома, так что окна на море не выходили. Но это значения не имело, поскольку пансион хотя и располагался на улице, которая шла параллельно набережной, но его отделял от нее первый ряд более импозантных отелей и пансионов.

Тетя болтала без умолку. Она, как и большинство хозяек пансионов на приморских курортах, была словоохотлива. Убедившись, что племянница в восторге от номера, она оставила ее разбирать вещи.

Мисс Феррис закончила с вещами, ознакомилась с расписанием приема пищи и правилами пользования ванной комнатой, после чего написала открытку своей квартирной хозяйке в Хиллмастоне, сообщив о благополучном прибытии, и отправилась пить чай.

После чая она пошла прогуляться по набережной и неожиданно встретила ученика своей школы, старшеклассника Харствуда. Он приподнял шляпу-канотье, приветствуя ее. Она нервозно улыбнулась ему в ответ. Шляпа ее удивила. Молодые люди обычно ходили летом без головных уборов. Мисс Феррис не могла знать, что отец Харствуда, человек довольно странный, полагал, что соломенная шляпа предохраняет мозги от вредных воздействий.

Обед был в семь. И тут случилась неприятность. Напротив Келмы за столом сидел симпатичный мужчина лет тридцати, и каждый раз, когда мисс Феррис поднимала глаза, она встречала его взгляд. Мисс Феррис покраснела и уткнулась глазами в тарелку.

Однако незнакомец попытался завести с ней разговор. Вначале представился, его фамилия была Хелм. Затем мечтательно произнес:

— Обратите внимание на рыбу. Она здесь просто объедение.

Келма не ответила.

Хелма это не смутило, и через некоторое время он поинтересовался:

— Вы не считаете, что здешний воздух возбуждает аппетит?

Не поднимая глаз, мисс Феррис пробормотала что-то невнятное. А после обеда попросила тетю пересадить ее за какой-нибудь другой стол. На следующий день она уже сидела в компании супругов средних лет с тремя детьми. Мисс Феррис была довольна, она искренне любила детей.

Мистер Хелм довольно долго к ней не приближался и напомнил о себе где-то в середине четвертой недели ее пребывания в пансионе при весьма странных обстоятельствах.

В тот вечер мисс Феррис легла спать позднее обычного, потому что ходила в театр, смотрела пьесу, которая с успехом прошла недавно в Лондоне. Она долго не могла заснуть, переживая перипетии увиденного и представляя себя героиней пьесы.

На часах было без четверти двенадцать, но она еще не спала. Неожиданно кто-то негромко кашлянул совсем рядом, со стороны балкона. Мисс Феррис не особенно встревожилась. Ну кашлянул и кашлянул, мало ли что. Она села в постели и прислушалась. Кашля больше слышно не было, но появился какой-то шум. Слабый, едва различимый.

Она встала и осторожно подошла к окну. Вгляделась. Увидеть ничего не удалось, но шум продолжался.

Мисс Феррис неслышно двинулась к туалетному столику, где лежала сумочка. Как большинство учителей младших классов, она носила с собой свисток. Он был нужен во время прогулок с детьми. Она собира-

лась достать его из сумочки, как в дверь постучали. Негромко, три раза. Мисс Феррис вздрогнула, затем надела халат и открыла дверь. Возникший на пороге мужчина бесцеремонно оттеснил ее в сторону, направился к балкону и прыгнул вниз. Тут было невысоко.

Мисс Феррис вытащила из сумочки свисток, выбежала на балкон и пронзительно свистнула три раза. В коридоре слышались шаги, кто-то крикнул, с улицы донесся звук автомобильного клаксона. Тем временем на балкон взобрался тот же самый мужчина. Теперь она его разглядела. Это был Хелм.

Он улыбался.

— Все в порядке. Я их прогнал. Они убежали.

В коридоре были слышны шаги и голоса.

— Уходите, — прошептала мисс Феррис. — Вам здесь нельзя оставаться.

Она решительно открыла дверь и чуть не столкнулась с тетей и мисс Сули.

— В дом пытались проникнуть грабители, — сообщил им Хелм. — Но я их спугнул. — Кивнув, он вышел.

Как выяснилось позднее, в пансионе ничего не украли. Тетя, конечно, была сильно шокирована, обнаружив Хелма в комнате племянницы почти в двенадцать ночи, но ничего не сказала. Кто его знает, может, он действительно прогонял грабителей. Мистер Хелм уезжал в конце недели, но в оставшиеся дни всюду ходил за мисс Феррис. Дело дошло до того, что перед отъездом он сделал ей предложение руки и сердца, но получил отказ. Хелма Феррис была не настолько глупа, чтобы питать иллюзии относительно своей привлекательности для мужчины с внешностью и темпераментом мистера Хелма.

— Я полагаю, он решил, что у меня что-то есть за душой, — призналась она по возвращении квартирной хозяйке. — Впрочем, он был недалек от истины. Перед отъездом тетя сказала, что сделала меня в завещании своей наследницей. Не знаю, что и думать. Неужели когда-нибудь мне можно будет оставить преподавание и начать управлять пансионом. Думаю, мне бы это понравилось. Но в любом случае надеюсь, что моя дорогая тетя проживет еще много лет.

IV

Харствуд переживал. Ему уже исполнилось восемнадцать, но отец решил оставить его в школе еще на шесть месяцев, чтобы он мог подготовиться к поступлению в Оксфорд — и не куда-нибудь, а в престижный Баллиол-колледж. Основания для этого были. Харствуд стоял одним из первых в списке успеваемости в классе. Он был юноша способный, трудолюбивый и увлекающийся. Постоянно метался и все никак не мог себя найти.

А сейчас и вовсе потерял голову, забросил занятия фотографией и влюбился. Причем не просто так, а в молодую учительницу музыки. Да-да, ту самую очаровательную мисс Клиффордсон. Племянницу директора. Влюбился трогательно и безнадежно. Она, конечно, это замечала, была польщена, смущена, но не более того. Самым большим его достижением были три танца с ней на школьных вечерах.

Душевные муки юноши не могли не сказаться на учебе. В этот раз его оценки оказались весьма скромными, и отец отменил запланированное на лето путе-

шествие в автомобиле, приговорив сына к десяти неделям пребывания в Богноре, где он должен был дышать морским воздухом и совершать небольшие прогулки. Мистер Харствуд, человек мягкий, но настойчивый, был убежден, что его мальчик переутомился, поэтому предписал ему носить в Богноре соломенную шляпу.

У Харствуда и так на душе было противно, а тут еще в первую же неделю ему на глаза попалась эта мымра, мисс Феррис. Ну почему, почему так? Юноша скрипел зубами от разочарования. Почему бы в Богноре не оказаться его возлюбленной, мисс Клиффордсон?

Но такого быть не могло, потому что она в это время совершала морской круиз на севере. Танцевала с молодыми офицерами, присматривая, за кого бы предположительно можно было бы выйти замуж. Они все были довольно милые, но главное в этом деле, конечно, жалованье. Оно должно быть приличным. За свою короткую жизнь Гретта Клиффордсон уже дважды была помолвлена и с надеждой смотрела вперед.

Надо сказать, что в школе по ней вздыхал не только юный Харствуд, но и мистер Браунинг, молодой учитель английского в младших классах. Он проводил отпуск, занимаясь рыбалкой, так что имел много времени для размышлений. В отличие от Харствуда несчастным этот человек себя не считал. Ему было двадцать семь, и он положил глаз на директорство в небольшой средней школе с гуманитарным уклоном в центральном графстве. К тому же Браунинг пописывал, правда, пока не публиковался, но надежды не терял.

Насчет женитьбы он решил, что сделает это обязательно, когда начнет зарабатывать достаточно, чтобы содержать жену и детей. Он провел спокойный, полезный для здоровья отпуск и на седьмой неделе написал

директору в Экс-ле-Бен, французский курорт с серными источниками, где тот проводил отпуск, письмо с просьбой дать рекомендацию. А директор, не читая, бросил письмо в мусорную корзину, напевая при этом веселую мелодию. Не хотел он в отпуске заниматься школьными делами.

Учитель рисования Смит проводил отпуск с учителем математики Пулом. Они на грузовом морском судне доплыли уже до Пирея в Греции. Смит рисовал, курил и вел разговоры, а Пул помогал в машинном отделении и поигрывал в покер, всегда удачно. О школе они не думали. В Марселе французский моряк ранил Смита ножом, и тут Пул показал, на что способен. Об этом его школьные коллеги даже не догадывались. Он отдела этого типа, как говорится, под мрамор, а затем они скрылись на своем корабле в сопровождении местной женщины, которая и была причиной ссоры. Их сильно отругал капитан, которому пришлось задержать отплытие на четверть часа.

Учитель истории снял комнату в Лондоне, чтобы позаниматься в Британском музее — он работал над школьным учебником. Оставшиеся от отпуска дни он провел с женой и двумя детьми на морском курорте в Рамсгите.

Учительница географии мисс Фрили отправилась с подругой в пеший турпоход по живописному лесистому району Южной Англии. Они вернулись в Лондон через Оксфорд и остановились на квартире у приятельницы, чтобы провести остаток отпуска в столице.

А вот у несчастной школьницы Мойры Маллей, исполнительницы одной из ролей в «Микадо», каникул не было вовсе. Ей пришлось все лето работать, присматривая за двумя маленькими детьми. У ее мамы в

Ирландии не было денег, чтобы оплатить приезд дочки домой. Мойра, конечно, поплакала, но затем приободрилась. Присматривать за двумя симпатичными, хотя и сильно избалованными детьми было нетрудно. К тому же их родители платили ей за это пять шиллингов в неделю.

Учительница английского Алкеста Бойл — режиссер-постановщик «Микадо» — и учитель музыки Фредерик Хэмстед — дирижер оркестра — проводили отпуск в Париже, пребывая в греховной связи. Мистер Бойл давно умер, а миссис Хэмстед находилась в частной лечебнице для душевнобольных. Она была алкоголичкой. Поэтому миссис Бойл и мистер Хэмстед считали, что имеют на это право. Они уже давно любили друг друга и всегда проводили отпуск вместе. Но, разумеется, держали это в большой тайне.

Селились они обычно за границей, в большом городе, где вероятность случайно встретить кого-нибудь из знакомых была минимальна. Побывали в Лондоне, Нью-Йорке, Барселоне, Вене, Лиссабоне, Риме, Осло и других европейских и американских городах. На Рождество всегда уезжали в Лондон, а на Пасху — в Севилью или Рим. В принципе им ничего не было нужно. Лишь бы находиться рядом друг с другом.

Они считали, что об их связи к школе никто не догадывается, но ошибались. Келма Феррис, возможно, единственная знала их тайну. Она была чрезвычайно наблюдательна, а отсутствие семьи и друзей позволяло сосредоточиться на жизни окружающих.

Хэмстед был человек страстный, импульсивный, как и положено настоящему музыканту. По настоянию Алкесты он под псевдонимом опубликовал несколько небольших опусов и даже целую симфонию. Однако гоно-

рар за эти произведения был мизерным и не позволял получить свободу. Так что приходилось держаться за работу. Надо отдать должное директору, у него и в мыслях не было бы предложить попечительскому совету уволить кого-то, если бы обнаружилась их связь. Он терпимо относился к «свободной любви», лишь бы это не мешало работе. Фредерик и Алкеста об этом догадывались, но соблюдение тайны для них было своего рода игрой. Ведь скрываемое от всех сокровище кажется еще более ценным именно потому, что о нем никто не знает.

Учительница физкультуры мисс Камден, которая, вне всяких сомнений, должна была входить в состав исполнителей, но ее роль отдали нелепой тихоне мисс Феррис, в очень скверном настроении отправилась в Монтрё и пробыла в Швейцарии две недели, затем переехала в Италию, пожила на побережье озера Лугано, после чего перебралась в Монте-Карло, где много проиграла в казино. Настолько много, что пришлось телеграфировать отцу с просьбой прислать денег. Иначе ей не на что было вернуться домой. Остаток отпуска она прожила у родителей и вернулась в школу в еще худшем настроении, чем уезжала в конце учебного года.

Глава II

РЕПЕТИЦИЯ

I

В новом учебном году, как и планировалось, сразу начались репетиции «Микадо». Время пролетело быстро, и вот уже пришла пора попробовать играть в костюмах.

В эти дни мисс Феррис вдруг начала опаздывать в школу. Это сильно ее угнетало, хотя всякий раз находились уважительные причины.

Вот и сегодня опять. А все потому, что вчера на ужин она поела рыбы, видимо, несвежей. Почти всю ночь промаялась с животом. Наконец приняла два таблетки аспирина и заснула только к утру. Зато крепко. Будильник зазвонил в положенное время, но мисс Феррис его не слышала и проснулась только в начале девятого, когда квартирная хозяйка постучала в дверь и объявила, что завтрак через десять минут.

В результате она опоздала на пять минут и тут же побежала к директору извиняться. Мистер Клиффордсон сочувственно ее выслушал и успокоил. Сказал, что ничего страшного не случилось. Но мисс Феррис все равно переживала, потому что относилась к своим обязанностям в школе с почти болезненной добросовестностью.

Проводить первый урок она явилась в расстроенных чувствах. И там тоже не заладилось.

Школьники, особенно в младших классах, на вид обычные дети, но это не мешает им изводить учителей. Правда, мисс Феррис пока удавалось избегать конфликтов. Она была доброй, понимающей, с сильно развитым, но, к сожалению, нереализовавшимся материнским инстинктом. Умела заинтересовать учащихся своим предметом, сделать его увлекательным. Да и подросткам, что бы там ни говорили, арифметика нравилась, даже если они в ней были не особенно сильны.

Так случилось, что в классе, где учились тринадцатилетние, была девочка, которую мисс Феррис не любила. Это было для нее не характерно, но девица действительно попалась неприятная. С лицом, как у хорька,

белесыми, свисающими на плечи волосами, дерзкими серыми глазами, смышленная, заниматься она не любила и все время отдавала баскетболу и вообще спорту. Фамилия ее была Картнелл.

Мисс Феррис к спорту относилась положительно, но девочка вела себя вызывающе, демонстративно не выполняла домашние задания и в классе ничего не делала. В общем, терпению учительницы пришел конец, и в тот роковой вторник, день репетиции «Микадо» в костюмах, она оставила бездельницу после уроков.

В любой другой день это бы не имело большого значения, но как раз во вторник у школьной баскетбольной команды был ответственный матч, а тут, как назло, центральная нападающая сломала руку, и тренер, мисс Камден, собиралась заменить ее этой самой девочкой. Она вполне годилась.

Мисс Феррис ничего этого не знала, а когда узнала, то неожиданно заупрямилась и отменять решение отказалась. Девочка всплакнула, принялась просить прощения, но мисс Феррис не уступала, сознавая при этом, что поставила себя в неловкое положение.

Как только прозвенел звонок, девочка побежала к мисс Камден сказать, что играть сегодня не сможет.

— Почему? — спросила тренер.

— Потому что мисс Феррис оставила меня после уроков до пяти.

Мисс Камден махнула рукой.

— Чепуха. Я с ней поговорю. А ты будь у ворот школы в половине четвертого.

Девочка вернулась, затем начался урок географии, и она пустила по классу записку: «Эта зануда Феррис вздумала меня наказать. Ничего у нее не получилось. Я все равно буду играть».

* * *

Но она не играла. Мисс Феррис уперлась и с настойчивостью, удивлявшей ее самое, отказывалась отпустить ученицу. Дело дошло до директора. А мистер Клиффордсон придерживался старомодных взглядов. Успехи школьных команд в разных там чемпионатах его мало волновали. Приоритет всех прочих предметов, особенно английского языка, перед физкультурой и спортом для директора был непререкаем. Поэтому он принял сторону мисс Феррис и послал за школьницей Картнелл. Посмотрев ее тетрадь по арифметике, директор отчитал девицу как следует и приказал до пяти выполнить все несделанные задания.

Мисс Камден ничего не оставалось, как подчиниться. Ее команда проиграла со счетом семь — двенадцать, так что шансов пробиться в финал не осталось никаких. Не стоит и говорить, в каком состоянии она пребывала. Это была самолюбивая, ограниченная молодая женщина, жившая успехами своих подопечных и мечтавшая изменить точку зрения директора на спорт. Для нее поражение команды было равносильно трагедии.

А бедная мисс Феррис, расстроенная ссорой, со взвинченными нервами, невыспавшаяся, вдобавок ко всему еще и страдавшая желудком, который до сих пор был не в порядке, в пять отправилась домой пить чай и вернулась в половине седьмого на репетицию в костюмах. Там ее ждали новые неприятности.

Началось того, что Харствуд — он тоже сильно нервничал — первую арию исполнил фальшиво, а вторую и вовсе заporол. Мойра Маллей настолько переволновалась, что играла из рук вон плохо. Не отставала от них и мисс Феррис. Ее выход в конце первого акта оказался полным провалом. Алкеста Бойл была в отчая-

нии, работавший суфлером мистер Браунинг возмущался, что актеры не слушают его подсказок и путают слова. Дирижер Фредерик Хэмстед посмеивался. Бедная мисс Феррис чуть не плакала, а Мойра рыдала в голос. В перерыве мисс Клиффордсон была холодна с несчастным Харствудом и еще холоднее в конце репетиции, до предела усугубив его страдания. Директор всех успокаивал. Уверял, что на премьере все будет прекрасно. Никто ему не верил. Прогон закончился в девять тридцать, но Алкеста Бойл настаивала, чтобы снова пройти первый акт.

— Мисс Феррис, пожалуйста, послушайте меня. — Ласково улыбаясь, она взяла руку поникшей Катиши. В гриме, который миссис Беротти, бывшая актриса-профессионалка, щедро наложила на ее простоватое, но не такое уж неприятное лицо, та выглядела ужасно. — Свою первую реплику, когда вы только появляетесь на сцене, постарайтесь произнести с нажимом. Чтобы сразу был виден характер. Понимаете?

— Может, вы сами покажете, Алкеста? — спросил улыбающийся Смит, который играл Микадо.

— Да, покажите, пожалуйста, — раздалось несколько голосов.

— Это было бы так любезно с вашей стороны, — пролепетала мисс Феррис, робея перед великолепной Алкестой.

— Тогда уж давайте начнем второй акт, — предложил директор. — Вы будете показывать Катишу, а мы вам все подыграем.

Миссис Беротти, гримерша, бывшая актриса, вышла из-за кулис в зал посмотреть и через некоторое время восхищенно зашептала на ухо Фредерику Хэмстеду:

— Это просто чудесно!

Ария Катиши закончилась под взрыв аплодисментов. Мистер Пул тоже отличился, но все восхищались Алкестой. Она повеселела и велела начинать первый акт.

Выход Келмы Феррис был в самом конце. Она решила посидеть в какой-нибудь пустой классной комнате, сосредоточиться и случайно попала в кабинет рисования. В ее распоряжении был целый час, поэтому она включила свет и принялась рассматривать развешанные по стенам рисунки и картины. Затем ее внимание привлек накрытый тканью предмет на подставке высотой чуть больше метра.

Келма подошла. Ткань не полностью закрывала предмет, было видно, что это лепное изделие. Вообще-то мисс Феррис была не слишком любопытна, но тут ее вдруг одолел необъяснимый интерес. Ей почему-то очень захотелось посмотреть, что же такое спрятано под тканью. Она начала снимать покрывало и, видимо, что-то задела. Скульптура упала на пол и раскололась.

Келма Феррис расплакалась от огорчения. Она, обычно осторожная до чрезвычайности, с трепетом относившаяся к чужому, и вот надо же — такое несчастье. Келма сразу поняла, что работа эта не ученическая, а труд самого мистера Смита. Глиняная статуэтка, видимо, Психеи, готовая к отливке в гипсе. Даже на ее не сильно искушенный в искусстве взгляд, статуэтка выглядела очень красивой. Расстроенная дальше некуда, она поставила поврежденную фигурку на место, выключила свет и вышла в коридор. Затем нашла стул и села неподалеку от сцены в темном углу, ожидая своего выхода, повторяя в уме тексты реплик и арии.

Неожиданно где-то рядом раздался голос. Мисс Клиффордсон она узнала сразу, а потом и мужской го-

лос. Он принадлежал Харствуду, исполнителю роли юного Нанки-Пу.

— Мой дорогой мальчик, — тихо произнесла мисс Клиффордсон. — Разве ты не понимаешь, что по возрасту я гожусь тебе... хм... ну, пожалуй, в тетушки. Подумай хорошенько.

— Я больше не могу, — отозвался юноша. — Пойдем отсюда.

Келма выглянула в коридор и, увидев, что они вошли в кабинет рисования, тут же вскочила и поспешила вслед. Ей очень не хотелось, чтобы они увидели разбитую статуэтку и сообщили об этом Смиту. Как можно было им помешать, Келма Феррис тогда не осознавала. Просто действовала механически.

Дверь они оставили полуоткрытой. Она неслышно скользнула внутрь.

— Гарри, ты совсем спятил? — донесся голос Гретты.

Затем послышалась возня, шумное, частое дыхание и наконец звук поцелуя.

— Нет! — вскрикнула Гретта, вырываясь из объятий пылкого поклонника.

В этот момент Келма Феррис, державшая палец на выключателе, невольно его нажала. Зажегся свет, Харствуд вскрикнул, а мисс Клиффордсон проговорила с наигранной веселостью:

— Какое событие. К нам пожаловала Катиша.

— Мне показалось, что я оставила здесь веер, — пробормотала мисс Феррис. — А вы, я вижу, решили порепетировать?

Харствуд молчал, мисс Клиффордсон беззаботно рассмеялась. Затем они, не проронив ни слова, последовали за мисс Феррис за кулисы.

* * *

После репетиции Харствуд проводил Гретту до дома. Он шел молча, угрюмо потупившись. Она же вела себя как ни в чем не бывало.

Гретта Клиффордсон была эгоистичной и пустой, но отнюдь не бессердечной девушкой. Она жалела этого мальчика. Да, конечно, говорила она себе, это у него юношеское увлечение, и он скоро уедет, появятся новые приятели, новые интересы, но все равно я вела себя дурно, зачем-то поощряла его, давала надежду. Конечно, это приятно, когда в тебя влюблен такой симпатичный юноша, но надо было подумать и о нем. Он стал хуже учиться и вообще в последнее время забросил все свои дела. Хорошо еще, что нас застукала эта недалекая мымра Феррис. Страшно подумать, что могло бы случиться, если бы в кабинет рисования вошел какой-нибудь другой педагог.

Как будто услышав ее мысли, Гарри Харствуд неожиданно произнес:

— Интересно, она кому-нибудь расскажет?

Гретта вздрогнула.

— Кто?

— Феррис.

— Конечно, нет.

— Но она чуть что бежит к старику советоваться. Это всем известно.

— Так это насчет учебы.

— А мы, значит, не имеем отношения к учебе?

Гретта рассмеялась, но смех звучал не очень убедительно. Она знала, что дядя человек не мелочный, но его реакцию на известие, что ее целовал ученик, пусть даже старшеклассник, предсказать было невозможно.

Он может прийти в ярость, потому что без поощрения Харствуд на такое никогда бы не отважился.

А Феррис вполне может наябедничать. И не со зла, а просто так, из обостренного чувства долга.

У ворот дома она взяла из рук Харствуда свой портфель и, пожелав молодому человеку спокойной ночи, почти побежала к входной двери. Он постоял, посмотрел ей вслед и медленно двинулся прочь. Дома был ужин, разговоры с родителями. Харствуд едва это выдержал, мечтая скорее подняться к себе наверх, лечь в постель и снова пережить в памяти события этого чудесного вечера.

II

Мисс Феррис ворочалась в постели, не в силах заснуть. Из головы не выходила разбитая статуэтка мистера Смита. Время от времени ее внимание отвлекалось на другой инцидент, тоже не из приятных. Мисс Камден, конечно, будет ей мстить, она не из тех, кто забывает и прощает.

Возможно, школьная команда и с этой Картнелл все равно бы проиграла, но теперь уже это не важно. Обида была нанесена, и кому — мисс Камден, которая и мелочей-то не пропускает. И надо же было такому случиться именно с Келмой Феррис, такой доброжелательной со всеми, такой миролюбивой.

На периферии сознания Келмы Феррис маячил и третий случай. Он досаждал ей, как больной зуб. Она вспоминала шокирующую сцену, для нее чрезвычайно шокирующую, с участием мисс Клиффордсон и Харст-

вуда. Она думала о том, надо ли сообщить директору. Молодая учительница и ученик — это же возмутительно, он должен об этом знать. Но в то же время ей казалось несправедливым сразу идти к директору, не поговорив вначале с мисс Клиффордсон. А Харствуда, она чувствовала, лучше не трогать. Не получится у нее разговор с юношей о таких делах.

Вот так, одна за другой невеселые мысли сменялись в ее сознании. Наконец она заснула и проснулась, не отдохнув, с тяжелой головой и тяжелым сердцем. Одно Келма Феррис решила определенно. Перед началом уроков она пойдет к мистеру Смиту, покается и смиренно примет гневные слова, которые он на нее обрушит.

Мисс Феррис явилась в школу двадцать пять минут девятого и сразу направилась в кабинет рисования. Мистера Смита не было, только двое мальчиков готовились к занятиям. Она послала одного за ним в учительскую. Минуты через три мальчик вернулся с мистером Смитом.

Учитель рисования, высокий, смуглый, меланхоличный, вопросительно посмотрел на Келму, улыбнулся, затем попросил мальчиков выйти и пригласил ее сесть. Но она осталась стоять, опустив голову, затем, почти задыхаясь, выдавила из себя:

— Мистер Смит, я заслуживаю сурового наказания за свою неловкость. Понимаете, вчера вечером я забрела сюда и случайно, поверьте, совершенно случайно уронила вашу глиняную модель — та, что на подставке, под покрывалом. Она разбилась. Я ужасно об этом сожалею. Ужасно. Даже не могу представить, как это случилось.

Мистер Смит медленно прошел к подставке, снял покрывало, осмотрел статуэтку. Она была безнадежно испорчена.

— Хм-м, — сказал он. — Боюсь, тут уж ничего не поделаешь. — И принялся насвистывать.

Мисс Феррис попыталась что-то сказать, но он ее остановил:

— Прошу вас, не мучайте себя. Извинениями тут не поможешь.

Неожиданно Смит сбросил статуэтку на пол и начал топтать ее. От фигурки остались только мелкие осколки, а он все топтал и топтал, поднимая пыль.

Мисс Феррис в ужасе смотрела на него, жалея, что родилась на свет. Даже если бы он ее побил, и то было бы легче. А наблюдать, как художник в остервенении топчет свою работу, просто не было сил...

Она повернулась и, ничего перед собой не видя, побежала в учительскую, где ухватилась за Алкесту Бойл. Только эта женщина могла успокоить Смита. Келма знала, что он безнадежно влюблен в Алкесту.

— Пойдемте, пожалуйста, со мной. Скорее, — умоляла Келма Феррис.

Изумленная Алкеста последовала за ней.

Она вошли в кабинет рисования. Смит уже окончательно уничтожил свою работу и теперь сидел, орудуя мастихином. Соскребал с туфель глину. Его руки не дрожали.

Посмотрев на вошедших, он отряхнул с брюк пыль и с улыбкой встал.

— Вот такие дела.

— Дональд! — с ужасом воскликнула Алкеста Бойл. — Неужели это ваша Психея? — Она повернулась к Келме Феррис.

Та стояла бледная как мел.

— Это я ее уронила.

— Вам не следовало заниматься этим в школе, Дональд, — укоризненно произнесла Алкеста. Затем снова посмотрела на Келму Феррис. — Вы тут ни при чем. Это все из-за его небрежности.

Увидев Келму через несколько часов, она подошла к ней.

— Не переживайте, мисс Феррис. Дональд сам виноват. Лепил бы Психею дома, она была бы цела.

— Мне не следовало прикасаться к его работе, — ответила Келма. — Я этого себе никогда не прощу.

Алкеста Бойл молчала, и тогда Келма Феррис вдруг ни с того ни с сего выпалила:

— Для меня странно, что вы так разговаривали с мистером Смитом. Понимаете, я думала, что это мистер Хэмстед, с кем вы... ну...

Мисс Феррис замолкла, и они разошлись, так и не сказав больше ни слова.

III

Репетиция в костюмах проходила во вторник. В среду Келма Феррис наблюдала, как Смит топчет свою работу. Премьера «Микадо» была назначена на пятницу, а в четверг состоялась генеральная репетиция.

В этот день Келма Феррис ходила как неприкаянная. Она боялась и самой репетиции, и встречи с Алкестой Бойл. А поскольку Алкеста наверняка рассказала Хэмстеду, что их тайна больше не тайна, то она страшилась и встречи с ним.

Кстати, репетиция прошла не так уж плохо. Актеры играли без грима и костюмов. Вначале прошли второй акт, и тут, на удивление всем, Келма Феррис, то ли переволновавшись, то ли по какой иной причине, играла просто замечательно. И Мойру Маллей тоже в этот вечер было не узнать.

Потом директор у себя в кабинете организовал для всех чай. Там Келма опять зажалась и сидела, не смея поднять головы.

Харствуд сидел далеко от мисс Клиффордсон. А та оживленно болтала с учителем английского, веселая, беззаботная и соблазнительная.

Мистер Смит молчал. Он вообще-то никогда не был особенно общительным, но сейчас Келма думала, что он с грустью размышляет о своей погубленной работе.

Алкеста Бойл разливала чай, и Келме показалось, что она была сдержаннее, чем обычно. Фредерик Хэмстед, напротив, смеялся и шутил, деля внимание между Мойрой, которая повеселела и мило ему улыбалась, и мисс Фрили, молоденькой учительницей, недавно из колледжа. Учитель математики мистер Пул пил в огромных количествах чай и декламировал забавные лирики. В общем, все веселились, каждый по-своему.

Даже Келма Феррис постепенно начала оттаивать, никакие предчувствия относительно будущего ее не посещали. Домой она вернулась поздно, записала в дневник, что надеется завтра сыграть не хуже, чем сегодня на репетиции. Осторожно промокнула написанное и легла в постель.

Рано утром она встала, чтобы начать свой последний день на земле.

Между тем в это утро по крайней мере шесть человек поднялись с постели отнюдь не с радужными мыслями.

Вот о чем они размышляли.

Харствуд: «Она вчера смотрела на меня так странно, наверное, уже решила наябедничать старику. Надо же, какая стерва, ходит и все вокруг подсматривает и подслушивает. Интересно, Гретта сильно расстроится, если меня выгонят? Неужели старик не даст мне закончить школу?»

Гретта Клифффордсон: «Дядя этого не потерпит. Мне придется уйти. А я не выдержу в другой школе, особенно если там будет директриса. Сбегу через две недели. Может быть, мне выйти замуж на Томми Браунинга и избавиться от этих неприятностей? И что будет с бедным Гарри? Интересно, какой эта Феррис собралась выкинуть фортель?»

Дональд Смит: «Шесть месяцев работы, и все коту под хвост. К тому же заказ был заранее оплачен, а деньги истрачены. И что мне теперь отдавать Аткинсону? Да, если бы я работал дома, такого бы не случилось. Но дома было нельзя, девочка-натурщица не могла туда прийти».

Мисс Камден: «Ничего, придет время, и я с этой Феррис посчитаюсь. Надо же, работала-работала с командой, надрывалась, и все пошло прахом».

Фредерик Хэмстед: «Надеюсь, директор при увольнении даст мне рекомендацию. Или не даст? Может, попросить сейчас, пока эта окаянная женщина все не разболтала? Зайду к нему во время первого урока, у меня как раз нет занятий. А может, не надо? Может, лучше пока помалкивать?»

Алкеста Бойл: «Беспокоиться мне совершенно не о чем. Во-первых, она ничего конкретного не знает, а во-вторых, вряд ли побежит к директору. Непохоже. Но все равно неприятно, когда твою тайну кто-то знает».

Глава III

СМЕРТЬ

I

В пятницу к половине одиннадцатого утра у Келмы Феррис прибавилось хлопот. От тети из Богнора пришла телеграмма загадочного содержания.

«Остерегайся Хелма овдовел при подозрительных обстоятельствах спрашивал о школе».

Занятия арифметикой обострили ее мозги достаточно, чтобы расшифровать послание.

«Опасайся мистера Хелма, с которым ты сидела за обеденным столом в моем пансионе в первый день летнего отпуска, а потом попросила пересадить в другое место. Кажется, он последователь, а может быть вообще реинкарнация Джорджа Джозефа Смита, который в 1915 году был судим за то, что утопил в ванне трех своих жен сразу же после свадьбы, одну за другой. Он спрашивал адрес твоей школы».

Телеграмма Келму встревожила. А как же иначе. Она жила в своей норке, казалось, в полной безопасности, и тут на тебе такое. Ей нужен был совет.

И вот в перерыве все видели, как мисс Феррис, вместо того чтобы выпить кофе с бисквитами, побежала в кабинет к директору.

«Значит, все же решила наябедничать, — подумала мисс Клиффордсон. — Надо при случае предупредить Гарри».

Однако меньше чем через три минуты мисс Феррис вернулась в учительскую. Директор не смог ее принять, он был занят.

Фредерик Хэмстед только плечами пожал. В конце концов, а что она такое знает?

Они с Алкестой вели себя очень осторожно. И он регулярно ездил в лечебницу провести бедную Мэрион. Кстати, ее содержание там стоило немалых денег. Единственным развлечением у миссис Хэмстед были ежедневные прогулки в одиночестве вокруг декоративного пруда. Фредерик однажды даже рассказал об этом Смигу.

Конечно, Келма Феррис могла не ходить к директору, а показать телеграмму Алкесте Бойл, но после того как она непонятно зачем ляпнула, что знает о ее связи с Хэмстедом, искать у этой женщины сочувствия и совета было невозможно. Нет, надо подождать, когда директор освободится. На следующем уроке она даст ученикам задание и быстро сходит к нему. Первый раз в жизни Келма чувствовала себя одинокой и незащищенной. Она не забыла о вторжении Хелма в ее комнату ночью, а потом странное предложение руки и сердца.

Примерно без четверти двенадцать Келма Феррис все же побывала у директора. Беседа длилась недолго. Директор прочитал телеграмму, выслушал ее и успокоил. Этого негодяя ей здесь опасаться нечего.

Кстати, никто не видел, как она входила в кабинет директора, и мистер Клиффордсон никому об этом не говорил.

Спектакль начинался в половине восьмого, так что вскоре после семи зрительный зал начал наполняться. Учителя, не участвующие в постановке, работали распорядителями. Алкеста Бойл, постановщица спектакля, приветствовала важных гостей и постоянно бегала за кулисы проверить готовность к поднятию занавеса.

Наконец спектакль начался. Примерно в середине первого акта Алкесте сообщили, что Катиши нигде нет.

— Она поправляла грим в ванной комнате, но теперь там темно, — сказала девочка-посыльная.

Алкеста Бойл не очень встревожилась. Несомненно, мисс Феррис скоро появится. Ее выход в самом конце первого акта. Алкеста села передохнуть. Из головы не шел недавний намек Келмы Феррис, что она все знает. И дело было даже не в этом. Знает, ну и пусть знает. Просто теперь Алкеста вдруг впервые решилась посмотреть правде в глаза. Им с Фредериком все время придется прятаться, пока не умрет его жена. А на развод он не пойдет, потому что католик. У них разводы недопустимы.

Время шло, Келмы Феррис все не было. Неужели заболела и сидит в какой-нибудь комнате? Алкеста поспешила по коридору, распахивая все двери подряд, включая свет. Везде было пусто.

Единственным персонажем, который выходил на сцену только во втором акте, был сам Микадо, которого играл учитель рисования Смит. Алкеста подумала, а вдруг они стоят где-то, разговаривают. Она отыскивала

Смита. Тот курил и беседовал о чем-то с электриком. Келму Феррис он не видел.

Положение становилось серьезным. Алкеста направилась в затемненный зрительный зал и нашла мисс Камден, которая должна была исполнять роль Катиши, если бы Келма Феррис не стала финансировать постановку спектакля, и попросила ее срочно идти гримироваться.

Но мисс Камден категорически отказалась. Сказала, что не может вот так выходить на сцену и играть, когда ее предупредили всего за несколько минут. Алкеста заметалась, а затем наконец приняла решение. Нашла самую крупную девушку из хора, взяла у нее костюм и быстро сама загримировалась под Катишу. Поскольку Келма Феррис так и не пожелала материализоваться, то Алкеста вышла в конце первого акта и сыграла так, о чем бедная Келма не могла и мечтать.

Занавес упал под бурные аплодисменты. В антракте Алкеста направилась в гримерную, чтобы миссис Беротти поправила грим, затем пошла проверить хор. Надежды, что мисс Феррис объявится, уже не было.

Отсутствие Келмы Феррис вызвало толки не только за кулисами, но и в зрительном зале. Ее квартирная хозяйка решила, что от переживаний бедняжке стало плохо. Что касается школьников, то все они почти единодушно решили, что мисс Феррис сняли с роли в самый последний момент, потому что она плохо играла.

Второй акт прошел с еще большим успехом. Харствуд в первом акте действовал как-то неуверенно, но зато потом разыгрался на славу. Алкеста Бойл в роли

Катиши была просто великолепна. Ей очень удачно подыгрывал Смит-Микадо, что вызывало шквал аплодисментов. Правда, Мойра Маллей держалась как-то скованно, но на общем фоне это было незаметно.

«Микадо» прошел с необыкновенным успехом.

В примерной мадам Беротти, мягко удаляя с лица Алкесты грим, не переставала ее нахваливать. И потом, уходя домой, ласково погладила примадонну по голове.

— Вы сегодня доставили ей истинное удовольствие, — заметила мисс Фрили, глядя вслед бывшей актрисе, которая в свои восемьдесят сохранила стройность фигуры и элегантность походки. — Это чудесно, миссис Бойл, что вы сыграли Катишу.

Алкеста устало вздохнула.

— Хотелось бы знать, почему мисс Феррис ее не сыграла. Что с ней приключилось?

— Скорее всего заболела, — предположила Гретта Клиффордсон. — Возможно, искала вас, но не нашла. И это скверно со стороны мисс Камден отказаться ее заменить, когда вы просили. Она ведь хорошо знает роль, играла ее в Городском драматическом обществе.

— Вы же знаете, как она обиделась, когда ее обошли, — сказала мисс Фрили. — И она бы сыграла в сто раз лучше, это несомненно. Конечно, я имею в виду не вас, миссис Бойл, а мисс Феррис. С вами никто сравниться не может.

Алкеста поправила на красивых обнаженных плечах съехавшую бретельку и весело рассмеялась.

— Перестаньте меня хвалить, а то я могу нечаянно лопнуть от гордости.

Молодые учительницы рассмеялись в ответ.

Алкеста наконец надела туфли и внимательно посмотрела на Мойру Маллей.

Девочка сидела и как будто не собиралась уходить.

— В чем дело, Мойра? Ты готова?

На глазах у девочки выступили слезы.

— Миссис Бойл, мне нужно с вами поговорить, — произнесла она дрожащим голосом.

— Говори, — бросила Алкеста. Слезы ее раздражали.

— Понимаете, я знаю, где... мисс Феррис.

— Что? — воскликнула Алкеста Бойл. — Что ты сказала?

Молодые учительницы застыли в оцепенении.

— Она... кажется, умерла, — еле слышно проговорила Мойра. — Она была в ванной комнате... в антракте я зашла туда попить... но мне не хотелось портить спектакль, и я... она...

Алкеста повернулась к молодым учительницам.

— Идите скорее. Найдите директора. Надо немедленно это проверить.

Когда они вышли, закрыв за собой дверь, Алкеста села, обняв испуганную девочку.

— Послушай, Мойра, соберись, возьми себя в руки и перестань плакать. — Продолжая гладить ее по спине, она дождалась, когда девочка немного успокоится. — А теперь, не торопясь, расскажи, как все было.

— Я захотела пить и пошла в ванную, — начала Мойра. — У меня был стакан, я взяла его в лаборатории. Ну, чтобы попить... Там было темно, и свет не включался, понимаете. Я на ощупь, осторожно подошла к раковине, стала открывать кран и коснулась ее. Она была вся мокрая... и я убежала. Не стала никому говорить, боялась, что сорвется спектакль.

— А откуда ты знаешь, что это была мисс Феррис? — тихо спросила Алкеста. — И почему ты решила, что она мертва? Пока что ничего не ясно. Иди домой и постарайся об этом не думать. У тебя есть попутчики?

— Да, две девочки из хора, они живут дальше по нашей улице.

Через пару минут после ухода Мойры в комнату вошел директор. Постаревший, с серым лицом. Алкеста впервые видела его таким.

В ответ на ее вскинутые брови, он кивнул.

— Я послал Браунинга за доктором. Но сомнений нет, она мертва. Бедняжка. Не могу представить, почему это произошло.

— Расследование покажет, — проговорила Алкеста. Директор опять кивнул.

— Да... расследование. — Он посмотрел на нее. — Вам лучше не смотреть на... такое. Так что идите домой. Мы сделаем все необходимое, не беспокойтесь.

Он прошел по коридору в мужскую гримерную, где застал Хэмстеда и Смита.

— Мы вам нужны, сэр? — спросил Смит. Он был бледен и выглядел больным.

— Нет. Мы ничего не можем сделать. Я, конечно, останусь до приезда доктора и полиции. А вы можете идти. И пожалуйста... не обсуждайте это ни с кем за пределами школы.

Директор посмотрел на Хэмстеда.

— Миссис Бойл еще не ушла. Надеюсь, вы проводите ее домой? И постарайтесь успокоить. Это, конечно, ужасно, но у несчастной женщины, видимо, случился внезапный приступ безумия или что-то еще, чего нам не дано знать. Спокойной ночи, и поспешите, пока миссис Бойл не ушла.

Хэмстед, как лунатик, прошествовал в женскую примерную. Алкеста, как и ожидалось, не собиралась уходить.

— Ты иди, Фред, — сказала она. — А я останусь, посмотрю, что происходит. В конце концов должен же при этом присутствовать хоть кто-то из женщин.

— Директор поручил мне тебя проводить, — пробормотал Хэмстед, вертя в руках шляпу. — И я ее... видел. Это ужасно. Она сидела на стуле в ванной комнате, голова погружена в полную воды раковину. Ты думаешь, это самоубийство?

— Нет. — Алкеста решительно мотнула головой. — Я хорошо знаю женщин, и мисс Феррис не такого типа. Скорее можно предположить, что она неожиданно потеряла сознание. Мойра сказала, что мисс Феррис пошла умыться. Все это выглядит очень странно. И эта история непременно попадет в газеты. Престиж школы сильно пострадает. — Она взяла Хэмстеда за руку. — Пошли узнаем, что сказал доктор.

Они застали в мужской примерной одного директора. Тело мисс Феррис уже увезли в полицейской машине. Причина смерти — утопление.

— Посмотрим, что покажет расследование, — сказал директор. — Наверное, цинично так говорить, но я бы предпочел, чтобы такое случилось где угодно, только не в нашей школе. Не могу представить, что с ней произошло. Может быть, несчастный случай? И со светом, как назло, тоже что-то случилось. Пришлось принести свечи. Завтра утром свяжусь с ее родственниками. Так что давайте расходиться и утешаться тем, что могло быть хуже. Если бы такое случилось с кем-то из школьников, тогда бы вообще... Ладно, спокойной вам ночи.

II

Потом было коронерское расследование и вердикт: «Самоубийство в состоянии помутненного сознания», хотя никто из знакомых мисс Феррис ничего похожего на помутнение сознания у нее никогда не замечал.

На следующее утро после завершения расследования директор, по прежнему выглядевший постаревшим и измотанным, собрал педсовет. Учителя нервно переглядывались, прекрасно понимая причину созыва совещания.

Когда все собрались, директор обратился к ним сухим официальным тоном:

— На попечительском совете было принято решение немедленно найти замену мисс Феррис. И мне повезло. Временно поработать у нас, пока мы не подберем педагога соответствующей квалификации, согласилась одна довольно известная дама, психолог. Ее интересует принятый у нас метод совместного обучения, и она решила на месте проверить его эффективность. Буду весьма рад, если вы проявите к ней максимальное радушие. — Он улыбнулся и снова стал похож на прежнего себя, морщины на лбу разгладились, глаза повеселели. — Дама она пожилая и, возможно, станет высказывать взгляды, которые кое-кого из вас будут раздражать. Однако уверен, она вам понравится. — Он на секунду замолк. — Итак, с понедельника у нас начинает работать миссис Беатрис Адела Лестрендж Брэдли.

Все потрясенно молчали. Наконец мистер Браунинг спросил:

— Вы имеете в виду ту самую миссис Брэдли, сэр?

— Может быть, — холодно отозвался директор. — Но разве это имеет значение?

Совещание вскоре закончилось. Учителя начали расходиться, и директор подал знак Браунингу остаться.

— Миссис Брэдли пишет работу о юношестве, — произнес он, когда они остались одни. — И желает наблюдать за поведением мальчиков и девочек в школе с совместным обучением. Вы поняли?

— Понял, — ответил Браунинг, смело встретив взгляд директора. — Я понял также и то, что вы считаете гибель мисс Феррис убийством и потому пригласили сюда миссис Брэдли. А как же вердикт коронерского жюри?

— По-моему, вердикт ошибочен, но я не намерен его оспаривать. У меня есть серьезные подозрения, что мисс Феррис убили, но я не хочу поднимать шум и славить школу на всю страну. Понимаете? Миссис Брэдли тихо и спокойно решит, справедливы мои подозрения или нет, а затем уже будут предприняты соответствующие действия. Вот и все. Вначале я поверил, что мисс Феррис покончила с собой, но позднее выяснилось, что сливное отверстие раковины было залеплено глиной. Специальной, какую используют для художественной лепки. Поэтому давайтеждемся приезда миссис Брэдли и посмотрим, что она скажет. Буду несказанно рад, если она опровергнет мои домыслы. А до той поры убедительно прошу вас не муссировать эту тему с коллегами.

Браунинг нахмурился.

— Конечно, сэр, я никому не скажу ни слова, но... если вы считаете, что я единственный, кто почуял неладное, то сильно ошибаетесь. О миссис Брэдли так или иначе слышали все. О ней постоянно пишут в газетах, так что...

— Довольно, мой мальчик, — оборвал его директор. — Так вы мне обещаете?

— Конечно, конечно.

Браунинг вышел из кабинета директора, продолжая размышлять: «Старик наверняка кого-то подозревает. Скорее всего Смита. Глина, которой забили раковину, есть только в его кабинете. К тому же мисс Феррис разбила его Психею. Но как же он уговорил ее зайти с ним в ванную, причем женскую? И свет. Он что, и к этому приложил руку? Чтобы ее не сразу обнаружили? Что-то не верится».

В учительской все гадали, кого директор подозревает в убийстве. Так что его уловка выдать миссис Брэдли за обычную учительницу не удалась.

За ленчем все обсуждали возможность самоубийства мисс Феррис.

— Она была совсем не похожа на тех, кто кончает с собой, — заметила мисс Клиффордсон.

— Почему? — возразила учительница физкультуры мисс Камден. — Она была склонна к меланхолии, тихая, замкнутая. Наверняка сознавала, что сыграть эту роль как следует никогда не сможет. Нервы могли не выдержать.

— Но чтобы утопиться вот так, — глубоким голосом произнес учитель физики мистер Притчард. — Для этого требуется большая сила воли. Представляете, сунуть голову в полную воды раковину и держать ее там, пока не захлебнешься.

— Да, здесь что-то не так, — согласилась учительница ботаники. — Зачем топиться, когда гораздо легче принять яд. Возможно, она потеряла сознание и повалилась головой в воду.

— Хм-м, — произнес учитель математики мистер Пул. — Весьма странное совпадение. Как будто кто-то заранее знал, что она потеряет сознание, и к этому моменту была готова раковина, полная воды. Полная, потому что сток был забит глиной. И как вы объясняете факт, что несчастная мисс Феррис сидела на стуле?

— Дело в том, что стул в ванной комнате был, я это точно знаю, — подал голос Браунинг. — Незадолго до этих событий у меня на уроке у одной девочки пошла носом кровь. Я послал ее в ванную, а с ней мальчика со стулом, чтобы она промыла нос сидя. С тех пор стул там и остался.

— Боюсь, как бы из-за всего этого в конце учебного года родители не стали забирать из школы детей, — произнес учитель географии, приятный лысый мужчина сорока с лишним лет. — Я слышал, как в одной большой школе-интернате учитель химии перерезал себе горло, так они почти сразу же потеряли семьдесят процентов учеников.

— Может, оставим эти разговоры, — со вздохом произнес Браунинг. Он боялся, что директор заподозрит его в нарушении обещания. — Вот наши вчера проиграли в футбол один — десять. Разве это не возмутительно?

— И самое главное, — пробурчала мисс Камден, — игроков у них никто после уроков не оставлял.

Когда все начали расходиться, она догнала Хэмстеда на лестнице.

— Послушайте, а кто такая миссис Брэдли? О ней, кажется, знают все, кроме меня. Разъясните пожалуйста.

— Она известный психолог, — ответил Хэмстед. И после недолгой заминки продолжил: — Полагаю, ее пригласили расследовать гибель мисс Феррис.

— Она что, занимается такими расследованиями? — удивилась мисс Камден.

Хэмстед снова замялся.

— Да, если смерть случилась не по естественным причинам.

— В имеете в виду самоубийство?

— Нет, убийство, — твердо произнес Хэмстед.

В глазах у мисс Камден промелькнул испуг.

— Убийство? Но ведь вынесен вердикт, что она покончила с собой, разве не так?

Хэмстед рассмеялся.

— Наш директор, видимо, думает иначе.

— Разве он говорил что-то такое? — с тревогой спросила мисс Камден. — Наверное, я прослушала.

Хэмстед покачал головой.

— Он об этом не упоминал, но появление миссис Брэдли в нашей школе говорит само за себя.

В этот день все только это и обсуждали. Тех учителей, кто ничего не знал о миссис Брэдли, — впрочем, таких оказалось очень мало, — коллеги быстро просветили. Так что к концу занятий не только все учителя, но и большинство старшеклассников знали причину приезда миссис Брэдли.

Мисс Клиффордсон отыскала дядю и принялась допытываться.

— Я надеялся сохранить причину появления у нас миссис Брэдли в секрете, — сказал он, — но, кажется, не удалось.

— Если мисс Феррис действительно убили, то пусть это расследует полиция, — заметила Гретта. — Зачем впутывать миссис Брэдли?

— Видишь ли, моя дорогая, мысль о том, что в нашей школе умерщвлена несчастная безобидная жен-

щина, не дает мне покоя. И если я позволю, чтобы все осталось, как есть, меня до конца дней будет мучить совесть. Ты здравомыслящая, сдержанная девушка, и потому я назову тебе причины, почему обстоятельства гибели мисс Феррис должна расследовать именно миссис Брэдли. Дело в том, что мисс Феррис убили. — Он помолчал. — Ты, конечно, знаешь, что сток в раковине был забит глиной?

Гретта кивнула.

— А откуда она взялась? Я имею в виду глину. Только из кабинета рисования, где мистер Смит занимается с учениками лепкой. А теперь сама подумай, найдется ли вообще на земле хоть один человек, который бы решил лишиться себя жизни таким экстраординарным способом? Предположим даже, что она собралась утопиться. Так для этого в школе имеется плавательный бассейн, в той же ванной комнате, чуть дальше, есть глубокая ванна, есть наконец огромный аквариум. Почему же она выбрала небольшую раковину, расположенную низко над полом, в которой утонуть можно, только сидя на стуле?

— Но многие женщины так моют голову, — заметила Гретта.

— Вот как? Но забивать глиной слив, чтобы покончить с собой, — это весьма и весьма странно, разве не так? И потом стала бы она одеваться в костюм Катиши, а затем гримироваться, если собиралась свести счеты с жизнью?

Гретта ответила, поразмыслив над его словами:

— Нет. То есть надеть костюм она, конечно, могла, но гримироваться?.. Тем более что грим у Катиши ужасный. С трудом верится, чтобы какая-то женщина захотела бы умереть в таком виде. — Она снова ненадолго

задумалась, а затем сказала: — Ты меня убедил, дядя. Мисс Феррис не кончала с собой. Ее убили. У меня больше нет сомнений.

Директор вздохнул.

— А я надеялся, что ты меня переубедишь. Да, ее действительно убили. Бедное, несчастное дитя. Но почему?

Глава IV

ПОЯВЛЕНИЕ МИССИС БРЭДЛИ

I

Миссис Брэдли получила письмо директора во время завтрака. Голые деревья и зеленая трава в саду за окном, смутно проглядывая сквозь заиндеветшее окно, казались нереальными и призрачными.

Рядом с тарелкой лежали еще три письма. Миссис Брэдли, допивая кофе, взяла письма, взгляделась в каждое, затем отложила в сторону послание мистера Клиффордсона и быстро покончила с остальными. В первом лежал издательский каталог научных монографий по психологии, во втором — просьба о пожертвовании, в третьем — чек и благодарственное письмо от пациента, который совсем недавно был верным кандидатом в психиатрическую лечебницу, а теперь благодаря усилиям миссис Брэдли стал полезным членом общества.

Она бросила в камин все, кроме чека, который сунула под сахарницу, и вскрыла конверт мистера Клиффордсона. Прочитала письмо внимательно дважды. Директор

писал, что считает заключение коронера ошибочным и не сомневается, что несчастная женщина стала жертвой убийцы. Он изложил причины, которые привели его к такому заключению, и настоятельно просил приехать разобратся. В полицию директор был намерен обратиться лишь в случае крайней необходимости.

Миссис Брэдли пересела в кресло рядом с камином и принялась довязывать шерстяной джемпер в полосу. Через двадцать минут она позвонила в колокольчик и сообщила появившейся горничной — француженке Селестине, что собирается уехать примерно недели на три.

— *Bien**, мадам, — отозвалась горничная, привыкшая к причудам хозяйки.

— И пошлите Генри к викарию, чтобы он попросил для меня учебник арифметики, который попроще.

— *Bien*, мадам.

Селестина исчезла. Миссис Брэдли успела связать три дюйма джемпера, после чего явился викарий с учебником.

Миссис Брэдли поблагодарила его и сочла необходимым пояснить:

— В понедельник я начинаю работать учительницей арифметики в школе с совместным обучением, в Хиллмастоне.

Викарий кивнул:

— Решили исследовать психологию мальчиков и девочек, обучающихся совместно? Я слышал, это очень прогрессивный метод. Надеюсь, вам понравится.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнула миссис Брэдли. — А теперь ступайте, мой друг. Мне нужно позаниматься.

* Хорошо (*фр.*).

Викарий удалился, а миссис Брэдли послала Селестину на почту отправить телеграмму и затем, взяв учебник арифметики, погрузилась в изучение метода деления целых чисел столбиком.

II

В школу миссис Брэдли явилась в восемь тридцать пять, представилась коллегам и попросила у директора программку «Микадо». Потом мисс Фрили проводила ее на утреннюю молитву, после чего директор отвел миссис Брэдли в класс, где ей предстояло провести первый урок.

Следом было еще два урока, а затем образовалось «окно», которое миссис Брэдли провела в кабинете директора. Он повторил то, что она уже знала, то есть свои доводы в пользу версии убийства мисс Феррис. Однако всплыл и один новый факт.

— В тот день она приходила ко мне за советом, — сказал директор. — Относительно телеграммы, полученной от тети. Та держит небольшой отель в Богнор-Реджисе, где мисс Феррис во время летнего отпуска познакомилась с неким Хелмом. Так вот в телеграмме тетя призывала ее опасаться этого Хелма. Почему, не объяснила. Мисс Феррис тоже этого не понимала, но сильно встревожилась. Я ее успокоил и сказал, что, как только этот Хелм появится в нашем городе и начнет ей докучать, пусть она немедленно сообщит мне. Приметы этого человека я записал с ее слов. Вот они.

— Кроме этой тети, у нее есть еще родственники? — спросила миссис Брэдли.

— Насколько мне известно, она была сирота, — ответил директор. — Я и о существовании тети узнал, только когда увидел телеграмму. Тетя в завещании сделала ее главной наследницей. Хотя теперь это не важно.

Миссис Брэдли кивнула и предложила:

— Давайте внесем ясность относительно моего пребывания в вашей школе. Я убедилась, что буквально все преподаватели знают причину моего приезда. Но если тайное стало явным, я бы предпочла не заниматься здесь преподаванием, а посвятить все время расследованию.

— Вы правы, — согласился директор. — Давайте так и сделаем. А замену мисс Феррис я легко найду. У вас есть какие-то зацепки?

— Несколько. — Миссис Брэдли насупилась. — Первая, это письмо с объяснениями, которое тетя должна была выслать вслед за телеграммой.

— Но ни о каком письме я ничего не слышал, — сказал директор. — Тетя приезжала на похороны, присутствовала на коронерском расследовании, но о Хелме ни разу не упоминала. А я не решился спросить.

— Может, вы помните, что именно говорилось в телеграмме?

Директор наморщил лоб и вскоре выдал текст почти дословно. Память его не подвела.

— Там было что-то вроде: «Остерегайся Хелма, который овдовел при подозрительных обстоятельствах, спрашивал о школе».

Миссис Брэдли усмехнулась.

— Сегодня после занятий я схожу к квартирной хозяйке мисс Феррис. Возможно, у нее есть письмо, объясняющее эту телеграмму.

— Так идите сейчас, — предложил директор. — А я проведу урок.

В пять минут четвертого миссис Брэдли неспешно двинулась по прилегающим к школе тихим улочкам к дому, где жила мисс Феррис.

Дверь открыла хозяйка.

— Я хотела бы снять у вас комнату, — сказала миссис Брэдли.

— Входите.

Хозяйка проводила ее в гостиную.

— Уже несколько человек приходили спрашивали комнату, но я им не сдала, хотя мне очень нужны деньги. Понимаете, эти люди хотели пожить здесь неделю и вызнать все о бедной мисс Феррис. — Она посмотрела на гостью. — Я сдам вам комнату при условии, что вы не будете заводить о ней разговоры.

Миссис Брэдли серьезно кивнула.

— Я вас понимаю.

— Все эти разговоры о самоубийстве меня просто бесят, — продолжила хозяйка. — Болтают и болтают. А я-то знаю, что она была не такая, чтобы накладывать на себя руки. Настоящая христианка — вот кем была мисс Феррис. И хорошо воспитанная. Так что грех это большой клеветать на нее, что она утопилась, только потому, что они не могут найти убийцу.

— Убийцу? — удивленно спросила миссис Брэдли.

— А вы как думаете?

Миссис Брэдли вгляделась в женщину. Невысокая, измученная заботами, еще совсем не старая, но рано поседевшая, она говорила взволнованно и очень искренне. Позднее выяснилось, что хозяйка — вдова с малолетним ребенком.

— Я думаю, что вы, пожалуй, правы, — согласилась миссис Брэдли. — Кстати, директор школы думает точно так же. И потому решил провести расследование независимо от полиции.

Хозяйка промокнула глаза платочком.

— Поверьте, мне очень жаль бедную мисс Феррис. А тут все заладили — самоубийство, самоубийство. Даже ее тетя, когда приехала на похороны, пыталась мне внушить, что ее племянница наложила на себя руки. Мне не хотелось быть с ней резкой, она так искренне горевала. Мисс Феррис была ее единственной родственницей.

— А что она говорила о причинах самоубийства? — спросила миссис Брэдли.

— Представьте себе, — спохватилась хозяйка, — рассказала мне милую сказочку. Ей должно быть совестно за такие дурные мысли. По ее словам — а уж, поверьте мне, я знала бедную мисс Феррис много лучше, чем ее тетя, потому что она у меня здесь прожила восемь лет, и я сильно по ней скучаю, она была такая добрая и милая... — так вот, по ее словам, — думаю, это все вранье от начала до конца, — у ее племянницы во время отпуска была связь с одним мужчиной. Тетя застала его однажды в ее комнате среди ночи. И, представьте себе, она придумала, будто мисс Феррис забеременела от него и не смогла смириться с тем, что будет рожать незамужней. Да, может, он бы на ней и женился, но тетя, наверное, чтобы помешать этому, прислала ей телеграмму, чтобы она его к себе не подпускала. Вы бы видели, как бедная мисс Феррис расстроилась. Она не могла понять, в чем дело. Да и я тоже. Мисс Феррис говорила мне, что собирается показать телеграмму директору, спросить совета. Я думаю, не стала бы она к

нему ходить, если бы нарушила седьмую заповедь — не прелюбодействуй, — как вы думаете?

Миссис Брэдли вежливо согласилась, а затем спросила, приходило ли вслед за телеграммой письмо.

— Да, письмо было, — призналась хозяйка. — Принесли в пятницу, в девять вечера, когда мы все — я, моя девочка и мисс Феррис — были в школе на представлении. Когда мисс Феррис не вышла на сцену, я сильно удивилась, но потом она не пришла домой, а утром... утром... — Хозяйка всхлипнула и промокнула глаза платочком. — Письмо лежало на ковре в прихожей, почтальон подsunул его под дверь. Я отнесла его в комнату мисс Феррис, как обычно. Там оно и лежит, я думаю. Куда ему деваться? Пойду посмотрю.

Она вернулась очень скоро.

— Представляете, оно застряло в каминной решетке. Вот почему его никто не нашел. Вот оно. Полагаю, теперь его можно прочесть, раз законное расследование закончено.

Письмо было длинное, путаное и ничего относительно Хелма не проясняло. Почему мисс Феррис должна его избегать, какую он представляет для нее опасность, об этом тетя не писала. Только туманные намеки, что он замешан в каких-то неблагоприятных делах. К тому же дерзкий и нахальный. В конце письма тетя добавила, что ее компаньонка дала Хелму адрес школы, где работает мисс Феррис.

Миссис Брэдли прочитала письмо дважды, записала в блокнот адрес тети, затем внесла квартирную плату за неделю и направилась обратно в школу, погруженная в мысли.

В четыре пятнадцать она подошла к школьным воротам. Во дворе было много детей, у младших школь-

ников занятия уже закончились. Неожиданно к ней подошла девочка лет двенадцати и спросила:

— Скажите, пожалуйста, миссис Брэдли, мисс Феррис действительно убили?

Миссис Брэдли добродушно улыбнулась.

— Иди и спроси об этом у своего директора, девочка.

Затем тот же вопрос задала старшеклассница Мойра Маллей, подкараулившая ее у кабинета директора.

Миссис Брэдли вскинула брови.

— Кто ты, дитя мое?

Девочка представилась.

Миссис Брэдли кивнула.

— Ты пришла вовремя, я как раз хотела с тобой поговорить. Ты умеешь хранить тайны?

Мойра улыбнулась.

— Наверное, умею.

«Красивая малышка, — подумала миссис Брэдли. — Немного бледновата, но красива. Правильные черты лица, большой рот, серые глаза, темно-каштановые волосы. И сложена превосходно».

— Подожди внизу в классе, где у меня был урок. Ты знаешь, где это?

Мойра кивнула.

— Так вот, посиди там минут пятнадцать. Если я не приду, вернись сюда и постучи в дверь, чтобы меня вызвать.

Мойра начала спускаться по лестнице, а миссис Брэдли, постучав в дверь, вошла в кабинет директора, где сразу объявила, что новостей у нее пока нет.

— Правда, ваше мнение разделяет квартирная хозяйка мисс Феррис. Она знала покойную восемь лет и уверена, что эта женщина никогда бы не соверши-

ла самоубийство. И в связи с этим у меня к вам вопрос деликатного свойства. Была ли мисс Феррис беременна? Если да, то, возможно, это причина самоубийства.

— Она не была беременна, — быстро ответил мистер Клиффордсон. — Коронер на слушаниях задавал этот вопрос доктору и получил отрицательный ответ.

— Благодарю вас. — Миссис Брэдли сделала пометку в своем блокноте серебристым карандашом на цепочке. — А теперь, с вашего позволения, я отправлюсь поговорить с Мойрой Маллей.

— Девочку что-то беспокоит, — заметил директор. — После репетиции в костюмах она ходит сама не своя.

— Когда была эта репетиция? — спросила миссис Брэдли.

— Во вторник. Бедная Мойра сыграла неудачно. Она ужасно переволновалась и, кажется, до сих пор не успокоилась. Мне ее очень жаль. Мать Мойры живет в Ирландии, бедствует, девочка здесь более или менее пристроена, ее содержание оплачивается из нашего фонда. Книги, одежда. Что касается прочего, то это взяла на себя ее тетя. Мойра живет у нее, и летние каникулы она провела здесь, работала нянькой. Мать не смогла прислать ей денег на проезд в Ирландию, чтобы она ее навестила. Мойра умная девочка и очень милая. Мы намерены помочь ей получить стипендию в Гертоне*. Если удастся, то потом, после окончания учебы, я обязательно возьму ее сюда на работу, если она захочет. Ее здесь все любят — и учителя, и ученики.

Еще не истекли назначенные пятнадцать минут, а миссис Брэдли уже вошла в класс. Мойра читала, сидя

* Известный женский колледж Кембриджского университета.

за партой. Когда дверь открылась, она отложила книгу и встала, смущенно улыбаясь.

Миссис Брэдли придвинула к парте стул, села и предложила сесть ей. Затем посмотрела на часы на стене. Они показывали без десяти пять.

— Тетя не будет тебя ругать за опоздание?

Мойра пожала плечами.

— Ей все равно. Она часто до ужина даже не знает, дома ли я.

— Понятно, — кивнула миссис Брэдли. — А теперь рассказывай, детка, в чем дело.

— А в чем дело? — как будто удивилась девочка и сильно покраснела.

— Почему ты спросила, была ли убита мисс Феррис?

— Так в нашем классе все только об этом и говорят. И ведь вы... вовсе не учительница, верно?

— Ты права, — согласилась миссис Брэдли. — Не учительница. А мисс Феррис действительно скорее всего кто-то убил.

— Вот и Джон Лестрендж говорит, что никто бы не стал за вами посылать, если бы тут не было убийства.

— Бесстыжий мальчишка, — притворно возмутилась миссис Брэдли. — Я не знала, что он здесь учится. Кажется, совсем недавно Джонни был в Рагби*.

— Он учится у нас только один семестр, — пояснила Мойра, — и очень этому рад. Его мать, леди Селина Лестрендж, решила, что совместное обучение пойдет ему на пользу. А вот его сестра Салли, очень милая девушка, сюда не приехала.

— Это моя племянница, — сказала мисс Брэдли.

Мойра округлила глаза.

* Одна из старейших престижных мужских частных средних школ Англии.

— Неужели? Но тогда выходит, что Джон — ваш племянник?..

Миссис Брэдли уезжала из Англии на несколько месяцев, так что давно не виделась со своей невесткой. Интересно, станет Селина забирать своего шестнадцатилетнего сына из этой школы, когда узнает об убийстве?

Она внимательно посмотрела на Мойру.

— Ты помнишь, когда в последний раз видела мисс Феррис? Я имею в виду живой.

Девочка молчала, прикусив губу. Руки были сжаты так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Тебе нечего бояться, — мягко произнесла миссис Брэдли. — Расскажи мне, пожалуйста, все без утайки, детка.

Мойра молчала.

— Ладно, — улыбнулась миссис Брэдли. — Не хочешь говорить, не надо. Тогда пошли, покажешь ванную комнату, где нашли тело.

— Нет! — в панике воскликнула девочка. — Я не могу туда пойти. Особенно теперь, когда стемнело.

— Ладно, — опять произнесла миссис Брэдли тем же спокойным тоном. Затем положила ладонь на колено Мойры. — Я поняла так, что тогда перед своим выходом на сцену мисс Феррис порезалась и пошла в ванную смыть кровь. Это верно?

— Я обещала никому об этом не говорить, — проворчала Мойра сквозь слезы, — но вы, кажется, и так все знаете, так что... — Мойра всхлипнула. — Это мистер Смит... он неожиданно появился из-за угла в коридоре, столкнулся с мисс Феррис, и у нее разбились очки. Кусочек стекла впился в щеку как раз под глазом. Ранка была маленькая, но кровь потекла. Она

сказала, что пойдет в ванную смыть. Вот тогда я в последний раз ее и видела. На следующий день мистер Смит пришел к нам домой, где я живу у тети, вызвал меня во двор, сказал, что мисс Феррис мертва, и взял с меня обещание, что я никому не скажу о том, как они столкнулись в коридоре. Особенно про разбитые очки. Сказал, что боится оказаться в неприятном положении, так как могут подумать, будто она покончила с собой из-за этого. Он тогда не думал, что ее убили...

Мойра умолкла. Миссис Брэдли понимала, что она рассказала не все. Что-то скрыла. Зачем, почему — время покажет. В таких делах торопиться нельзя.

— И когда произошел этот инцидент с очками? — спросила она.

— Ну... где-то перед началом спектакля. Потому что у меня был выход прямо сразу, и поэтому я не могла задержаться посмотреть, что там у бедной мисс Феррис.

— А мог еще кто-нибудь это видеть? — медленно произнесла миссис Брэдли. — Я имею в виду то, как они столкнулись.

Мойра задумалась.

— Не знаю. Думаю, никто.

— Хорошо, — кивнула миссис Брэдли. — Спасибо, Мойра. Можешь идти. Не унывай, детка.

Когда девочка ушла, миссис Брэдли выключила свет и направилась в ванную комнату, где Келма Феррис приняла смерть. Там находился школьный смотритель, что-то проверял.

Увидев, что она открыла кран, пустив воду в раковину, к которой никто теперь не смел приближаться, а не то что касаться, он вежливо осведомился:

— Я вижу, вы не суеверны, мэм.

— А что, это та самая раковина? — удивилась миссис Брэдли.

— Она, мэм. Целый час пришлось потратить, чтобы ее как следует вычистить от этой чертовой глины. А свет тут не горел, потому что сломали выключатель.

— Кто сломал?

— Думаю, пошалил кто-то из мальчишек. Там, понимаете, крышка выключателя немного расшаталась, я все собирался его заменить, да руки не доходили. Ну так вот, крышку можно было легко снять и разъединить провода, а затем поставить ее на место. Вот и все. Вы приходите, хотите включить свет, а он не горит. Все очень просто, мэм. У нас некоторые мальчишки большие озорники. А что они натворили с выключателями почти по всей школе на ночь Гая Фокса, так это вообще безобразие. Даже директор вышел из себя. А научил их всем этим штукам мистер Притчард. Он знаток в электричестве, под его руководством ребята даже собирали радиоприемник. Так что для этих хулиганов вывести из строя выключатель — раз плюнуть.

— Но в четверг вечером он был в порядке? — спросила миссис Брэдли.

— Конечно, — ответил смотритель. — Сейчас вечером без света никак нельзя. Но скажу вам больше, мэм. Вечером в пятницу, когда я обходил помещения, этот выключатель был в полном порядке. Я проверял.

— А мисс Феррис не могла его случайно сломать?

— Да вы что, разве бы она туда полезла. Мисс Феррис ничего в электричестве не понимала. Однажды попросила меня прийти к ней домой. Утюг не работает, не нагревается. Так вот, представьте себе, я прихожу и вижу, что она не включила его в розетку.

«Странно все это, — размышляла миссис Брэдли, двигаясь в сторону своего нового жилища. — Получается, что Келма Феррис вошла в совершенно темную ванную комнату, чтобы промыть порез на щеке. Думаю, все было не так».

Войдя в комнату, — а миссис Брэдли, разумеется, поселилась в бывшей комнате мисс Феррис, — она внимательно осмотрела небольшую книжную полку, взяла сценарий комической опер «Микадо» и погрузилась в чтение, пока хозяйка не принесла ужин. Хозяйка застала ее за чтением и когда пришла убрать посуду. В следующий раз она заглянула к новой постоялице, когда миссис Брэдли уже вернула сценарий на полку и раскладывала пасьянс.

Хозяйку мучило любопытство, поскольку она знала книгу, которую изучала миссис Брэдли. По этой книге она подсказывала мисс Феррис реплики, когда та учила роль Катиши. Хозяйка заметила, что миссис Брэдли за чтением исписала несколько листов в блокноте непонятными, похожими на иероглифы закорючками. Она заглянула еще пару раз под разными предлогами, а затем не выдержала и спросила:

— Вам удалось что-нибудь узнать, миссис Брэдли?

Та подняла глаза.

— К сожалению, немного. Скажите, а мисс Феррис всегда носила очки?

— Конечно, — отозвалась хозяйка. — Без них она была совсем слепая. У нее были две пары, а может, больше, не знаю. Помню, однажды она отдала одну пару в ремонт, а другую куда-то положила. Так пока искала, больно ударилась об угол комода и чуть не поранилась. Настолько она была близорука.

— Получается, и на сцене она тоже должна была играть в очках?

— Вот этого я не знаю. Может быть, на репетициях она так хорошо изучила место, что могла выйти и без очков. Я бы не удивилась, если она собиралась оставить их кому-то за кулисами, чтобы потом сразу надеть. Ведь она без них и шага не могла ступить.

— Понимаю. Спасибо. — Миссис Брэдли улыбнулась. — А теперь я, пожалуй, отправлюсь в постель. Завтрак, пожалуйста, подайте в девять.

— А вы не опоздаете в школу? — спросила хозяйка.

— Завтра у меня нет занятий, — со вздохом ответила миссис Брэдли.

В третьем классе она заметила мальчика, как ей показалось, с комплексом императора Калигулы. Ей бы очень хотелось за ним понаблюдать.

Глава V

ДОЗНАНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

Все следующее утро миссис Брэдли провела, уединившись с директором в его кабинете. На двери с девяти пятнадцати до начала первого висела табличка «Занят».

— Мне кажется, — заметила она, — что свидетельства в поддержку версии о насильственной смерти мисс Феррис достаточно сильны, чтобы оправдать дальнейшее расследование, но недостаточно весомы, чтобы предложить их властям. Мне удалось установить причину, почему она в тот вечер оказалась в ванной комнате. Из-за столкновения в коридоре мисс Феррис раз-

била очки и поранила лицо. Поэтому пошла в ванную смыть кровь. Провожал ли ее туда кто-нибудь, пока не ясно.

— А что за столкновение? — спросил директор. — Я ничего об этом не слышал. На нее налетел кто-то школьников?

— Нет, — отрицательно покачала головой миссис Брэдли. — Это был не школьник, а мистер Смит.

— Смит?

— Да, ваш учитель рисования, — подтвердила миссис Брэдли, устремив на директора взгляд пронзительных черных глаз.

Мистер Клиффордсон пожал плечами.

— Глину, которой забили слив раковины, могли взять только в кабинете рисования. Кстати, миссис Беротти использовала ее и для грима.

— А где находится кабинет рисования?

— Почти напротив левого входа на сцену.

Он нарисовал в блокноте миссис Брэдли план.

— То есть это мог сделать практически любой, — сказала она. — Без ведома мистера Смита. И в связи с этим возникает вопрос: сколько людей имели возможность в то время зайти в кабинет рисования, а затем в ванную комнату?

— Попробую вспомнить, — сказал директор.

Он взял лист бумаги и, написав в столбик шесть фамилий, протянул его миссис Брэдли.

Она начала перечислять их вслух.

— Миссис Беротти.

— Бывшая актриса, — пояснил директор. — Весьма пожилая. Участвует во всех школьных постановках в качестве гримерши. Художественная натура. Одно время была у нас постановщицей.

— Миссис Бойл.

— Учительница английского в старших классах. Постановщица спектакля. Между прочим, тоже бывшая актриса. Играла в пьесах Шекспира.

— Мистер Хэмстед.

— Учитель музыки в старших классах, в спектакле — дирижер оркестра. Он находился за кулисами до поднятия занавеса и в антракте.

— Электрик.

— Освещение сцены очень много значит, так что электрик во время спектакля должен дежурить. Не знаю только, как долго он находился за кулисами. И приходил ли вообще? Потому что в тот вечер света не было не только в ванной комнате, где нашли мисс Феррис.

— Кто ее нашел?

— Мойра Маллей, бедное дитя. Пошла в ванную попить и в темноте дотронулась до тела мисс Феррис.

— Неудивительно, что она до сих пор не пришла в себя, — заметила миссис Брэдли. Теперь ее уже не удивлял вчерашний категорический отказ Мойры пойти вместе с ней в ванную комнату. — Она посмотрела в список. — Следующим у вас идет мистер Браунинг.

— Да. Наш учитель английского в младших классах. На спектакле работал суфлером. Находился за кулисами до поднятия занавеса и в антракте. Покинуть суфлерскую будку во время действия вряд ли мог.

— Управляющий занавесом.

— Это наш школьный смотритель, — сказал директор. — Он был за кулисами перед началом спектакля, а потом скорее всего ушел. Ведь первый акт длится примерно час двадцать. Наверное, сидел в зале, смотрел спектакль. Он присутствовал почти на всех репетициях и запомнил, когда надо работать с занавесом. Этот

человек очень предан нашей школе. Работает здесь со дня открытия.

— Он последний в вашем списке, — подытожила миссис Брэдли. — А теперь я хотела бы побеседовать с миссис Бойл.

— Конечно. — Директор нажал кнопку звонка, а затем сказал появившейся секретарше: — Найдите, пожалуйста, миссис Бойл и попросите зайти ко мне.

Минуты через четыре в кабинет вошла Алкеста Бойл.

Перед миссис Брэдли предстала высокая, хорошо сложенная женщина лет тридцати пяти, с красивыми, ухоженными темными волосами. Темно-синие глаза на овальном лице, изящно выгнутые брови, красивый рот и высокий благородный лоб.

Алкеста Бойл, в свою очередь, увидела перед собой женщину лет шестидесяти пяти с умными черными, как у колдуньи, глазами и красивым аристократическим лицом.

Скромный трикотажный джемпер Алкесты и черная юбка — такова была неофициальная форма всех учительниц школы — резко контрастировал с ярким нарядом миссис Брэдли, в котором преобладали пурпурные, оранжевые и синие тона. Но в любом случае Алкеста нашла эту знаменитую женщину весьма привлекательной.

— Вы хотели меня видеть, мистер Клиффордсон? Директор встрепнулся.

— Да. Садитесь, миссис Бойл, и посмотрите это. — Он протянул список фамилий. — Эти люди находились за кулисами в вечер гибели мисс Феррис. Вы можете его дополнить?

Алкеста задумчиво просмотрела список.

— Со мной еще работала девочка из четвертого класса, посыльная. Она помогала мне искать мисс Феррис.

— Как ее фамилия? — спросил директор.

— Мейзи Филлипс.

— О, я эту девочку знаю. Никого больше?

Алкеста покачала головой.

— Никого. Я старалась не допускать посторонних за кулисы.

— Спасибо. — Он повернулся к миссис Брэдли. — Миссис Бойл — моя первая помощница. Думаю, ее следует посвятить в наши дела.

— Если речь идет о том, что мисс Феррис убили, так я тоже в этом не сомневаюсь, — заметила миссис Бойл. — Она с восторгом относилась к своему участию в спектакле. Правда, неудачно выступила на репетиции в костюмах, но тогда и все остальные были не на высоте. Зато на последней репетиции она играла неплохо. — Алкеста помолчала. — Раз ее убили, значит, кто-то постарался. Значит, у нее были враги. В любом случае я уверена, что это не было самоубийством.

— Враги? — повторил директор. — Но она же была совершенно безобидной.

— Извините меня, — произнесла миссис Бойл, — я должна пойти в класс дать им какое-нибудь задание.

— Пусть посидят, ничего с ними не случится, — беспечно заметил директор. — Кто у них будет вести следующий урок? Пул? Тогда все в порядке. Он им задаст жару. Пусть отдохнут минут двадцать, это полезно. А мы тем временем выясним, действительно ли у мисс Феррис были враги.

— Ну, не настоящие враги, конечно, но все же... — Алкеста взяла предложенную директором сигарету, за-

курила, долго смотрела на тлеющий кончик. — Давай-те по порядку, и для начала я расскажу о себе. Когда школа только открылась, я подала заявку на должность учительницы английского, и меня приняли. Я была вдова, бездетная, меня это вполне устраивало. Мой брак вряд ли можно было бы назвать удачным, но с мужем мы в общем-то ладили. Он был ирландец, врач, мы жили в Лимерике, и там он неожиданно умер во время эпидемии гриппа. На сцену возвращаться мне не хотелось, так что я поехала в Англию и благополучно устроилась в этой школе. А затем влюбилась в человека, который, к сожалению, не был свободен, чтобы на мне жениться. Но мы проводили вместе все отпуска — рождественские, пасхальные, летние. Вместе — это значит вместе, то есть жили как супруги. Так продолжалось последние одиннадцать лет. И все это время мы держали нашу связь в тайне. Но вот совсем недавно выяснилось, что об этом знает мисс Феррис. И довольно давно. После ее гибели я хотела снять ее комнату на несколько дней, чтобы найти дневник и уничтожить. Но хозяйка мне отказала. Так что ничего не получилось.

— А откуда она узнала про ваш секрет? — спросил директор.

Алкеста усмехнулась.

— Не знаю. Наверное, догадалась. Мисс Феррис была очень наблюдательна. Выдала она себя случайно. Это было на следующий день после репетиции в костюмах. Она тогда разбила статуэтку мистера Смита.

— Что? — воскликнул директор. — Надеюсь, не Психею?

— Именно ее. Разумеется, у нее это получилось случайно, но все равно для него это была большая потеря. Я одолжила ему двести пятьдесят фунтов, чтобы он вер-

нул заказчику. На следующий день утром мисс Феррис прибежала за мной, чтобы я успокоила Смита. А после проговорилась, что знает о моих личных делах.

— Мисс Феррис пыталась извлечь из этого какую-то выгоду? — спросила миссис Брэдли.

Алкеста махнула рукой.

— Нет, что вы. У нее просто вырвалось замечание на этот счет, как будто это само собой разумелось, что у меня есть любовник. Я не сомневалась, что она ведет дневник, где наверняка есть записи и обо мне. Вот мне и захотелось до него добраться раньше, чем это сделают другие. Противно, если пойдут сплетни, тем более что речь шла не обо мне одной.

Миссис Брэдли достала блокнот с карандашом и сделала несколько записей. Директор сидел, откинувшись на спинку кресла, зажав в зубах трубку.

— Затем мисс Феррис нажила себе еще врага в лице мисс Камден. После проигрыша матча по баскетболу.

— О каком матче идет речь? — поинтересовался директор, поскольку инцидент с участием мисс Феррис, мисс Камден и школьницы полностью выветрился у него из памяти.

Миссис Бойл ему напомнила.

— Ах вот вы о чем. Так это же сущая ерунда.

— Только не для мисс Камден, — возразила Алкеста. — Она весьма амбициозная, мстительная и уже четвертый год пытается завоевать кубок чемпионата школьных команд. В этом году они дошли до полуфинала. Она надеялась выйти в финал и выиграть его. Но мисс Феррис оставила после уроков ее лучшую, как она считала, спортсменку. Такое не забывается. — Алкеста Бойл помолчала, затем продолжила: — И я хочу добавить вот что: да, мисс Феррис была безобидная,

но все же каким-то образом ухитрилась серьезно обидеть нескольких человек. А ведь могли быть и другие, о которых мы не знаем и которые, возможно, имели больше причин иметь на нее зуб, чем мисс Камден, мистер Смит или я.

Директор хмуро кивнул.

— А кто этот человек, с которым вы проводили отпуска?

Алкеста Бойл стряхнула пепел в пепельницу и с улыбкой встала.

«Неудивительно, что в нее влюбляются мужчины», — с симпатией подумала миссис Брэдли.

— Вот его давайте не будем трогать, — сказала Алкеста. — Он вне подозрений.

Директор подождал, когда за ней закроется дверь, затем повернулся к миссис Брэдли.

— Да, Смит темпераментный. Когда выходит из себя, часто теряет голову. А тут она уничтожила его скульптуру, над которой он трудился полгода. — Мистер Клиффордсон усмехнулся. — А что касается возлюбленного миссис Бойл, то это Хэмстед. Я знаю об этом уже много лет.

— Так вы считаете, ее убил Смит? — спросила миссис Брэдли.

— А кто же еще может быть? — удивился директор.

— Хм... я пока видела его только издали, так что определенного мнения не составила. Но вот вы сказали, что мистер Смит вспыльчивый. Тогда почему он отложил месть со вторника на пятницу? Дело в том, что люди с подобным темпераментом действуют поспешно и необдуманно. К пятнице мистер Смит уже наверняка остыл. Я бы хотела познакомиться с этим джентльменом.

Директор снова нажал кнопку звонка. Появилась секретарша.

— Пожалуйста, пригласите мистера Смита.

Учитель рисования был сильно встревожен — это первое, что бросилось в глаза миссис Брэдли.

Войдя, он встал насупившись.

— Я вам нужен, сэр?

— Да, Смит. Входите и закройте дверь. — Директор был немного смущен и потому радушен сверх меры.

Учитель рисования стоял не шелохнувшись, галстук перекошен, волосы взлохмачены.

— Закройте, пожалуйста, дверь, — мягко попросила миссис Брэдли.

Смит вздрогнул, пригладил волосы, затем затворил за собой дверь.

— А теперь садитесь вот сюда, — продолжила миссис Брэдли, показывая на стул, — и расскажите нам о своем желании убить Келму Феррис.

Смит прищурился.

— Да, вы правы, в тот момент я хотел ее убить. Она уронила мою Психею на пол. Разбила. Конечно, я разозлился. Но потом успокоился. Алкеста одолжила мне денег расплатиться с Аткинсоном. Вообще-то сильно горевать о потере Психеи у меня не было причин, кроме денежных. Я делал ее по заказу, а это, сами понимаете, не совсем то.

— Понимаю. — Миссис Брэдли не сводила с него глаз. — То есть вы мисс Феррис не убивали?

— Нет, — ответил Смит. — А что, у вас есть какие-то факты, указывающие на меня? Может быть, Мойра что-то сказала? Так это не более чем домыслы. Она чудесная девочка. Не такая тупая, как остальные. — Он обращался сейчас только к миссис Брэдли, видимо, за-

метив в ней понимание. — Вы не поверите, но я практически никого здесь не могу научить рисовать. Кроме немногих. Мне кажется, я неплохой художник, но учитель никчемный. И работаю в школе только из-за Алкесты. Она считает, что без постоянной работы я буду голодать, а к ее советам я привык прислушиваться.

— Почему вы просили Мойру Маллей никому не рассказывать о вашем столкновении в коридоре с мисс Феррис, когда у нее разбились очки и она порезала лицо?

Смит задумался.

— Она вам так сказала? Что-то не могу припомнить. Да, я столкнулся с мисс Феррис в коридоре, когда слишком резко свернул за угол... а насчет Мойры... понимаете, я испугался, что мисс Феррис из-за этого покончила с собой. Из-за меня. Я подумал, она мучается из-за того, что разбила мою Психею, а тут, когда мы столкнулись, увидела меня, и ей расхотелось жить. А раковина в ванной натолкнула ее на мысль, как это можно сделать. В общем, совершенно глупые рассуждения, теперь я это осознаю. Но тогда мне не хотелось выслушивать разные вопросы. К тому же память у меня никудышная. Я не помню, что делал пять минут назад, не говоря уж о более давнем сроке.

— Так-так, — подбодрила его миссис Брэдли. — Продолжайте, пожалуйста.

— А мне больше нечего сказать. — Смит глянул на портрет мужчины, висевший на стене за спиной директора.

— Вы исполняли в спектакле заглавную роль.

— Как вы сказали? Заглавную? О да. — Смит оживился. — Я играл роль Микадо.

— И первый выход у вас был только в начале второго акта, — напомнила ему миссис Брэдли. — А во время антракта мисс Феррис обнаружили мертвой.

— Уже тогда, во время антракта? — удивился Смит.

— Она умерла еще до антракта, — вставил слово директор. — Так установили на коронерском расследовании.

Смит вскинул руку. Он покраснел, но голос был по-прежнему ровный.

— Я прекрасно понимаю, куда вы клоните. В том, что мисс Феррис кто-то убил, у вас сомнений нет. Кстати, и у меня тоже. А кто это сделал, так тут вроде все ясно. Это я от нечего делать, пока шел первый акт, вздумал отомстить мисс Феррис за свою Психею. Но это сущий бред, вот что я вам скажу. У меня даже и мыслей таких не было. А теперь, как я понимаю, мне нужно посоветоваться с адвокатом.

Миссис Брэдли понимающе кивнула.

— Мистер Смит, а почему вы решили, что мисс Феррис убили?

— Потому что на самом деле совершать самоубийство у нее не было никаких причин. — Он усмехнулся. — В нашем коллективе, кроме меня, это могла сделать только наша учительница физкультуры, мисс Камден.

— И это все ваши доводы? — спросил директор.

Смит пожал плечами. Казалось, теперь он совсем успокоился.

— А эти неполадки со светом? Совпадение? Мне кажется, это сомнительно, когда свет в помещении неожиданно гаснет, а потом там находят мертвую женщину.

— Я с вами согласна, — проговорила миссис Брэдли, что-то быстро записывая в свой блокнот. — И посоветуйтесь с адвокатом, если вам от этого станет легче. А можете ни с кем не советоваться, если чувствуете, что ваша совесть чиста.

Смит вышел.

Миссис Брэдли повернулась к директору.

— Я хочу ознакомить вас со списком тех, у кого была возможность убить мисс Феррис. Это, конечно, мистер Смит, в его распоряжении был весь первый акт. Затем школьный смотритель, отвечающий за занавес, у него имелось почти столько же времени. То же самое и электрик, и миссис Беротти. Затем мистер Кембелл. Роль у него была маленькая, и он много времени находился вне сцены. Нельзя исключать также миссис Бойл и мистера Пула. У последнего такая возможность была только до первого выхода на сцену. Если удастся доказать, что, когда он вышел на сцену в первый раз, Келма Феррис была еще жива, то его можно будет исключить. Как я понимаю, никаких накладок в спектакле у вас не было?

— Никаких, — ответил директор.

— Хорошо, это кое-что упрощает, — заметила миссис Брэдли.

Директор улыбнулся.

— Я рад, что тут хотя бы что-то упрощается. Мне еще не доводилось сталкиваться с более сложной проблемой.

— Кстати, мистер Клиффордсон, у вас почти не было возможности совершить убийство. Вы находились на сцене почти весь первый акт и во время коротких перерывов, находясь за кулисами, вряд ли

имели время для похода в ванную комнату. Поэтому я вас безоговорочно из списка подозреваемых исключаю.

— За что я вам весьма благодарен, — произнес директор с улыбкой.

— А вот ваш юноша-выпускник Харствуд имел возможность совершить убийство, причем большую, чем некоторые входящие в список. Он достаточно долго находился вне сцены. Был ли у него для этого мотив, пока неизвестно.

— Не могу представить, что он тоже может быть к этому как-то причастен, — произнес директор. — Но вам все же следует с ним поговорить. И учтите, это очень эмоциональный и легковозбудимый молодой человек. Мне известно, — хотя они об этом не подозревают, — что этот несчастный парень безнадежно влюблен в мою племянницу, мисс Клиффордсон, учительницу музыки в младших классах. Вы уже с ней, конечно, познакомились?

— Да. Но давайте вызовем сюда этого юношу.

Директор сверился с расписанием и вызвал секретаршу.

— Попросите мистера Пула отпустить ненадолго Харствуда.

Вскоре отрывистый стук в дверь возвестил о приходе Гарри Харствуда. На пороге появился высокий, статный, слегка смущенный юноша с красивым, выразительным лицом.

— Входите и садитесь, Харствуд, — пригласил его директор. — Вы хорошо помните тот вечер, когда мы давали «Микадо»?

— Да, сэр.

— Но это не вы столкнулись в коридоре с мисс Феррис, из-за чего у нее разбились очки? — спросила миссис Брэдли, опередив директора.

Харствуд вскинул брови.

— Нет. Но я... знал, что она поранилась, и дал ей свой носовой платок.

— Когда это было?

Юноша задумался.

— Незадолго до начала спектакля, потому что я был готов к выходу. Просто вытащил носовой платок... он был у меня за поясом... и сунул ей в руку примерно за десять секунд до выхода.

— А чем вы занимались, когда закончился ваш первый эпизод? — спросил директор, на этот раз опередив миссис Брэдли.

— Пошел в гримерную поправить грим. Потом пошел искать мисс Феррис, чтобы взять платок. Понимаете, я был тогда немного простужен.

— Но ведь платок наверняка был мокрый, если мисс Феррис омывала им лицо?

— Да, сэр, но его легко было высушить, положив на батарею. Я так и хотел сделать.

Юноша замолк.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросила миссис Брэдли.

— Я вошел в ванную, — проговорил Харствуд. — Вернее, собирался, но там было тихо и темно. Выключатель не работал. Я решил, что там никого нет, и вернулся в гримерную, где мистер Смит о чем-то разговаривал с электриком. Посидел немного, пока не пришла пора снова выходить на сцену.

— Но вы знаете, что потом там нашли мертвую мисс Феррис? — спросил директор.

— Да, сэр.

— Ее убили, Харствуд.

Юноша кивнул.

— Да, сэр, я это знаю.

— Но ведь на коронерском расследовании вынесли вердикт, что это было самоубийство? — раздельно произнес директор.

Харствуд откашлялся.

— Они ошиблись, сэр. Не учли, что сток раковины был забит глиной для лепки.

— В каком смысле?

— Она... я хочу сказать, мисс Феррис, так бы не сделала, сэр. Дамам не придет в голову задержать воду в раковине таким способом. Она бы использовала пробку. И вообще садиться на стул и совать голову под воду — до такого невозможно додуматься.

Директор посмотрел на миссис Брэдли.

— У вас к нему есть еще вопросы?

— Пожалуй, нет, — ответила она.

— Так я могу идти, сэр? — спросил Харствуд.

— Идите, — разрешил директор, — и помните, мой мальчик, что моя племянница старше вас по крайней мере лет на семь. Так что, когда вам будет двадцать пять, ей стукнет тридцать два. Поэтому не глупите.

Юноша, который повернулся, чтобы уходить, побелел как мел и схватился за голову.

— Поторопитесь, — прошептала миссис Брэдли, и директор успел вовремя подхватить юношу, прежде чем тот упал.

— Глупый ты парень, — произнес директор, когда лицо Харствуда приобрело нормальный цвет. — Ты думал, я не знаю? Но тебе не надо ни о чем беспокоить-

ся, мой мальчик. В твоём возрасте я вел себя не умнее. Так что не воспринимай это слишком серьезно.

Однако, к смущению директора, юноша разразился слезами.

Миссис Брэдли встала и вышла повесить на дверь кабинета табличку «Занят». Затем вызвала директора в коридор.

— Я хочу увидеть мисс Камден.

— У нее, кажется, сегодня нет занятий, — сказал директор. — Пойдемте посмотрим в учительской. Но в спектакле она не участвовала, надеюсь, вы это знаете. Странная девушка. Очень предана спорту. Мне кажется, чересчур.

— Кстати, — сказала миссис Брэдли, — человек на портрете за вашим столом мне кажется знакомым. Кто это?

— Думаю, вы видели его в газетах в прошлом году, — ответил директор. — Это Катлер. Его судили по обвинению в утоплении жены, но оправдали за отсутствием улик. Говорят, у него был очень сильный адвокат. После суда Смит написал его портрет и подарил мне. Я так и не понял почему.

Глава VI

МИССИС БРЭДЛИ ПРОДОЛЖАЕТ БЕСЕДЫ

I

— Мне кажется, Харствуд что-то скрывает, — сказал директор, когда они двинулись по коридору. — Он рассказал нам далеко не все.

— Да, — согласилась миссис Брэдли. — Но не будем торопиться.

В это время Харствуд в кабинете директора уже совсем оправился и стоял, вглядываясь в окно.

— Я смогу сделать какие-то выводы, — продолжила миссис Брэдли, — только когда опрошу всех участников спектакля. Начнем, пожалуй, с мисс Клиффордсон.

Директор покачал головой.

— Сомневаюсь, что вы из нее много вытянете.

Миссис Брэдли была уверена, что вытянет из Гретты то, что хочет вытянуть. Они остановились у двери одного из классов. После короткого стука директора тут же выглянула мисс Клиффордсон, красивая и свежая в белой блузке, темно-синей юбке и форменном джемпере. Она вышла в коридор и, увидев миссис Брэдли, направилась к ней.

— Вы хотите поговорить?

— Да, моя дорогая. Здесь поблизости есть какая-нибудь пустая комната, где мы бы могли немного посидеть?

— Пойдемте в музыкальный класс, — предложила Гретта.

Она вошли туда, оставив директора в коридоре. Кресел в музыкальном классе не было, только шесть пианино и табуретки.

— Я с самого начала не верила, что мисс Феррис покончила с собой, — призналась Гретта, устроившись на одной из них. — И когда дядя сказал, что пригласил вас приехать, понимала, что он прав.

— В чем? — спросила миссис Брэдли, занимая табуретку рядом.

— Он считает, что несчастную мисс Феррис убили, — ответила Гретта Клиффордсон, понижая голос. — И, вы знаете, наши молодые учительницы, мисс Фрили и другие, теперь, когда рано темнеет, после занятий торопятся поскорее уйти из школы. А в ту ванную комнату вообще теперь, кажется, никто не ходит. Особенно по вечерам.

Миссис Брэдли кивнула в знак того, что сочувствует молодым учительницам.

— Что касается бедной Мойры Маллей, — продолжила Гретта, — то я удивляюсь, как она не лишилась чувств, прикоснувшись в темноте к мертвому телу. И представляете, никому не сказала до окончания спектакля.

— Это понятно, — проговорила миссис Брэдли, — она не хотела срывать представление. Но меня удивляет, что она не сказала ничего своим подругам. Ведь несколько девочек из ее класса пели в хоре, верно?

— Она с ними не общалась, — ответила Гретта. — Хор размещался с другой стороны сцены. Конечно, ей ничего не мешало пойти туда в антракте, если бы она захотела.

— Мойра, кажется, была единственной школьницей среди исполнителей главных ролей? — спросила миссис Брэдли, как будто ничего не зная.

— Среди девочек да, — согласилась Гретта. — Но в труппе был еще мальчик. Кстати, он играл очень хорошо. Его фамилия Харствуд. Вы с ним встречались?

— Высокий, красивый юноша? — Миссис Брэдли кивнула. — Да, я с ним встречалась. У него умные глаза.

— Он вообще умный, — подтвердила Гретта. — Но... — она замаялась, — с ним трудно ладить.

— Потому что он в вас влюблен?

Гретта смущенно рассмеялась.

— Вот именно. Понимаете, мне не хочется его огорчать. Он такой обидчивый, чуть что — сразу начинает страдать. Я иногда даже боюсь... — она опять замялась, — что он может что-нибудь натворить. Даже покончить с собой.

— Я вас понимаю, — тихо произнесла миссис Брэдли.

— И вот скажите, пожалуйста, — продолжила Гретта, воодушевляясь и заглядывая в глаза миссис Брэдли, — может ли такой мальчик решиться на... мне даже страшно такое говорить... Я даже по ночам просыпаюсь и думаю об этом, представляю, как он вначале дает ей свой носовой платок, потом в ванной комнате забивает слив глиной, открывает кран и заводит с ней какой-то глупый разговор, а затем, когда раковина наполняется, прижимает ее голову вниз...

— Но зачем ему это понадобилось? — спросила миссис Брэдли, не меняя тона.

— Была причина. — Гретта помолчала. — Понимаете, после репетиции в костюмах Гарри — ну, Харствуд — потерял над собой контроль. Начал говорить мне разные глупости, что он меня любит, и все такое. А потом обнаглел настолько, что полез с поцелуями. Представляете, настойчиво, мне даже не удалось от него отбиться. И вот как раз в этот момент в комнату вошла мисс Феррис. Это было в кабинете рисования.

— Вот оно что, — протянула миссис Брэдли. — И где теперь его носовой платок?

Гретта Клифффордсон неожиданно вытащила его из кармана.

Миссис Брэдли внимательно осмотрела платок. Он был выстиран и поглажен.

— Тут нет никаких отметин. Это точно его платок?

Гретта потупилась.

— Я, наверное, поступила неправильно. Спорола инициалы в углу.

— Зачем?

— Чтобы ему помочь, — виновато проговорила Гретта.

— Вы считаете, ему нужно помогать?

— А как же. Я думала, вы не станете обвинять восемнадцатилетнего юношу в убийстве, раз нет никаких доказательств.

— Но вы сами только что его обвинили, — мягко проговорила миссис Брэдли.

Гретта вздрогнула.

— Нет. Я только призналась в своих страхах. А на самом деле ничего не знаю. Гарри не сказал мне ни слова. Ни единого.

— Ну и не надо вытягивать из него никаких признаний, — сказала миссис Брэдли, неожиданно почувствовав неприязнь к красивой племяннице директора. — Спасибо за разговор. — С этими словами она встала, одернула лимонного цвета кофту и вышла в коридор.

Гретта Клиффордсон, ошарашенная внезапным уходом собеседницы, вернулась в класс. Дядя, который заменял ее, пока она разговаривала с миссис Брэдли, поднялся со стула и вопросительно вскинул брови.

Гретта пожала плечами.

— Поговорили. Не знаю, будет ли ей от этого польза. Я рассказала о своих подозрениях насчет Гарри. Но ведь он не виноват, правда, дядя?

Директор с ней согласился.

— Он, конечно, склонен к безрассудству, но на такое злодеяние не способен. Я в этом уверен. А куда пошла миссис Брэдли?

— Не знаю, дядя.

— Пойду поговорю с ней. Если она начнет всерьез подозревать Харствуда, я прекращу расследование. Коронерский суд вынес вердикт «самоубийство», пусть так и останется. Не хватает еще, чтобы и ты была косвенно втянута в это дело.

Миссис Брэдли сидела в его кабинете за малым столом и быстро писала в блокноте. Директор спросил, где Харствуд, она ответила, что, когда пришла, его уже здесь не было. Насчет разговора с Греттой призналась, что он кое-что для нее прояснил.

— Кое-что, но далеко не все, — добавила она. — Мне теперь нужно поговорить с мистером Хэмстедом. В этой комнате, но наедине.

— Вы не хотите, чтобы я присутствовал? — спросил директор.

— Да, — ответила миссис Брэдли. — Я буду говорить с ним о его личной жизни.

Директор послал секретаршу за учителем музыки и вышел из кабинета.

II

Фредерик Хэмстед остановился на пороге.

Миссис Брэдли вежливо кивнула.

— Садитесь, мистер Хэмстед, и расскажите, зачем вы тратите время на преподавание в школе?

— Я вас не понял, — проговорил Хэмстед упавшим голосом.

Миссис Брэдли улыбнулась.

— Сейчас я вам поясню. Вспомните слова великого Бернарда Шоу: «Кто умеет, делает, кто не умеет, учит других». Так что с вашей Второй симфонией?

Хэмстед рассмеялся.

— Вы волшебница. О Второй симфонии не знает даже Алкеста. А откуда вам известно?

— Мне ничего не известно, — призналась миссис Брэдли. — Это дедукция. Вы знаете Максвелла?

— Только по фотографиям в музыкальных журналах.

— Пошлите ему свою работу. Я напишу письмо, представлю вас. А теперь давайте поговорим об этом ужасном убийстве.

— Вообще-то я считал, что она сама лишила себя жизни.

— Почему?

— Возможно, решила, что нет смысла продолжать жить. У нее ведь не было ни дома, ни близких друзей, ни мужчины, ни особых интересов. В конце концов и ума особого у этой женщины не было. Так ради чего жить?

— Забавное рассуждение, но не более, — промолвила миссис Брэдли, что-то записывая в блокнот. — И все же мисс Феррис кто-то убил, причем до антракта. При этом вас можно из списка подозреваемых спокойно вычеркнуть, верно?

— А полиция? Разве туда не следует сообщить? — удивился Хэмстед.

— Вы правы, — согласилась миссис Брэдли. — Но в данный момент мы не можем представить серьезных

доказательств, опровергающих вердикт коронерского суда.

— Понимаю. — Хэмстед кивнул. — Тогда почему не оставить все, как есть? Эту несчастную женщину уже не воскресишь. Так какая разница, было это самоубийство или убийство?

Миссис Брэдли рассмеялась.

— Странно слышать это от творческого человека, музыканта. Пойдите в церковь, и вам там скажут, что между этими двумя деяниями существует большая разница. И это важно прежде всего для самой покойной.

— Да, вы совершенно правы. Мне не следовало так говорить, тем более что я католик.

— И поэтому не можете жениться на миссис Бойл? Хэмстед вздохнул.

— Не могу. При живой жене.

— Она в клинике, в Дербишире?

— Да, — ответил Хэмстед, глядя в пространство перед собой. — Она зашла очень давно, после того как умер наш ребенок. Я не мог оставаться там, где мы жили. Где меня все знали и жалели. Переехал сюда и встретил Алкесту.

— То, что мисс Феррис знала о ваших отношениях, вам чем-то угрожало?

Хэмстед отрицательно покачал головой.

— Алкеста так сначала и подумала, но это все чепуха. Если бы мисс Феррис хотела рассказать директору, то давно бы это сделала. Тем более что у нас с ней были довольно теплые отношения. Она часто приходила к Алкесте советоваться и разным делам.

— И даже если бы она что-то и сказала директору, вряд ли он стал бы предпринимать какие-то дей-

ствия, — заключила миссис Брэдли. — Не такой он человек.

«Конечно, во всем этом можно усмотреть мотив для убийства, но очень незначительный, — рассуждала миссис Брэдли после ухода Хэмстеда. — Чтобы решиться убить Келму Феррис, да еще таким изуверским способом, нужен другой стимул».

III

Теперь пришла пора встретиться с мисс Камден.

Миссис Брэдли прошла в спортзал, где та проводила занятия, и присела в углу, наблюдая за происходящим.

Мисс Камден, несмотря на все свои личные недостатки, педагогом была превосходным. Сегодня она занималась с четырнадцатилетними. Миссис Брэдли отметила, с какой охотой ребята выполняли все ее указания. И у них неплохо получалось.

Учительница, ничем не выдав, что заметила присутствие визитерши, продолжала весело вести урок до самого конца. Затем, отпустив учеников, с улыбкой подошла к миссис Брэдли.

— Вы хотите со мной поговорить?

Миссис Брэдли тоже улыбнулась.

— Да, моя дорогая. Когда вам удобно?

Мисс Камден бросила взгляд на стенные часы.

— Десять минут вам хватит? Дело в том, что у меня перед ленчем тренировка по баскетболу.

— А вас может кто-нибудь заменить?

Мисс Камден усмехнулась.

— Вы думаете, это так просто?

— А разве нет?

— Кто же меня заменит? Кому это надо? — Мисс Камден посуровела. — И прежде всего директору. В такой большой школе должно быть несколько тренеров по разным видам спорта. А я тут одна, совмещаю все в одном лице. И в школе ничего не изменится, пока директор не поменяет своего отношения к физкультуре. Девочкам еще повезло, у них есть я. А у мальчиков нет даже квалифицированного педагога. Летом, правда, приходил один профессионал по крикету. Но это всего лишь эпизод. Футбол у нас вообще в загоне. Хоккей тоже. Просто стыд и позор. Я пытаюсь что-то делать, и в результате у меня вообще нет ни минуты отдыха.

Миссис Брэдли видела, что нагрузка у мисс Камден действительно непомерная. Лицо осунувшееся, под глазами темные круги.

— Я поговорю с мистером Клиффордсоном, — сказала она.

Мисс Камден кивнула.

— Было бы неплохо. — Выражение глаз миссис Брэдли внушало надежду, что разговор с директором не будет бесполезным. — Но я должна идти. Мои девочки уже собрались.

Она поспешила к выходу из зала, красиво сложенная, в изящной тунике. Миссис Брэдли двинулась следом.

На улице было солнечно, но довольно прохладно. Как-никак декабрь. Полтора десятка девочек в темно-синих спортивных костюмах отрабатывали точность паса. Мисс Камден в яркой фланелевой спортивной куртке с большими нагрудными карманами время от времени свистком подавала им команды.

Миссис Брэдли ничего в этой игре не понимала, но с интересом наблюдала некоторое время, пока холод не дал о себе знать. Она совсем забыла, что вышла на улицу раздетой. Надо было возвращаться в здание, но тут она увидела юного Харствуда, бредущего вдоль баскетбольной площадки, и направилась к нему.

— Деточка.

Харствуд, который, как и большинство старшеклассников в школе, испытывал симпатию к этой невысокой пожилой красивой даме, с улыбкой остановился. Утренний инцидент в кабинете директора, видимо, был полностью забыт.

— Сходи, пожалуйста, в учительскую, — попросила миссис Брэдли, — и принеси мое пальто, оно темно-зеленое, и шляпу — она висит на том же крючке. Не забудь шарф и перчатки. Бог знает, куда я их положила, но ты найдешь.

Харствуд, понимая, что дама замерзла, припустил со всех ног и вскоре вернулся.

— Скажи мне, — спросила миссис Брэдли, одеваясь с его помощью, — у вас тут есть секция бокса?

— Нет, — ответил Харствуд. — Ребята уговаривают мистера Пула, чтобы он с ними занялся, но он не соглашается.

— Мистер Пул — боксер?

Харствуд улыбнулся.

— Ну, не совсем, но он достаточно крепкий и знает приемы.

— В самом деле? — насторожилась миссис Брэдли. — И откуда это тебе известно?

— Мистер Пул любит о себе рассказывать. Этим летом, например, в Марселе участвовал в потасовке в

пабе. Рассказывал нам об этом на уроке. С ним тогда был мистер Смит. Мы вообще, как только устаем от математики, тут же переключаем его на воспоминания. Он легко поддается, любит похвастаться. Думаю, мистер Пул привирает, в смысле приукрашивает, где-то процентов на шестьдесят. Но и оставшихся сорока хватает, чтобы понять, что они летом здорово провели время.

— Ты, я смотрю, умеешь анализировать услышанное? — похвалила миссис Брэдли.

Харствуд широко улыбнулся.

— Привык на уроках истории. Я ее сдал на «отлично», наш учитель, старина Кембелл, хорошо меня подготовил. Я ему очень обязан.

Миссис Брэдли кивнула. А затем неожиданно спросила:

— Ты не знаешь, кто бы тут мог починить мой переносной приемник? Мне кажется, там не в порядке шнур питания. Думаю, с этим мог бы справиться тот, кто разбирается в электричестве.

Прежде чем ответить, Харствуд долго молчал.

— Наверное, ребята из физического кружка. Они в этом семестре много занимались электричеством.

— Хорошо, я учту.

Они двинулись вдоль беговой дорожки, огибавшей футбольное поле.

— Позвольте спросить, миссис Брэдли, — произнес Харствуд примерно через полминуты молчания. — А почему этим делом не занимается полиция?

Миссис Брэдли не стала притворяться, что не понимает, о чем идет речь.

— Возможно, она этим займется, а возможно, и нет. Во многом это зависит от моей работы здесь.

— А если кого-нибудь обвинят, а он не виноват? — продолжил Харствуд.

— И что?

— Его могут оправдать?

— Конечно, — ответила миссис Брэдли. — Если попадется хороший адвокат.

— Вот и Лестрендж так говорит, он недавно в нашей школе. Его дядя добивался оправдания не только невиновных, но и настоящих убийц.

— Добиваться оправдания убийц безнравственно, хотя для Фердинанда это значения не имеет, — проговорила миссис Брэдли, а затем пояснила: — Фердинанд Лестрендж — это мой сын от первого брака.

— Неужели? — восхитился Харствуд. — Как здорово! Значит, Джон ваш племянник?

— Да. Но он, кажется, моложе тебя?

— Моложе. Ему шестнадцать, а мне в апреле исполнилось восемнадцать.

Они обошли футбольное поле три раза и направились в здание, где прозвенел звонок на ленч. Мисс Камден закончила тренировку и вместе с ними вошла в холл.

— Я поем быстро, — сказала она, обращаясь к миссис Брэдли. — Так что, если вы хотите поговорить, давайте встретимся через пятнадцать минут в мастерской рукоделия.

IV

Учительница физкультуры переоделась. Блузка, юбка, джемпер, как и у остальных учительниц.

Они устроились на стульях среди швейных машинок и разборных столов на козлах. На стенах мастерс-

кой были развешаны рисунки с образцами различных видов вышивки и прочая атрибутика рукоделия.

— Так что вы хотели узнать? — спросила мисс Камден, глядя на стенные часы.

— Что я хочу узнать? — переспросила миссис Брэдли. — Да, собственно, ничего. Просто я надеялась, что вы наведете меня на мысль, кто мог убить Келму Феррис.

Мисс Камден густо покраснела.

— Откуда мне знать?

— Но вы согласны, что ее убили?

— Согласна.

— А почему?

Мисс Камден подумала.

— Ну, хотя бы потому, что сюда приехали вы. Кроме того, она была не из тех, кто кончает самоубийством.

— Разве можно сказать уверенно так вообще о любом человеке?

— Не знаю. Мы ведь поссорились — вам, наверное, рассказывали, — как раз накануне премьеры.

Миссис Брэдли кивнула.

— Да, я слышала об этом. Что-то связанное с баскетболом? Мисс Феррис убили где-то во время первого акта. Вы тогда сидели в зрительном зале?

— Да. Ко мне еще подходила миссис Бойл, предлагала сыграть Катишу. Довольно настойчиво. Говорила, что нигде не может найти мисс Феррис.

— И что вы?

— А я отказалась, так что играть пришлось ей самой.

— Отказались, потому что вас слишком поздно предупредили?

Мисс Камден помрачнела.

— Не в этом дело. Возможно, вы сочтете, что я вела себя недостойно, но почему мне нужно было им помогать. Эта роль была моя, несомненно, но ее отдали мисс Феррис. Так пусть она и играет, я желала ей успеха. Потом оказалось, что мисс Феррис куда-то пропала, и сразу же побежали ко мне. Разве это справедливо, вы не согласны?

— До некоторой степени, — проговорила миссис Брэдли, надеясь, что искренность поможет расположить к ней мисс Камден.

И это частично сработало. Ее голос потеплел:

— Конечно, лучше, чем миссис Бойл, я бы не сыграла. Она вне конкуренции. Но тот жалкий лепет, какой выдавала мисс Феррис, испортил бы весь спектакль. Мне рассказывали те, кто был на репетициях. Я ведь вообще мечтала о сцене, но отец не желал об этом и слышать. Он священник, и ему становилось плохо при одной только мысли, что его дочь станет актрисой. Я попыталась его убедить. — Мисс Камден рассмеялась. — Сыграла Кармен в Виллидж-холле на Рождество. Так это, наоборот, только укрепило его решимость. Пришлось пойти в учительницы. Вот так у меня всегда. Здесь не в ладах с директором, который слышать ничего не хочет о спорте, и дома мной недовольны. У меня есть старший брат. Он священник, мечтает в епископы. Так вот его родители обожают.

— Бедная девочка! — произнесла миссис Брэдли с искренним сочувствием.

— Бог знает почему я вам все это рассказываю, — произнесла молодая учительница, как будто опомнившись. — Ладно. Сколько времени? А то в двадцать минут второго у меня тренировка.

Было только пять минут второго, но миссис Брэдли не стала ее задерживать.

Мисс Камден встала и направилась к двери.

— Но, если здесь так много работы и директор вам совершенно не помогает, почему вы не уходите? — вдруг спросила миссис Брэдли.

Мисс Камден повернулась, убрав руку с дверной ручки.

— Потому что сейчас он не даст мне рекомендацию.

— И давно вы здесь работаете?

— Пять лет. Это мое первое место работы.

— Подойдите сюда и объясните, — попросила миссис Брэдли.

Девушка подошла, но отрицательно мотнула головой.

— Спросите лучше директора, он скажет. — Она помолчала. — Но, уверяю вас, к убийству это не имеет никакого отношения.

Миссис Брэдли проводила ее глазами, затем придвинула стул к ближайшему столу, достала блокнот и принялась писать. Закончив, отправилась в учительскую, оделась и вышла во двор, чтобы понаблюдать за тренировкой по хоккею на траве. В дальнем конце стадиона несколько старших мальчиков перепасовывали футбольный мяч. Харствуда среди них не было.

Она наблюдала за тренировкой по хоккею примерно четверть часа. Среди играющих выделялась Мойра Маллей. Миссис Брэдли с удовлетворением отметила, что девочка на площадке, казалось, забыла все свои страхи и заботы.

И мисс Камден тоже преобразилась. Она одновременно была и судьей, и центральной нападающей од-

ной из команд. Быстро передвигалась по площадке, великолепно перехватывала мяч, точно пасовала, вдохновляя своим примером команду. Неудивительно, что они быстро забили соперникам три гола.

Глава VII

СПИСОК ПОДОЗРЕВАЕМЫХ УТОЧНЯЕТСЯ

— Вам удалось хотя бы чуть-чуть продвинуться? — спросил директор, восседаая за своим массивным столом.

Миссис Брэдли усмехнулась.

— Пока я продолжаю выявлять тех, у кого был мотив, а также возможность для убийства Келмы Феррис. У некоторых есть алиби, но это нужно проверить. Мне предстоит еще поговорить, — она вытащила программку спектакля, — с мисс Фрили, мистером Пулом, мистером Кембеллом, мистером Браунингом, а также гримершей, электриком и школьным смотрителем.

— Вот этого последнего я бы советовал оставить под конец, — заметил директор. — Для него послеполуденный отдых — святое дело.

— И поговорить я хочу с каждым из них наедине, если вы не возражаете, — добавила миссис Брэдли. — Я чувствую, что ваше присутствие их смущает.

Директор улыбнулся.

— Это одна из издержек моей должности. Никто из учителей и прочего персонала не может по-настоящему расслабиться в моем присутствии. С этим ничего не поделаешь. Я понимаю, без меня вы сможете достиг-

нуть большего. — Он помолчал. — Ладно. Когда потребуется, попросите секретаршу, и она вызовет любого. Если я вам понадобится, она меня найдет. А пока позвольте откланяться.

Миссис Брэдли послала секретаршу за Пулом.

Он явился, весело улыбаясь.

— Позвольте спросить, — начала миссис Брэдли, — чем вы занимались до первого выхода на сцену?

Пул задумался.

— Постараюсь вспомнить. Я гримировался в числе последних. Кроме меня были еще мисс Феррис и мистер Смит. Помню, занавес уже подняли, а эта достойная дама все еще занималась моим лицом. Удивительная женщина. Жаль, что для нее не нашлось роли. Думаю, она была бы хороша в роли Волумнии в шекспировской «Трагедии о Кориолане».

— А мисс Феррис к тому времени уже была загримирована?

— Да.

Миссис Брэдли вызвала секретаршу.

— Мне нужен адрес этой бывшей актрисы, которая гримировала исполнителей. — Секретарша исчезла и тотчас вернулась с визитной карточкой миссис Беротти. — И вызовите, пожалуйста, мистера Смита, — добавила миссис Брэдли.

— Означает ли это, что вы со мной закончили? — осведомился Пул.

— Не совсем. Вы не рассказали, чем занимались перед выходом на сцену.

— Да ничем я, собственно, не занимался. Стоял за кулисами, наблюдал за действием. Рядом околачивался мальчик-подручный, который носил за мной топор. Ведь я Великий лорд-палач, управляющий Титипу от

имени Микадо. Мы так и стояли в кулисе, пока не пришло время выходить.

Миссис Брэдли улыбнулась.

— Спасибо. Я вас больше не задерживаю.

Учитель математики вышел, чуть не столкнувшись в дверях со Смитом.

Миссис Брэдли пригласила пришедшего сесть.

— У меня к вам вот какой вопрос. Когда вы столкнулись с мисс Феррис и у нее разбились очки, вы уже были загримированы?

— Нет, — ответил Смит. — Миссис Беротти приглашала меня в кресло, но я хотел как можно дольше обойтись без этого безобразия на лице, чтобы не пугать людей. Вас когда-нибудь гримировали под Микадо?

— Никогда, — ответила миссис Брэдли, и это была чистая правда.

— Мой нос она удлиняла с помощью этой самой глины, — возмущенно продолжил Смит. — Кому понравится тонна липкой дряни на лице? В общем, я сказал, что приду во второй половине первого акта.

— Вы так спешили, что столкнулись с мисс Феррис?

— Никуда я не спешил. Просто в коридоре было темно. Разве вы не слышали, что там лампочка перегорела?

— Выходит, вы не знали, что мисс Феррис порезалась?

— Нет. А как я мог знать? Спичек я с собой не захватил, а там было темно, хоть глаз выколи. Я просто извинился и пошел своим путем, а она сказала, что все в порядке. Что у нее есть еще очки в учительской. И пошла дальше.

— Понимаю, — мягко промолвила миссис Брэдли. — Спасибо. Если вас не затруднит, когда будете воз-

вращаться в свой класс, пожалуйста, вызовите ко мне Харствуда. Чтобы не посылать секретаршу.

— Хорошо, — сказал Смит и вышел.

Через некоторое время появился Харствуд.

Миссис Брэдли приветствовала его как старого знакомого.

— Садись, мой мальчик, и скажи, с какой стороны сцены ты находился, когда встретил мисс Феррис и дал ей свой носовой платок?

— С той же, что и мужская гримерная, — ответил Харствуд.

— А как по-твоему, зачем мистеру Смиту нужно было идти на другую сторону сцены?

Харствуд улыбнулся.

— Думаю, он шел в свой любимый кабинет рисования. Он как раз с той стороны. — Юноша вдруг побледнел, как будто что-то осознав. — Да-да, раковина в ванной была залеплена глиной.

— Была, — спокойно подтвердила миссис Брэдли. — Это не новость. А теперь объясни, что на тебя тогда нашло и зачем ты сломал в ванной комнате выключатель, когда вошел туда после окончания своего эпизода на сцене?

Харствуд помрачнел.

— Не понимаю, о чем вы говорите?

Но на миссис Брэдли такие трюки не действовали.

— Ты знаешь, о чем я говорю, — ласково произнесла она. — И перестань дурачиться, детка.

— Мне просто понадобился платок, и я зашел в ванную, где надеялся найти мисс Феррис. Но я это уже говорил вам раньше, так что не стоит повторять.

— Я думаю, — спокойно проговорила миссис Брэдли, — что ты включил свет и, увидев мертвую мисс Фер-

рис, сломал выключатель, чтобы какое-то время больше никто не смог это увидеть. Верно? И ты тогда, наверное, думал, что знаешь имя убийцы.

Юноша густо покраснел.

— Как я мог сломать этот чертов выключатель? Без инструментов.

— Действительно. — Миссис Брэдли вздохнула. — Ладно, дорогой мой. На этом пока все. Попроси, пожалуйста, зайти ко мне мистера Кембелла.

Учитель истории был явно не в духе.

— Я вам нужен, директор? — хрипло спросил он.

— Входите, мистер Кембелл, — глубоким бархатным контральто произнесла миссис Брэдли.

Кембелл растерянно замолчал. Это был худой мрачноватый джентльмен, немного похожий на методистского проповедника. Одет скромно, как и положено мужчине среднего возраста, чье жалование не соответствует потребностям семьи.

— Садитесь, — произнесла миссис Брэдли как можно приветливее, — и уделите мне немного времени. Вы исполняли роль японского вельможи в недавней постановке «Микадо». Роль небольшая, но, я думаю, важная. Скажите, подолгу вам приходилось ждать за кулисами выхода?

— Да, — ответил учитель истории. Миссис Брэдли заметила, что он начал оттаивать. — Что было, то было.

— А в это время, между прочим, кто-то убил мисс Феррис.

— Убил? — удивленно спросил Кембелл.

— Да.

— Но я слышал, что в вердикте речь идет о самоубийстве.

— На коронерском суде такой вердикт действительно вынесли, — заметила миссис Брэдли, — но многие факты указывают на убийство.

— Рад это слышать, — произнес Кембелл как будто с облегчением. — Я не мог себе вообразить, что эта женщина покончила с собой.

— Почему? — поинтересовалась миссис Брэдли и сделала отметку в своих записях. Она вела учет тех, кто соглашался с версией самоубийства и кто ее отвергал.

— А зачем ей лишать себя жизни? Такой жизни. Никаких семейных обязанностей и хлопот, никакой нужды в деньгах, — она смогла даже финансировать постановку, — естественно, никаких долгов, масса свободного времени для получения всевозможнейших удовольствий. В таком положении люди самоубийством не кончают.

— Что ж, с вами нельзя не согласиться. — Миссис Брэдли кивнула. — Когда вы в последний раз ее видели?

— Не помню. Понимаете, я был одним из первых, кто загримировался у миссис Беротти и почти сразу же пошел звонить домой.

— И сколько времени вы говорили по телефону?

— Довольно долго. Я звонил из школьной приемной, обсудил с женой домашние дела, спросил, как она себя чувствует, — понимаете, она ждет третьего ребенка, — рассказал, какая публика пришла на постановку. Только положил трубку, как зазвонил телефон. Я ответил, поскольку в тот момент больше никого рядом не оказалось. Звонили сообщить, что тот электрик, который должен был прийти, не придет. Поэтому послали другого человека, просили, чтобы его встретили у ворот школы, потому что он тут в первый раз,

а на улице темно. Я ответил, что сам его встречу, потому что идти искать зрителя было некогда. Примерно за пять минут до начала спектакля новый электрик прибыл. Я проводил его к заднему входу, там и оставил, поскольку пора было готовиться к выходу на сцену. Ожидания за кулисами меня не томили. Я сидел и правил верстку своей монографии «Папство эпохи Возрождения». Недалеко от мистера Браунинга, в его суфлерской будке.

— А в антракте?

— Продолжал читать верстку.

— И ни разу не видели мисс Феррис?

— Не помню. Кажется, не видел.

— А вы могли бы узнать этого электрика?

— Конечно. Я еще обратил внимание, что он совсем не похож на электрика. Совершенно. Я таких не видел. На улице я бы принял его за коммивояжера. И вел он себя соответственно. Сразу начал обращаться ко мне «старина». Терпеть не могу подобную фамильярность. Директор думал, что это Притчард попросил кого-то прийти подежурить, но я так и не понял, откуда его прислали.

— Спасибо. — Миссис Брэдли улыбнулась, отметив про себя, что ее предположение, что электрик имеет какое-то отношение к этой истории, подтвердилось. — И будьте добры, скажите в издательстве, чтобы, когда ваша монография выйдет, мне прислали дюжину экземпляров. Папство эпохи Возрождения меня чрезвычайно интересует.

— Да, — согласился Кембелл, заметно повеселев, — для психолога эта тема действительно может быть интересной. Дюжина экземпляров, вы сказали? Это так любезно с вашей стороны.

— Ой, извините, я передумала! — воскликнула миссис Брэдли. — Закажите мне, пожалуйста, пятьдесят экземпляров. Так будет лучше.

Учитель истории вышел ошеломленный. Он мечтал продать хотя бы сотню экземпляров, а тут такое.

Теперь миссис Брэдли предстояло прояснить проблему, связанную с электриком. А для этого надо было встретиться со школьным смотрителем.

Идти было недалеко. Смотритель жил на территории школы в домике, отделенном от школьного здания навесом, где хранились велосипеды.

В дом ее впустила невысокая женщина, страдающая сильным насморком. Она сразу объявила, что смотритель отдыхает и увидеться с ним нельзя, но, встретив цепкий взгляд миссис Брэдли, попросила ее присесть и вышла.

Вскоре появился школьный смотритель.

— Извините, что побеспокоила, — проговорила миссис Брэдли, — но меня интересует электрик, который приходил в школу в вечер, когда давали представление.

— О, мэм, — отозвался смотритель, — мне и самому это неясно. Я потом дважды заходил в электромастерскую, но там твердят, что никого к нам не присылали. И в школу не звонили, не предупреждали, что он придет. Неудивительно, что потом случилось убийство.

— А зачем вы ходили в электромастерскую? — спросила миссис Брэдли.

— Как зачем? Ведь после того, как этот электрик покрутился в школе, у меня пропали часы, бумажник с двумя фунтами, новый дождевик, два гаечных ключа — простой и разводной, плоскогубцы, отвертка, которую я ему давал. Он ведь явился без инструментов.

Вот так. Но, похоже, я лишился всего этого навсегда. Директору сказать не посмел, потому что сам во всем виноват.

— И как это получилось?

— Как-как, обманул он меня. Говорит вот так запросто, сходи-ка, приятель, в паб, который тут рядом, перекуси, выпей чего-нибудь, а я тут за тебя покараулю насчет занавеса. А я-то знаю, что занавес опускать еще не скоро, ведь действие только началось. Ну и пошел сдуру, а его там оставил. Возвращаюсь через полчаса, и ни этого парня, ни моих часов, ни бумажника, ни дождевика, ни гаечных ключей, ни плоскогубцев, ни отвертки. Ничего.

— Забавно, конечно, — сказала миссис Брэдли, — но ничего необычного я в этом не вижу. Жуликов сейчас развелось хоть пруд пруди. Пожалуйста, опишите мне этого электрика.

— Высокий, полноватый, морда упитанная, наглая, рот маленький, без усов, волосы рыжеватые, жесткие, ладони пухлые, наверху волоски, короткие пальцы, возраст примерно сорок три — сорок четыре, серый костюм, черные ботинки, без пальто, замшевые перчатки. Явился совсем без инструментов, выговор лондонский — не кокни, но и не как у джентльмена. Уши большие без мочек. Это все, что я могу вспомнить.

— Да куда уж больше, — улыбнулась миссис Брэдли. — Вы чрезвычайно наблюдательны.

Смотрителю комплимент польстил.

— Так ведь у меня сынок — скаут. Он и научил меня своим играм. И я начал все замечать, даже против воли. Мой сын у них, у скаутов, по этому делу чемпион.

— Замечательно. А что случилось тогда с выключа-
телем в ванной комнате? С ним что, повозился тот элек-
трик?

— Ничего не могу сказать, мэм. Он, конечно, жу-
лик, но сломать выключатель может любой. — Смот-
ритель усмехнулся. — А вот когда сгорел предохрани-
тель, так он ничего не смог сделать. Мне пришлось поз-
вать Притчарда, потому что я не мог отойти от этого
чертова занавеса.

— И когда мистер Притчард этим занимался?

— Да где-то в середине первого акта, мэм.

— Еще вопрос, прежде чем вы вернетесь к своему
заслуженному отдыху. В тот вечер, кроме электрика,
кто-то еще посторонний находился за кулисами?

— Мне кажется, кроме этой итальянской дамы, ко-
торая всех гримировала, больше никого, мэм.

— Спасибо вам большое, — сказала миссис Брэд-
ли. — Я полагаю, все перечисленные предметы элект-
рик украл из этого дома?

— Кое-что, мэм. Мы его не запираем, ведь это тер-
ритория школы. А жена с сыном были на представле-
нии. Часы и бумажник он, должно быть, вытащил у
меня из кармана, когда стоял разговаривал.

— Понятно. Но дождевик он, конечно, взял здесь.

— Вот именно взял, мэм. Это вы точно выразились.
Я, кстати, получил его по премиальному купону, и нате,
пожалуйста. Вот так, мэм. Что мог, то и рассказал.

Возвращаясь, миссис Брэдли решила первым делом
поговорить с Браунингом и снова с Кембеллом, чтобы
каждый подтвердил алиби другого. То есть что Брау-
нинг ни на миг не покидал суфлерскую будку во время
первого акта, а Кембелл все это время до своего выхо-

да сидел на стуле с рукописью. В этом случае их обоих можно было исключить из списка подозреваемых.

Надо было проверить также алиби мисс Камден. Не покидала ли она в первом акте свое место в зрительном зале.

С первыми двумя вопрос решился быстро. Браунинг и Кембелл, опрошенные по отдельности, были готовы поклясться, что видели друг друга все время действия первого акта. Кроме того, Алкеста Бойл подтвердила, что мистер Браунинг весь первый акт не покидал суфлерскую будку. Так что миссис Брэдли, вздохнув с облегчением, вычеркнула их из списка подозреваемых.

Глава VIII

МИССИС БРЭДЛИ СОБИРАЕТ ФАКТЫ

Жилище бывшей актрисы, куда миссис Брэдли направилась в три пятнадцать, оказалось аккуратным домиком, приютившимся в симпатичном тупичке лучшего жилого района этого небольшого города. Дверь открыла горничная. Сказав, что хозяйка отдыхает, она все же взяла карточку миссис Брэдли и пригласила войти.

Вскоре она вернулась и попросила следовать за ней. В небольшой уютной гостиной в задней части дома хозяйка встретила миссис Брэдли, лежа на большом мягком диване у камина. После приветствия она велела горничной принести чаю. Миссис Беротти оказалась весьма пожилой дамой, ближе к восьмидесяти, чем к семидесяти, но темные глаза поблескивали живостью и весельем. Во время разговора она привыкла жестикулировать.

— Я пришла поговорить по поводу убийства Келмы Феррис, — сказала миссис Брэдли после обмена любезностями.

— Погодите, а я ее знала? — спросила миссис Беротти, напрягаясь, чтобы вспомнить. — Да-да, знала. Невысокая такая, пухленькая, простая. Актриса никудышная. Умирает, вместо того чтобы сыграть роль умирающей.

Миссис Брэдли рассмеялась. Бывшая актриса тоже расплылась в улыбке.

— Но она не умерла, ее убили, — произнесла затем миссис Брэдли совершенно серьезно.

Миссис Беротти кивнула.

— Что тут можно сказать? Надеюсь, вы понимаете: в этом мире такое не ново.

— Вы присутствовали на коронерском суде?

— Да, присутствовала. Меня спросили, гримировала ли я ее. Я ответила — да, гримировала. Я действительно ее гримировала. А потом спрашивают, была ли она пьяна? Вы только представьте, мне задают такой вопрос. Я соответствующим образом и отвечаю, что за всю свою жизнь еще никогда не бывала в обществе пьяных, не важно мужчин или женщин, и надеюсь никогда там не оказаться. Потом еще спрашивают: известно ли мне о каких-то неприятностях этой дамы? Ну и тут, моя милая, я ответила, как подобает. Что не знаю, были у нее неприятности или нет, но нам — тем, кто умеет ценить игру актера на сцене, — она определенно неприятности доставила. Тем, что согласилась участвовать в спектакле, играть роль, не имея ни крупницы способностей. Видели бы вы эту репетицию в костюмах. Я этого никогда не забуду. Ужас. — Она сокрушенно покачала головой. — Я сказала им, что на ее месте тоже

покончила бы с собой. Это невысказано — ощущать себя полной бездарностью.

Миссис Брэдли усмехнулась.

— Но всем повезло, — с упоением продолжала миссис Беротти, — и мне в первую очередь. Ее заменила эта дивная женщина, божественно красивая. Миссис Бойл. Я такой игры вообще никогда не видела. Она была рассержена, когда пришла ко мне в антракте гримироваться. Сама перед выходом в конце первого акта загримировалась хорошо, но спешила. Потом пришла ко мне в антракте. Ну, я кое-что подправила. А потом пошла в зал, села на очень удобное место в середине третьего ряда, которое заняли для меня добрые друзья. Смотрела и радовалась. Представьте, моя дорогая, что было бы, если бы вышла эта жалкая молодая толстушка с совершенно не поставленным голосом, вернее, отсутствием голоса. Не приведи Господи. Жаль, что вы не видели в этой роли Алкесту Бойл, моя дорогая. Очень жаль. Вы бы побывали на небесах.

Миссис Брэдли хотелось задержаться здесь подольше, но она торопилась вернуться в школу до окончания занятий. Осталось только два вопроса. И она задала первый.

— Вам известно, что в начале первого акта с мисс Феррис случилась неприятность?

— Да, — ответила миссис Беротти, — одна из школьниц мне что-то говорила, но я слушала рассеянно. Потому что была занята. Не думайте, что это просто — как следует наложить грим.

— И еще вопрос. Вы загримировали мисс Феррис до того, как она порезалась?

— Да, и очень красиво. Она сказала, что ее выход в конце первого акта. Но настаивала, чтобы я поскорее

ее загримировала «Зачем? — спросила я. — Вам будет жарко, неприятно». Она заверила меня, что для нее это не важно. Думаю, ей не хотелось оставаться в гримерной вдвоем с мистером Смитом-Микадо. Кстати, он был хорош в этой роли. Как я поняла, они были в ссоре. Вот я ее и загримировала. Бедняжка. Такая жалкая. Зря полезла на сцену. Таким там не место.

Больше миссис Беротти сказать было нечего. Она снова восхитилась игрой Алкесты Бойл, посетовала, что профессиональный театр потерял великолепную актрису, настоящее сокровище. Когда миссис Брэдли с сожалением объявила, что ей пора уходить, хозяйка поднялась и проводила ее до двери. Поблагодарила за визит и просила приходить еще.

Миссис Брэдли торопилась вернуться в школу. На часах было шесть минут пятого, а занятия заканчивались в половине. Однако директор дал указание учителям оставаться до пяти на случай, если кто-то из них понадобится миссис Брэдли.

Вначале она коротко побеседовала с Алкестой Бойл.

— В какой момент вы поняли, что Келма Феррис пропала? — спросила она.

Алкеста задумалась.

— За четверть часа до ее выхода на сцену. Вы знаете либретто «Микадо»?

— Достаточно, — ответила миссис Брэдли. — Я до сих пор читаю его перед сном.

— Тогда вы помните, что первый выход Катиши приходится почти на самый конец первого акта. А у меня правило: исполнители должны быть готовы за четверть часа до выхода на сцену. Пусть постоят немного за кулисами, ничего страшного. У меня была младшая школьница-посыльная, и она немедленно сооб-

щала мне, если кто-то из исполнителей не откликается на ее призыв. Узнав насчет мисс Феррис, я послала девочку в женскую гримерную и вообще поискать везде. Но она вернулась ни с чем. Это было примерно в половине девятого. Тогда я сама отправилась на поиски. Подумала, что, может быть, она плохо себя почувствовала и сидит в какой-нибудь классной комнате. Но ее нигде не было. Времени оставалось мало, и я пошла в зал к мисс Камден. Остальное вы знаете. Она отказалась, но я ее не осуждаю. Ее роль отдали мисс Феррис, разумеется, это обидно. В общем, мне пришлось играть самой. Это был единственный выход. А насчет алиби мисс Камден: я видела, как она вернулась в зрительный зал и села на свое место.

Миссис Брэдли поблагодарила Алкесту, и в следующие минут десять они были заняты каждый своим. Алкеста проверяла тетради, а миссис Брэдли писала в своем блокноте.

Наконец миссис Брэдли спросила:

— А кто сидел по обе стороны от мисс Камден в первом акте?

— Справа никого, — ответила Алкеста. — Она сидела рядом с проходом, так как была распорядительницей и ей то и дело приходилось вставать с места. А по другую сторону сидел мистер Притчард, учитель физики в старших классах.

Миссис Брэдли сделала пометку в блокноте.

— А рядом с ним?

Этого Алкеста не знала, так что миссис Брэдли пришлось перехватить Притчарда после занятий. Ее интересовали также неисправности в освещении. Были неполадки со светом совершенно случайными,

в результате чего Келма Феррис столкнулась со Смитом, разбила очки и порезала лицо, или нет? Миссис Брэдли не сомневалась, что Келма должна была побывать в ванной комнате по крайней мере дважды. В первый раз, чтобы промыть лицо, а во второй ее там убили. Ведь убийца не мог заранее знать, что Келма поранится.

Слив в раковине забили глиной, конечно, намеренно, но убийца решился на преступление где-то между ее первым и вторым визитом в ванную. Это означает, что убийца — человек находчивый и сообразительный. Воспользовался случайным стечением обстоятельств — Келма Феррис поранила лицо и пошла смывать кровь в ванную над раковиной. Он также смелый, если рискнул оказаться обнаруженным в момент убийства, и решительный, поскольку использовал совершенно варварский метод. К тому же он прекрасно владеет собой, потому что до сих пор ничем себя не выдал.

«Но возможно, убийцу я еще не видела», — подумала миссис Брэдли.

Не исключено, что это дело рук электрика, которого она уже называла «Хелм».

Тем временем миссис Брэдли послала за мисс Фрили.

Молодая учительница выглядела испуганной.

— Я ничего об этом не знаю и знать не хочу, — сразу заявила она.

Миссис Брэдли решила, что она и вправду ничего не знает. Ее алиби уверенно подтверждали несколько человек, поэтому мисс Фрили можно было спокойно вычеркнуть из списка.

Девушка ушла, и миссис Брэдли послала за Притчардом.

— Вы чинили свет в коридоре во время первого акта? — спросила она без преамбулы.

— Нет, не чинил, — весело отозвался Притчард. — Потому что там чинить было нечего. Поначалу действительно подозревали какую-то неисправность — думали вроде сгорел предохранитель — и вызвали меня где-то в середине первого акта. Но я ничего не мог сделать без инструментов и пошел искать электрика. Нашел, он трепался со Смитом. Но у этого болвана ничего при себе не было, и он отправился просить инструменты у смотрителя. Больше я его не видел. А потом оказалось, что просто перегорела лампочка. Я вывернул одну в каком-то классе на верхнем этаже, ввернул в коридоре, и стало светло.

— А кто сидел рядом с вами в зрительном зале? — спросила миссис Брэдли.

— Справа мисс Камден, а слева место пустовало. Потом его кто-то занял, не помню кто. Мы ведь работали распорядителями, так что сидели ближе к проходу.

— Я полагаю, вы эксперт во всем, что касается электричества?

Притчард рассмеялся.

— Какой там эксперт, если собирался чинить пробки, а, оказывается, перегорела лампочка. Меня все хвалят за создание школьного радиоприемника, но основная заслуга тут принадлежит двум мальчикам. Они действительно молодцы.

— Один из них Харствуд? — спросила миссис Брэдли.

— Нет. В прошлом году он действительно специализировался у меня, и довольно успешно. А теперь перешел к гуманитариям.

— Но у него достаточно знаний, чтобы, например, вывести из строя выключатель?

— Конечно. Такое любой может.

Миссис Брэдли поблагодарила его, и они расстались.

Затем она долго сидела, уставившись в закрытую дверь. Пока не вошел директор.

— Вы как раз кстати, — обрадовалась миссис Брэдли, — я хочу задать вам вопрос.

Мистер Клиффордсон вскинул брови.

— Пожалуйста.

— Почему вы откажете мисс Камден в рекомендации, если она захочет куда-то устроиться?

Директор сел за свой стол, подвигал письменный прибор, блокнот с промокательной бумагой, повертел в руках небольшую металлическую линейку и только затем осведомился:

— Она вам так сказала?

— Да.

— Но я бы дал ей рекомендацию, если бы она попросила. У меня нет причин отказывать. Тут дело вот в чем. — Он положил линейку и побарабанил пальцами по столу. — У нас случился странный инцидент, связанный с деньгами. Но я обвиняю в этом только себя. Нельзя было оставлять чековую книжку без присмотра. Я тогда выписал чек на девять фунтов, подписал, оставил книжку раскрытой на столе, а сам пошел проводить урок. Возвращаясь, страничка с чеком вырвана, а вскоре выяснилось, что к девятке кто-то добавил ноль и обналичил чек на девяносто фунтов. При этом доступ в мой кабинет имела только мисс Камден. Она

заменяла секретаршу, которая слегла с простудой. Разбирала корреспонденцию. Но я не обвинял ее тогда, не обвиняю и сейчас. И вы первая, кому я об этом рассказываю. Мне известно о расточительности мисс Камден. Кто-то из учителей говорил, что она этим летом проигралась в Монте-Карло и посылала телеграмму родителям, чтобы те прислали денег на обратную дорогу. Но в ее нечестность я не верю. Кто-то совершил неблаговидный поступок, это несомненно, но всему виной была моя беспечность. И если бы мисс Камден попросила у меня рекомендацию, я бы ее, несомненно, дал.

Внимательно выслушав, миссис Брэдли кивнула.

— А теперь я хочу предупредить вас, что на несколько дней покидаю школу. Собираюсь посетить тетю мисс Феррис в Богнор-Реджисе. У нее может быть дневник покойной, с которым было бы полезно познакомиться. Тетя, должно быть, взяла его с другими личными вещами племянницы, когда приезжала на похороны.

— Вы думаете, дневник может помочь выявить убийцу?

— Сомневаюсь, — ответила миссис Брэдли. — Тем более что я уже догадываюсь, кто это. Нет, дневник мне нужен для других целей.

Удивительная женщина, подумал директор. Он уже не знал, печалиться ему или радоваться тому, что пригласил ее провести расследование убийства Келмы Феррис. Как будто угадав его мысли, миссис Брэдли, дойдя до двери, повернулась.

— Тому, кто обедает с дьяволом, нужна длинная ложка. И не унывайте, мой друг. Я сказала, что догадываюсь насчет убийцы, но точно еще ничего не известно.

Глава IX

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПУТИ В БОГНОР

Ожидая поезда, миссис Брэдли заметила небольшую заметку в утренней газете. Совершенно случайно, потому что бегло просматривала заголовки. В этой заметке ее привлекла показавшаяся знакомой фамилия.

Там говорилось о внезапной смерти миссис Фредерик Хэмстед в частной психиатрической лечебнице. Гуляя у декоративного пруда, несчастная женщина случайно упала в воду и утонула.

Миссис Брэдли сделала заметку в своем блокноте, а тут как раз подошел поезд.

Путешествие было долгим, с пересадкой, и миссис Брэдли имела время для размышлений над фактами, относящимися к гибели Келмы Феррис.

По ее мнению, установить личность убийцы совершенно точно будет трудно, а может, и невозможно, хотя свидетельств в избытке. И она начала по очереди перебирать каждого, имеющего и мотив, и возможность совершить преступление, а следом еще и тех, кто имел возможность, но не имел мотива.

Первым шел юноша Харствуд. С точки зрения темперамента он вполне был способен убить. А возможностей у него было предостаточно. И мотив вполне убедительный. Семнадцатилетнего школьника застали целующимся с молодой учительницей. Надо ли говорить о том, что последствия такого события могли быть катастрофическими. Юноша знал, что мисс Феррис поранила лицо. Знал также, что она собралась в ванную смыть кровь. Он дал ей свой носовой платок, а затем ему потребовалось его забрать. Потом каким-

то образом этот платок оказался у мисс Клиффордсон. А может, его обнаружили у тела мертвой Келмы и забрали?

Неясно также, был ли у мисс Клиффордсон и Харствуда сговор? Ведь расскажи мисс Феррис об этом инциденте директору, неприятности бы грозили им обоим. Теперь платок. Как он оказался у Гретты Клиффордсон? Она его где-то нашла и оставила у себя, чтобы прикрыть Харствуда? Если так, то зачем показала его миссис Брэдли и призналась, что он принадлежит юноше? Правда, принадлежность эту доказать нельзя. Инициалы спороты.

Как насчет того, верила ли Гретта, что Харствуд совершил убийство? И воспринимала ли этот платок (если только его не передал ей для хранения сам Харствуд) как доказательство его вины?

Были у миссис Брэдли доводы и в пользу юноши. Он признал, что ему было известно о порезе на лице мисс Феррис и о том, что она собирается смыть кровь в ванной комнате. Но если бы Харствуд был виновен, стал бы он — человек, несомненно, неглупый — говорить о том, что могло ему навредить? И дальше. Харствуд — юноша впечатлительный. Допустим, он совершил это ужасное преступление, убил совершенно безобидную женщину. Спрашивается, смог бы он вести себя потом так развязно, даже нахально? Весьма сомнительно, если только он не чувствовал, что, убив мисс Феррис, спас Гретту от позора и увольнения. Юноша мог счесть себя обязанным избавить Гретту от неприятностей, которые грядут из-за его собственной дурости.

Теперь отсутствие света в ванной комнате. То, что это было сделано намеренно, сомнений нет. Если это

работа Харствуда, то можно назвать только две причины. Он сделал это, либо чтобы скрыть убийство, совершенное им самим, либо думал, что Келму Феррис убила Гретта. Поэтому и дал ей свой носовой платок, чтобы она показала его как свидетельство вины самого Харствуда, а свет отключил, чтобы оттянуть, насколько возможно, момент обнаружения тела.

В общем, свидетельств в его пользу было столько же, сколько и против.

Обморок в кабинете директора, несомненно, был реакцией на то, что мистер Клиффордсон знает о любви юноши к его племяннице. Молодого человека потрясло, что вместо порицания директор в шутливой манере выразил ему сочувствие. Скорее всего обморок и последовавшая за этим истерика со слезами не имели отношения к убийству.

И есть ли связь между перегоревшей лампочкой в коридоре и сломанным выключателем в ванной? Вполне возможно, что это совпадение. Можно предположить также, что выключатель в ванной никто не портил, а он сам вышел из строя по какой-то причине. Но тогда и все остальное, что говорил Харствуд, может быть правдой. Что он после своего первого эпизода на сцене пошел в ванную комнату в поисках мисс Феррис, чтобы забрать свой платок. Там было темно, свет не включался, и он вернулся в примерную, где поболтал с мистером Смитом, дожидаясь выхода на сцену.

Да, следует признать, история с Харствудом запутанная. Все легко может оказаться и правдой, и ложью. Значит, надо продолжать работу. Тот факт, что Харствуд совсем юн, дела не меняет. Миссис Брэдли знала, сколько неуравновешенных юнцов, подростков убивали женщин. Газеты пестрели подобными случаями.

Теперь пришла пора проанализировать поведение Гретты Клиффордсон. Она пытается подставить Харствуда — пока неясно, по какой причине. Это, разумеется, ее не украшает, тем более что у Гретты мотивов убить Келму Феррис было не меньше, чем у него. Среди пациентов миссис Брэдли встречались школьные учителя, и она знала, как влияет на их психику постоянное общение с подростками. Вполне могло оказаться, что при всей своей напускной дерзости и независимости Гретта страшилась гнева и презрения дяди и остальных. С другой стороны, в разговоре с миссис Брэдли она довольно спокойно призналась, что с Харствудом ей «довольно трудно».

Спрашивается, верит ли мисс Клиффордсон, что Харствуд — убийца? Если верит, то это уже серьезно.

Миссис Брэдли, сама не склонная верить в злодейство этого симпатичного ей юноши, побарабанила по блокноту концом серебристого карандаша, а затем открыла и перечитала запись беседы с Греттой.

«...он вначале дает ей свой носовой платок, потом в ванной комнате забивает слив воды глиной, открывает кран и заводит с ней какой-то глупый разговор, а затем, когда раковина наполняется, прижимает ее голову вниз...»

О, подумала миссис Брэдли, вот здесь неувязка. В какой момент он начал забивать слив раковины глиной? У него что, в левой руке был ком глины, а в правой платок? Или наоборот? Или он подготовил раковину заранее и повел туда жертву, чтобы она промыла лицо?

Миссис Брэдли перечитала запись.

«...заводит с ней какой-то глупый разговор...»

Чтобы юноша Харствуд сумел затеять с Келмой Феррис непринужденный интересный разговор, отвлекая ее внимание, пока наполнится раковина, такое вообразить было невозможно. Разговор должен быть обязательно интересным и не прерываться. Да какой юноша способен наблюдать, как наполняется раковина, — а это происходит медленно, потому что школьные краны имеют небольшое сечение, — и при этом отвлекать внимание жертвы интересной беседой, чтобы потом в нужный момент окунуть ее голову в воду, а она при этом не должна ни на секунду заподозрить что-то для себя опасное?

А что, если мисс Феррис сама завела разговор? Ведь вполне могло получиться так: ее сильно мучила совесть из-за того, что она стала свидетельницей инцидента Харствуд — Гретта или даже Бойл — Хэмстед, поэтому она могла использовать общение с Харствудом, чтобы облегчить душу. Это равносильно тому, что преступление совершила Алкеста Бойл.

И чтобы окунуть голову женщины под воду в раковину, нужна большая решимость. Ведь жертва может сопротивляться, и в результате все вскоре закончится в ближайшем полицейском участке.

Миссис Брэдли вздохнула.

Нет, тут должен быть другой тип преступника.

Конечно, Келму Феррис могли прикончить Алкеста Бойл или Фредерик Хэмстед. У них были мотивы. Но Хэмстеда она, не задумываясь, исключила из рассмотрения. Хотя бы потому, что у него для этого практически не было возможности. Установлено, причем совершенно определенно, что весь первый акт он дирижировал оркестром. Осторожные расспросы музыкантов, — а все они были школьниками, — показали,

что Фредерик Хэмстед ни на секунду не покидал своего места до антракта. Мог ли он сделать это в антракте? Нет. Он должен был отыскать Келму Феррис в ванной комнате, убить ее, сломать выключатель и уйти, чтобы потом Мойра сразу же обнаружила мертвое тело. Кроме того, в этом случае Келма Феррис должна была выйти на сцену в конце первого акта.

Миссис Брэдли вновь вернулась к мисс Клиффордсон. Харствуд, видимо, подумал, что это она убила, иначе не стал бы ломать выключатель.

Миссис Брэдли вздохнула и перелистнула пару страниц в блокноте. Есть психологи, которые делят людей на тех, кто способен совершить убийство и кто этого сделать просто не может. Она к таким не относилась, считая, что убить может любой в зависимости от обстоятельств. И все же невозможно было представить, чтобы Алкеста Бойл убила такое безобидное существо как Келма Феррис.

Ее, конечно, могли вынудить к этому обстоятельству. Например опасность, угрожающая тому, кого она любила. То есть Фредерику Хэмстеду. Но увольнение — а это единственное, что ему угрожало в крайнем случае, — не могло бы побудить уравновешенную и разумную женщину пойти на такое ужасное преступление.

Кроме того, вряд ли Келма Феррис выдала бы их секрет директору. А если даже и так, то он вряд ли предпринял бы какие-то действия.

Да, возможность совершить убийство у Алкесты была. Она могла во время действия ходить куда угодно. Но стала бы Алкеста в этом случае искать повсюду Келму Феррис?

Нет, ее нужно без всяких сомнений вычеркнуть из списка подозреваемых.

Следующим в нем числился Смит.

Миссис Брэдли относилась к нему со смешанными чувствами. Он, конечно, имел возможность совершить убийство. А вот в то, что он это сделал, ей верить не хотелось. Два мотива, которые ему можно было бы приписать, не выдерживали критики. Месть за сломанную Психею? В это просто невозможно поверить. Что еще? Желание отвести беду от Алкесты Бойл, которую он любил, как мальчики любят мать, в случае если Келма Феррис раскрыла бы тайну ее отношений с Фредериком Хэмстедом? Но знал ли он об этом? О том, что она раскрыла их тайну. Вряд ли Алкеста стала бы обсуждать со Смитом такие вещи. Да и Хэмстед тоже.

Миссис Брэдли поразмышляла и все же оставила Смита в списке. В его распоряжении был весь первый акт, чтобы совершить это деяние.

Такая же возможность была и у бывшей актрисы миссис Беротти. И по психотипу она вполне подходила на роль убийцы. Артистичная, смелая, нетерпима к глупости, умеет владеть собой, изобретательная. Но мотив тут никак не просматривается, а на убийство без мотива способен лишь маньяк. Миссис Беротти таковой не была.

«Электрик» Хелм? Правда, еще нужно доказать, что это был Хелм. Да, возможность у него была, но опять же какие мотивы? Келма Феррис могла бы унаследовать что-то от своей тети, если бы пережила ее. Хелм предлагал ей замужество, это другое дело. А ее смерть ему бы ничего не дала.

На первый взгляд на роль убийцы хорошо подходила мисс Камден. Она неуравновешенна, упряма, характер скверный, неуживчивый и прочее. Она была зла на покойную и собиралась отомстить...

В этом месте рассуждений миссис Брэдли была вынуждена прерваться. Скоро предстояла пересадка. Она убрала блокнот с карандашом и стала глядеть в окно на мелькающий пейзаж. Кругом доминировали два цвета — серый и коричневый. Что на земле, что на небе. Это должно было навести на унылые мысли о том, что зима только начинается и прочее, но миссис Брэдли не чувствовала изменений погоды, и ей было в равной степени терпимо и в Гренландии, и в Южной Индии — а она побывала и там, и там.

Так что, когда поезд остановился у станции, она бодро сошла на платформу и тут же с удивлением увидела своего молодого друга, преподобного Ноэля Уэллса. Он сидел на скамье, вытянув длинные ноги в черных брюках — черная шляпа надвинута на глаза, — и безмятежно спал.

Миссис Брэдли поставила на землю небольшой чемодан и легонько ткнула Ноэля металлическим наколочником зонтика.

Уэллс сел и уставился на нее.

— Я, кажется, немного задремал. А вы как здесь оказались?

— Вышла на охоту за очередным убийцей, — откровенно призналась миссис Брэдли. — А вы?

— У меня дела в Богноре. Вернее, в небольшой деревне поблизости. Еду до Богнора, а потом на автобусе или пешком. В августе это было бы неплохо, но сейчас...

— А где Дафни? — спросила миссис Брэдли.

— Отдыхает на юге Франции. А вы случайно не в Богнор едете?

— Именно туда, мой друг. Какое чудное совпадение. И я сейчас подумала, что вы могли бы мне немножко помочь, если потребуется.

— Не возражаю, — отозвался молодой викарий. — А чем?

— Я хочу выдать вас за своего сына.

— Неплохо придумано. При этом сын у вас будет немного недоразвит, я правильно понял?

Миссис Брэдли отступила на шаг, чтобы получше его рассмотреть.

— Знаете, мой друг, бывают моменты, когда ваша сообразительность меня ошеломляет.

Молодой викарий скромно потупился.

— Ну, во-первых, я женат на Дафни, а во-вторых, мечтаю стать епископом.

Она рассмеялась. Затем они поболтали о том о сем, пока не пришел поезд.

— А теперь, — проговорила миссис Брэдли, когда они устроились друг напротив друга в купе, — если вы не возражаете, я продолжу свои размышления по поводу одного персонажа расследования. — Им был, как мы помним, учитель рисования Смит.

Ничего больше не сообщая преподобному Ноэлю Уэллсу, который, мирно глядя в окно, продолжал курить трубку, она достала блокнот с карандашом, нашла нужную страницу и углубилась в мысли.

Смит подходил на роль убийцы так же, как и мисс Камден. Есть и возможность, и мотив. Весь первый акт был в его распоряжении, а расколота глиняная фигурка Психеи, над которой он трудился полгода, чем не повод. Но... но... Смит не того типа, чтобы долго вынашивать в уме планы отмщения. Если бы он хотел убить Келму Феррис, то, наверное, в тот же момент, когда обнаружил потерю Психеи, схватил бы ближайший тяжелый предмет и обрушил ей на голову. Но стал бы он идти на верную виселицу из-за потери заказной

статуэтки, которая делалась ради денег? А вскоре Алкеста помогла ему с этим выкрутиться.

Потом, правда, Смит столкнулся с Келмой Феррис, отчего она поранила щеку. Но вряд ли это не было случайным. Он не мог знать, что она вдруг встретится ему на пути. Тем более Смит не мог догадаться, что, поранив лицо, Келма пойдет именно в эту ванную комнату. Ведь были еще места, где есть вода и раковины.

Смит, конечно, мог вкрутить в коридоре перегоревшую лампочку. Но таким образом получается, что он заранее планировал столкновение с Келмой Феррис, а это невозможно. То же самое с выключателем в ванной.

Его ссылки на плохую память подозрительны, но, с другой стороны, у людей его склада часто бывают проблемы с памятью.

Теперь о глине, которой забили сливное отверстие в раковине. Конечно, она была в его распоряжении, но, с другой стороны, стал бы убийца действовать столь глупо, используя материал, который его разоблачал?

И глину еще кто-то мог взять специально, чтобы подумали на Смита.

Неожиданно ее осенило. Она посмотрела на Уэллса.

— Мой друг, если бы вы собирались лепить статую Психеи, какого возраста вы бы взяли натурщицу?

Уэллс задумался, потирая нос с горбинкой, как у фельдмаршала Веллингтона.

— Не знаю. Наверное, где-то между пятнадцатью и восемнадцатью.

— Вот именно, — согласилась миссис Брэдли.

Почему же Смит взялся лепить Психею не дома в своей студии, а в школе? Наверное, потому, что натурщицу нельзя было пригласить домой.

На следующей остановке миссис Брэдли быстро нашла на перроне телефонную будку и позвонила Алкесте Бойл.

— Пожалуйста, выясните наверняка, кто позировал мистеру Смиту для Психеи?

Ответ последовал незамедлительно:

— Мойра Маллей. Но ему была нужна не ее голова, а фигура.

Теперь понятно, подумала миссис Брэдли, когда они сели в поезд на Богнор, почему он так свободно попросил Мойру никому не говорить о столкновении с Келмой Феррис. У них довольно близкое знакомство.

Но выходит, что и эта старшекласница-ирландка имела мотив для убийства? Возможно, она тайно позировала Смиту, а мисс Феррис об этом узнала? И если ее шокировало зрелище, как Харствуд целует Гретту Клиффордсон, то насколько должна была потрясти бедняжку сцена, когда старшекласница позирует обнаженной для учителя рисования.

И как Мойра вообще решилась на это, такая скромница? Возможно, ради денег, ведь она нуждалась, а возможно, также... — миссис Брэдли задумалась, — ...возможно, чтобы сделать мистеру Смиту приятное. Потому что она в него влюблена.

Однако из всего этого следовало, что мотив у Мойры убить Келму Феррис был достаточно сильный, если та обнаружила ее позирующей обнаженной в кабинете рисования.

И тут вроде бы все сходится. Мойра страшно переживает. Почему? Возможно, как раз из-за этого. При первой беседе категорически отказалась пойти с миссис Брэдли показать, где она обнаружила мертвое тело. Теперь уже и само это «обнаружение» кажется подоз-

рительным. Сколько убийц «обнаруживали» тело своей жертвы. Таких случаев не счесть.

Да, скверно все складывается для Мойры Маллей. Но все же — миссис Брэдли перелистала блокнот — есть еще кое-кто, о ком следует поразмышлять. Например, мисс Камден и электрик. Если окажется, что это был Хелм, то ему придется объяснить причину тайного визита в школу. Но это станет ясно после встречи с тетей Келмы в Богноре.

Теперь мисс Камден. Мотив здесь налицо. И качества, необходимые для подобного убийства, у нее имеются. Спортсменка, сильная, закаленная, сметливая, проворная, с несомненной «волей к победе».

А вот с возможностью совершить убийство у нее пока сложновато. Впрочем, в настоящий момент доказано только, что она сидела в зрительном зале в начале спектакля и, по свидетельству Алкесты, в конце первого акта.

А вот покидала ли она свое место где-то посередине первого акта, — конкретно между половиной восьмого и четвертью девятого, — это пока не ясно.

И если все же это она подделала директорский чек, то и убить тоже вполне могла. Но, с другой стороны, мисс Камден сама призналась, что имела зуб на мисс Феррис, а также по поводу чека; только предложила спросить об этом у директора. И потом, как она узнала, куда Келма пойдет смыть кровь?

Миссис Брэдли надолго задумалась, прежде чем поняла, как нужно действовать.

Когда они сошли с поезда в Богноре, она попросила таксиста остановиться у первого почтового отделения, откуда отправила Алкесте Бойл телеграмму следующего содержания:

«Выясните, помогал ли кто-нибудь мисс Феррис, когда она поранила лицо».

На следующее утро пришло письмо.

«В телеграмме объяснить все было трудно, — писала Алкеста. — Мне удалось выяснить, что моя девочка-посыльная в тот вечер, узнав, что мисс Феррис поранилась, решила меня не беспокоить, — я действительно была очень занята, — а нашла в зале мисс Камден. Ее всегда зовут, когда требуется первая помощь, так что это было естественно и разумно. Мисс Камден немедленно пошла помочь мисс Феррис, и девочка с ней».

«Интересно, как долго оставалась эта девочка в ванной комнате? — подумала миссис Брэдли. — Интересно также, когда залепили глиной сливное отверстие? А еще: приходила ли мисс Камден в ванную второй раз, чтобы помочь мисс Феррис? И как сюда приспособить Хелма? И наконец, почему, имея четырех подозреваемых, — у каждого был мотив и возможность, — я все же мучаюсь в поисках пятого?»

Глава X

ТЕТЯ

Миссис Брэдли гадала, как лучше подступиться к мисс Линкаллоу, тете Келмы, чтобы разговорить ее, но вскоре выяснилось, что зря. Мисс Линкаллоу была наслышана о ней и приветствовала как почетную гостью.

При этом говорила не переставая. И первым делом объяснила причину самоубийства племянницы.

— У коронера я промолчала, — призналась она, глядя в лицо миссис Брэдли зеленоватыми глазами. — А как же иначе. Неужели нужно было рассказывать о ее падении. Нет уж, пусть она остается для них такой же целомудренной, как вы или я.

Миссис Брэдли, которая о целомудрии как-то не задумывалась, серьезно кивнула и приняла глубоко-мысленный вид.

— Конечно, конечно.

Мисс Линкаллоу вздохнула:

— Бедная Келма. Она ведь его сразу раскусила. Посидела с ним за столом за ленчем, а после подошла ко мне и говорит: «Тетя, пожалуйста, пересадите меня подальше от этого неприятного человека». «О каком неприятном человеке ты говоришь, дорогая?» — спросила я. Мне почти все мужчины средних лет одинаково неприятны. Вы понимаете, что я имею в виду. Многие приезжают сюда без жен, отдохнуть от них. А здесь есть где повеселиться. Наш Богнор первоклассный морской курорт. «Так о ком идет речь, дорогая?» — спросила я. Она показала на него, и я сразу поняла. Коммивояжер, миссис Брэдли, а они, поверьте мне, хуже моряков, честное слово. Потому что моряки на корабле подчиняются дисциплине, там у них есть капеллан, который читает им молитвы, учит бояться Бога. А вот коммивояжеры! Да для них соврать — это раз плюнуть.

Миссис Брэдли, которая прежде с коммивояжерами близко не сталкивалась, вежливо согласилась. А мисс Линкаллоу продолжила:

— Потом... Боже, я ту ночь никогда не забуду. Понимаете, я тогда с трудом поверила, и теперь, огляды-

ваясь назад, все это кажется сном. Не знаю, были какие-то воры или нет, — во всяком случае, ни у меня, ни у гостей ничего не украли, — но я застала в комнате Келмы этого человека. Среди ночи. Ну разве это не позор?

Миссис Брэдли опять согласилась.

— Вы не думайте, я тогда ничего не сказала Келме, — продолжила тетя. — Да и потом тоже. Она ведь тут жила на общих правах, платила за номер почти столько же. К тому же моя племянница достаточно взрослая, чтобы за себя отвечать. С виду Келма такая кроткая, мягкая, но характер отцовский. Если что решила, то обязательно сделает, что бы вы ей ни говорили. Не своевольная, нет, но решительная. По-своему, по-тихому. Так что я ничего ей не говорила, только решила выяснить насчет этого коммивояжера, кто он такой. А когда выяснила, то сразу же выпроводила без разговоров.

Мисс Линкаллоу понизила голос почти до шепота:

— Его, оказывается, судили за убийство, миссис Брэдли. Представляете? Но оправдали. Помните, в прошлом году в газетах писали о Джордже Катлере?

Миссис Брэдли кивнула. Она вспомнила процесс, когда некий Джордж Брайан Катлер был признан невиновным. Его обвиняли в том, что он утопил свою жену в ванне ради получения ее страховки.

Мисс Линкаллоу кивнула в ответ.

— Я так и думала, что вы знаете. Так вот этот Хелм и есть Катлер. И когда я услышала, что моя помощница Эллен Сули дала этому чудовищу адрес школы, где работает Келма, то решила сразу же предупредить бедную девушку. У моей Эллен не хватает ума. Стоило ему спросить о школе, как она тут же доложила, что моя племянница там работает.

— Вы послали ей телеграмму? — спросила миссис Брэдли.

— Вот именно, послала телеграмму. А потом написала письмо. Кто знает, что мог бы с ней сделать этот негодяй.

— И где Катлер теперь?

Мисс Линкаллоу скривила губы.

— Представляете, какая наглость, он до сих пор здесь живет. Снял там, дальше по берегу, летний домик, переделанный из железнодорожного вагона. Не понимаю, куда смотрит полиция.

— Адрес у этого летнего домика есть? — спросила миссис Брэдли.

— Есть, конечно. — Мисс Линкаллоу опять перешла на шепот: — Но не вздумайте появляться там рядом. Это опасный человек.

После ленча миссис Брэдли удалилась в свою комнату, чтобы сделать кое-какие заметки в блокноте. У нее создалось впечатление, что тетя не очень сильно горюет по племяннице.

Затем она удачно подкараулила Эллен Сули, которая была кем-то вроде младшей компаньонки мисс Линкаллоу по содержанию пансиона.

— Как по-вашему, — спросила миссис Брэдли, — что подумала мисс Линкаллоу, получив известие о самоубийстве племянницы?

Эллен смущенно потеряла черный шелковый передник и сказала, что не знает.

— То есть когда пришла телеграмма от директора, вы не присутствовали?

— Как же, присутствовала, — проговорила Эллен, успокоенная любезным тоном гостыи. — Я даже держала наготове бутылочку с нюхательной жидкостью, ког-

да она открывала это печальное послание. А потом сказала мальчику-доставщику, что ответа не будет.

— Только и всего?

Эллен кивнула.

— Да. Мисс Линкаллоу только это и сказала. Она ведь накануне вечером ездила к ней.

— Ездила? — удивилась миссис Брэдли.

— Так и я тоже с ней была, — затараторила Эллен Сули. — Келма прислала письмо с приглашением посмотреть ее выступление в школьном спектакле. Хотите, я его принесу? Оно вообще-то было прислано мне, потому что Келма надеялась, что я уговорю тетю приехать. Сама я в молодые годы любила ходить в театры. Давайте поднимемся наверх на минутку.

Забыв смущение, она шустро побежала наверх, миссис Брэдли последовала за ней.

Значит, они ездили посмотреть постановку «Микадо». И в тот же вечер вернулись в Богнор, потому что получили телеграмму директора, которую он отправил на следующий день в половине десятого утра. Надо выяснить, пыталась ли мисс Линкаллоу увидеть племянницу после спектакля.

Письмо, которое протянула ей Эллен Сули, было коротким.

«Дорогая тетя Эллен! («Она всегда называла меня тетей, как и мисс Линкаллоу, но, конечно, я ей не родственница», — пояснила мисс Сули, близоручко вглядываясь через плечо миссис Брэдли в аккуратный почерк школьной учительницы.) Надеюсь, вы и тетя здоровы. До сих пор не могу нарадоваться, как чудесно я провела у вас отпуск летом. На следующей неделе, в пятницу вечером, у нас будет спектакль по пьесе Гиль-

берта и Салливана «Микадо», я вкладываю в конверт два билета. На них указано время начала. Я знаю, ездить на поезде утомительно, но все равно прошу вас с тетей приехать. У меня одна из главных ролей — Катиша, девушка, которую Микадо, император Японии, прочит в жены своему сыну. Очень смешной персонаж. Пожалуйста, постарайтесь уговорить тетю. Я уже получила согласие квартирной хозяйкой, что вы можете у меня переночевать. Только придется спать вдвоем на двуспальной кровати. Одна ночь, я думаю, не страшно.

С любовью, Келма Феррис.

P.S. Приезжайте».

— И как вы съездили? — спросила миссис Брэдли.

Мисс Сули глянула на дверь и приложила палец к губам.

— Мисс Линкаллоу будет отдыхать по крайней мере час. Пойдемте во вторую гостиную.

Здесь был небольшой диван, два мягких кресла, книжный шкаф, набитый комментариями к Новому Завету, стихами поэтов Викторианской эпохи плюс кое-что из легкого, но имеющего воспитательное значение чтения (видимо, призы, решила миссис Брэдли, которые получала Келма в воскресной церковной школе, куда ходила с семи до тринадцати лет), и жития некоторых малоизвестных святых. Еще во второй гостиной стоял старый массивный буфет из красного дерева, на нем большая резная ваза из нескольких ярусов, какие ставят в центре обеденного стола, на стенах две картины с изображением бурного моря в Гастингсе и довольно унылая олеография джентльмена с бакенбардами, ухватившегося на спинку стула. («Видимо, отец мисс

Феррис», — подумала миссис Брэдли.) Там были еще солидный письменный стол, небольшое пианино, три стула с выгнутыми спинками и блестящими кожаными сиденьями, огромный обеденный стол и скамеечка для ног.

Миссис Брэдли выбрала меньшее из кресел. Эллен примостилась рядом на стуле, сложив руки на коленях, готовясь к рассказу.

— Мне даже не пришлось ее сильно уговаривать. Она сразу сказала, что давно хотела поехать посмотреть, как там живет Келма после знакомства с мистером Хелмом здесь этим летом. Но потом добавила, что поездка на поезде утомительная, с пересадкой. И тут мне пришла в голову счастливая мысль, и я говорю, почему бы нам хотя бы раз не нанять автомобиль мистера Уиллиса. Это обошлось бы дешево, потому что он у нас в долгу, ведь мы поставляем ему клиентов из числа наших гостей, которые не любят автобусы. Он возит их на вокзал и на экскурсии по разным достопримечательностям. Так что просто обязан нам помочь.

Эллен Сули на секунду замолкла.

— Мы договорились с ним на два фунта, семнадцать шиллингов и шесть пенсов, без чаевых. Как говорится, грех жаловаться. Тем более что ночевка нам предстояла бесплатная. В общем, в пятницу утром, в половине десятого, мы поехали.

Она опять замолкла.

— Надеюсь, вы приятно провели время? — поинтересовалась миссис Брэдли.

Эллен махнула рукой.

— В том-то и дело, что мы почти сразу поссорились. Очень неудачно получилось. Мисс Линкаллоу сказала, что надо бы послать Келме телеграмму, предупредить

о нашем приезде. А я сдуру возьми и скажи — так, между прочим, — что, мол, лучше не надо. Пусть это будет для нее сюрпризом. А может, и не одним. Не надо было мне это говорить. Ведь мисс Линкаллоу немножко подозрительная. Да и вы станете такой, если будете принимать постояльцев на морском курорте, даже высокого класса, понимаете, миссис Брэдли? Вот она сразу и набросилась, что да как. Пришлось сказать, что этот нахал мистер Хелм накануне встретился мне на прогулке, приподнял шляпу, совсем как джентльмен, спросил о здоровье мисс Линкаллоу, такой вежливый, а потом перевел разговор на мисс Феррис. Я сообразить-то толком ничего не успела, как он записал на бумажке адрес ее школы, снова приподнял шляпу и пожелал мне всего хорошего, как положено. Гляжу, а он уже садится в автобус на Чичестер и уезжает. Вот такое дело. — Эллен Сули задумалась. — Нет, не совсем так было. Адрес я ему не давала. Просто он упомянул об этой школе, а я и сказала, что она там работает. Миссис Брэдли, если бы вы видели, как она рассердилась. Мисс Линкаллоу иногда такой бывает. А потом жару добавил мистер Уиллис. Только она успокоилась, стала с ним разговаривать о том о сем, потом помянула Хелма, и тут мистер Уиллис спрашивает, знает ли она, кто он такой. И сразу рассказывает, что настоящая фамилия у него Катлер, его судили за то, что он утопил свою жену в ванной, чтобы получить деньги по ее страховке, и его оправдали за отсутствием доказательств. Это вконец испортило ей настроение. Она настояла, чтобы послать Келме телеграмму насчет него. Когда я сказала, что надо бы еще предупредить о нашем приезде, она ответила, что две телеграммы для нее слишком дорого, что денег она не печатает, может быть, я печатаю, она не

знает, а ее долг был предупредить племянницу, хотя мне, конечно, это все равно. И не то, чтобы она была такая уж жадная на деньги. Нет. Но у нее есть небольшая слабость — экономить на мелочах. И она немного злилась на бедную Келму, что та приехала к нам проводить летний отпуск. Прямо никогда не говорила, но я догадывалась. Как получила тогда от нее письмо, сразу разозлилась. Что, мол, племянница решила сэкономить, провести задешево отпуск. Думаю, она надеялась, что Келма будет помогать ей тут по хозяйству, хотя бы немного, но та не предложила. А потом, скажу я вам, мисс Линкаллоу вела себя с ней очень мило.

— Так значит, вы сразу после представления вернулись на автомобиле в Богнор? — спросила миссис Брэдли. Информации от болтовни мисс Сули она получила больше, чем ожидала.

— О, это целая история. Понимаете, нас повез сам мистер Уиллис, потому что мисс Линкаллоу не доверяла молодому Тому. Поскольку Келма нас не ожидала, мы попили чаю в городе, и мистер Уиллис повез нас к школе к семи часам, когда там открыли двери. Но вот беда, по дороге он заблудился. Тогда уже стемнело, понимаете, а школа еще стоит в таком тихом месте. Едем полторы мили, а дорогу спросить не у кого. Мисс Линкаллоу изворчалась, что мы так представление и не посмотрим. В общем, расстроилась вконец, и когда мы наконец приехали к воротам школы, сказала, что никуда не пойдет, останется в машине. Отдала мистеру Уиллису свой билет, чтобы мне не идти туда одной. И мы с ним вошли в зал почти в конце первой части. Просидели минут пять, и опустился занавес, зажегся свет. Все вокруг смеются, разговаривают, едят сладости, а мисс Линкаллоу сидит злая в машине. Но самое главное,

Келмы нигде не было видно — ни на сцене, ни в зале. Представление нам понравилось, но где-то посередине, в самом смешном месте, к нам подходит мальчик и говорит: «Меня прислал привратник сказать, что там во дворе дама в автомобиле требует вас, чтобы ехать домой». Понимаете, мисс Линкаллоу надоело ждать, и она сильно замерзла, потому что к вечеру похолодало — это и неудивительно в декабре. Так что нам пришлось уходить, мистеру Уиллису и мне, и мы поехали обратно, так и не повидавшись с Келмой и не досмотрев представление. Мне очень понравилось. Если такую постановку привезут в Богнор, пойду обязательно, даже если мисс Линкаллоу не захочет. Честно говоря, надоело зависеть от ее настроения, — закончила Эллен Сули, неожиданно расхрабрившись.

Далее миссис Брэдли пришлось выслушать не очень интересные подробности их возвращения домой, после чего она удалилась к себе в комнату, где просидела, делая записи, до звонка на чай. Самым странным во всей этой истории было то, что мисс Линкаллоу не сильно разволновалась, получив известие о смерти племянницы, и что она, прибыв к школе, почему-то решила остаться одна в машине. Она находилась там и в то время, когда Келму Феррис обнаружили мертвой.

Первым делом надо было встретиться с мистером Уиллисом и сравнить его версию происходившего с рассказом мисс Сули. Миссис Брэдли не хотела, чтобы о ее разговоре с ним здесь знали, поэтому адрес спрашивать не стала, а просто вышла после чая прогуляться. Найти мистера Уиллиса было нетрудно. Его дом примыкал к гаражу, а гараж, как она и подозревала, находился в конце улицы, где жила мисс Линкаллоу.

Уиллис, простой, приятный мужчина, лет примерно пятидесяти, улыбнулся при упоминании мисс Линкаллоу и сообщил, что она не заплатила ему за поездку ни пенни, а также, что он и мисс Сули просидели в зрительном зале по крайней мере четверть часа, а может, и дольше, прежде чем опустился занавес после первого акта. Затем он повторил рассказ Эллен Сули с некоторыми уточнениями. Они расстались, весьма довольные друг другом. В конце миссис Брэдли сказала, что намерена завтра утром совершить короткую поездку в его автомобиле.

Потом она снова нашла мисс Сули и вытянула из нее факт, что они с Уиллисом заняли места в зрительном зале за пару минут до выхода Катиши. И хотя миссис Брэдли была совершенно уверена, что мисс Линкаллоу ничем в тот вечер не занималась, кроме сидения в автомобиле перед школой, злясь на Уиллиса, все равно у нее была возможность убить племянницу. Согласно рассказам мистера Уиллиса и Эллен Сули, у нее на время совершения преступления алиби не было, а ее странное решение немедленно возвращаться в Богнор ночью, вместо того чтобы остаться ночевать у Келмы, могло усилить подозрения, если удастся обнаружить мотив.

Миссис Брэдли вздохнула. Она чувствовала, что такой мотив у мисс Линкаллоу имеется. Странное дело — все люди, так или иначе связанные с несчастной мисс Феррис, имели основания для убийства. Что за нелепость.

Спать в этот вечер миссис Брэдли легла рано, а утром, позавтракав, отправилась встретиться с Хелмом. Он, конечно, будет отрицать свое пребывание в шко-

ле, но не в этом дело. У нее просто не было никаких фактов, связывающих его с этим преступлением.

«Как с ним говорить и о чем, решу по ходу дела», — думала она, сидя в синем автомобиле мистера Уиллиса, за рулем которого сидел Том. На подъезде к нужному летнему домику она попросила его остановиться. Вылезла и велела, чтобы он ждал полчаса.

— По истечении этого времени, друг мой, — она пристально посмотрела на молодого Тома, — вы громко постучите в дверь и потребуете, чтобы вас впустили.

— А не лучше ли, мэм, вам вообще к нему не заходить? — заметил Том, сдвигая на затылок форменную фуражку. — Об этом человеке говорят только плохое.

— С такими людьми тоже следует иногда встречаться, — загадочно промолвила миссис Брэдли.

Она прошла по выложенной галькой дорожке и постучала в дверь. Том, как истинный рыцарь, открыл капот автомобиля и, притворившись, что осматривает двигатель, украдкой наблюдал за происходящим. Когда дверь за миссис Брэдли закрылась, он сел на ступеньку машины, посмотрел на часы и приготовился ринуться в домик, как только оттуда донесется шум.

Дверь открыл Хелм, которого миссис Брэдли узнала по фотографии в газете. Да, это был Катлер. Уже хорошо. Она помнила его судебный процесс главным образом потому, что адвокатом там выступал ее сын, Фердинанд Лестрендж, который и добился освобождения Катлера, разбив в пух и прах доводы обвинения. Миссис Брэдли не сомневалась в виновности этого человека, но даже такой сильный мотив, как получение страховки, — а он сам застраховал жизнь своей жены, — должны были подкреплять не менее сильные улики. А тут они все были косвенные.

Он вопросительно посмотрел на миссис Брэдли. Она улыбнулась.

— Добрый день, мистер Хелм. Вы ведь тот самый мистер Хелм, который работает в школе с совместным обучением в Хиллмастоне?

— К сожалению, нет, мадам, — вежливо ответил Хелм.

— Какая жалость, — обронила миссис Брэдли, притворяясь смущенной и растерянной. — Я недавно приехала сюда... Понимаете, дело в том, что моя невестка попросила узнать у вас насчет этой школы. Впрочем, это не важно. Раз вы не тот, о ком она говорила, тогда...

— Послушайте, давайте пройдем в гостиную, — предложил Хелм. — Разговаривать на пороге неудобно.

Миссис Брэдли достигла своей цели. Ее впустили. Летний домик, переоборудованный из железнодорожного вагона, состоял из двух комнат, разделенных невысокой перегородкой. В первой, видимо гостиной, размером с купе вагона, стоял небольшой узкий стол, два стула, пол был застелен дорожкой, когда-то малиновой, а теперь выцветшей.

Внимание миссис Брэдли привлекла стоявшая посреди комнатки большая переносная ванна из оцинкованного железа. Заметив, куда направлен взгляд гостя, Хелм поспешил объяснить, что в это время года ему не нравится купаться в море, но он считает морскую воду целебной. Поэтому носит ее ведрами в дом, наполняя достаточно объемный медный котел, стоящий на печи в кухне. Когда вода достаточно нагревается, он с помощью вон того большого эмалированного кувшина переливает ее в ванну. Вот таким образом он принимает ванны из морской воды дважды в день.

— Это необыкновенное удовольствие, уверяю вас, — сказал он, улыбаясь. А вот школа, о которой вы спрашивали, мне, к сожалению, неизвестна.

«А вот тут ты врешь, приятель», — подумала миссис Брэдли, вспомнив слова мисс Сули.

Они поговорили еще немного, и миссис Брэдли ушла.

На обратном пути в Богнор она размышляла в машине. Внешность Хелма полностью совпадала с описанием электрика, которое дал школьный смотритель. Значит, этот человек ей и нужен.

За ленчем мисс Линкаллоу поинтересовалась, не утомилась ли она. Миссис Брэдли ответила, что нет, но от морского воздуха тянет в сон. И действительно, она прилегла у себя на диване и проспала полчаса.

В разговоре с Хелмом миссис Брэдли между делом упомянула, что она богатая вдова, ничем особенно не обремененная, — что формально было чистой правдой, — и не без оснований надеялась, что этот бессовестный авантюрист постарается продолжить их знакомство.

Так оно и получилось. Хелм выждал два дня, а затем миссис Брэдли получила от него письмо, в котором говорилось, что он связался с директором школы и получил экземпляр проспекта, который будет рад вручить ей, если она не откажется выпить с ним чаю в любой день, какой ее устроит.

Миссис Брэдли отправилась к Хелму тотчас и нашла его принарядившимся, явно ожидающим гостей.

— У меня было предчувствие, что вы сегодня придете, уважаемая леди, — сказал он.

Его редкие песочного цвета волосы были разделены на пробор и тщательно причесаны. Изящно скро-

енный аккуратный серый костюм сидел на нем совсем неплохо. Безукоризненные складки на брюках, красивая булавка в галстук.

Миссис Брэдли внутренне улыбнулась, как, возможно, улыбается аллигатор, увидев жертву в пределах досягаемости своих челюстей.

Глава XI ЗНАКОМСТВО С ХЕЛМОМ

I

Каким-то образом Хелм ухитрился достать подробный проспект школы в Хиллмастоне. Там было все: фамилии и квалификация учителей, размеры школьного стадиона, описание физической лаборатории, кабинетов рисования и музыки, сада, плавательного бассейна и даже планы этажей. Он там бывал, это несомненно. Но скорее всего не для того, чтобы убить Келму Феррис.

Зачем, спрашивается, ему нужно было заниматься этим в школе, если он без труда мог узнать ее адрес?

Они поболтали за чаем о том о сем. Затем миссис Брэдли завела разговор о недавно погибшей учительнице этой самой школы.

— Представляете, хозяйка пансиона, где я сейчас живу, это ее тетя.

— Да, — кивнул Хелм, — я знаю. Летом жил в этом пансионе и встречался с мисс Феррис.

— Мисс Линкаллоу рассказывала о каком-то случае с ворами, — произнесла миссис Брэдли тоном глуховатой старой дамы.

Хелм усмехнулся.

— Никаких воров не было.

— Неужели это был плод воображения несчастной девушки? — удивилась миссис Брэдли.

— Во всяком случае, ни у кого ничего не украли.

— Мисс Линкаллоу сказала, что их кто-то спугнул, — проговорила миссис Брэдли и встала. — Спасибо вам большое за школьный проспект, моя невестка будет рада. Она перепутала. Ей кто-то сказал, что вы в этой школе преподаете немецкий язык. Не смею больше отнимать у вас время, мистер Хелм.

С неприятной усмешкой на лице Хелм наблюдал из окна, как она идет по выложенной галькой дорожке к воротам. Он был доволен. В разговоре ему удалось вытянуть из старой дуры, что ее жизнь застрахована на десять тысяч фунтов. Страховку должен получить сын. Его усмешка трансформировалась в веселую улыбку. Он подошел к оцинкованной ванне и побарабанил по ней пальцами.

Миссис Брэдли тоже весело улыбалась. За волно-резом, подняв воротник темно-серого дождевика, скрывался преподобный Ноэль Уэллс.

— А вот и я, мой друг, — сказала миссис Брэдли, хрипло рассмеявшись, и сжала его локоть.

Молодой викарий грустно улыбнулся.

— Мне не нравится, что вы играете с огнем. И чем я могу вам помочь, стоя здесь?

Миссис Брэдли достала из вместительного кармана юбки апельсин.

— Вот смотрите, мой друг. Когда из окна его дома вылетит это, немедленно спешите мне на помощь.

— Но разве у вас всегда будет под рукой апельсин? — возразил молодой викарий. — А если будет темно?

— Тогда вы услышите звон разбитого стекла, мой друг. А чем швырнуть в окно, я найду, не беспокойтесь.

Миссис Брэдли взяла его под руку, и они пошли по пустынному берегу к городу.

— А если этот негодяй сейчас наблюдает за нами? — спросил викарий.

— Ну и пусть наблюдает, — беззаботно ответила миссис Брэдли. — Ведь вы мой сын, в чью пользу моя жизнь застрахована на десять тысяч фунтов. А он, я думаю, сейчас погружен в раздумья, как ими завладеть.

Викарий убыстрил шаг.

— Я слышал в городе, что Хелм пытался снять летний домик в другой части Богнора, но ему отказали. Про тот суд многим известно.

— На Рождество я уеду домой, — сказала миссис Брэдли. — А после ненадолго вернусь в школу. Там кое-что нужно прояснить. Что касается Хелма, то мы будем переписываться.

Они расстались у ворот аккуратного садика мисс Линкаллоу. Сама хозяйка призналась, что сильно переживала за миссис Брэдли, которая подвергала свою жизнь опасности, общаясь с «этим ужасным человеком», и что она очень рада ее благополучному возвращению.

Миссис Брэдли, которая не говорила ей о своем намерении посетить Хелма, тем не менее не сделала никаких замечаний. Сказала только, что хочет чаю.

Потом ее нашла словоохотливая Эллен Сули.

— И вы действительно ходили к нему, да? Даже побывали в доме? — Эллен понизила голос. — Я думаю, не такой уж он страшный, как говорит мисс Линкаллоу.

Миссис Брэдли вскинула брови.

— Вы так считаете?

— Да. — Мисс Сули слегка покраснела. — И вы знаете, я думаю, она так его возненавидела, потому что на самом деле он ей нравился. Когда мы застали Хелма в комнате Келмы ночью, надо было видеть, в какое бешенство она пришла. А затем взялась повторять, что Келма с ним согрешила. Но я ей возражала. Говорила, что Келма не такая, чтобы грешить. Если что, то только после замужества, как положено. «У нее есть разум и тонкость чувств», — говорила я. Но хозяйка даже не стала меня слушать. Еще чего. «Говори что хочешь, Эллен, я не стану с тобой спорить, — это она мне, — но все молодые женщины склонны грешить, и Келма ничуть не лучше». Дальше я с ней не стала это обсуждать, но уверена, что Келма ничем себя не опозорила.

— Так вы думаете, мисс Линкаллоу ревновала свою племянницу? — спросила миссис Брэдли.

— Так оно и было, — ответила Эллен Сули. — Она была такая ласковая с Келмой, такая милая, это в лицо, а за глаза вы бы слышали, что о ней говорила. Хелм ей самой сильно нравился, это несомненно, хотя, возможно, он действительно убийца. И она будет злиться, если вы по-прежнему станете к нему ходить. Сами увидите, миссис Брэдли. А вот и она идет.

Разговор с хозяйкой у миссис Брэдли состоялся после ужина, когда та предложила пройти к ней в гостиную.

— Что вам порассказала обо мне Эллен Сули? — спросила мисс Линкаллоу, когда они устроились — одна на диване, другая в кресле.

Миссис Брэдли улыбнулась.

— Рассказала, как вы сидели в автомобиле, пока они с шофером смотрели спектакль.

— Так оно и было. Я тогда ужасно замерзла. Этот дурак Уиллис так долго плутал по улицам, что вконец меня разозлил. Но не обращайтесь внимания на болтовню Эллен Сули. Она лгунья, каких свет не видел, хотя в бухгалтерии разбирается хорошо. Потому я и взяла ее в партнерши. А так от нее толку мало — путается под ногами и строит глазки всем мужчинам-постояльцам. И Хелму тоже. Чем он берет женщин, понять не могу, но она не знала, как ему угодить. Тут приехала Келма, этот проходимец откуда-то узнал, что она моя наследница, и принялся за ней увиваться. Из корысти, конечно, потому что, ну вы сами понимаете, Келма с ее внешностью вряд ли могла заинтересовать какого-то мужчину.

— Я никогда с ней не встречалась, поэтому не знаю, — со вздохом отозвалась миссис Брэдли.

На следующий день, договорившись с молодым викарием, чтобы он опять встал на посту у волнореза, миссис Брэдли прошла по песчаному берегу до домика Хелма. Она обнаружила хозяина в обращенном к морю садике, если только это можно было назвать садиком, где он занимался устройством «сада камней». Миссис Брэдли постояла за его спиной, понаблюдав шесть минут по ее часам, пока он не повернулся. Его лицо неприятно дернулось, глаза опасно, по-волчьи, вспыхнули. Казалось, еще мгновение — и он обнажит клыки. Но вместо этого лицо расплылось в улыбке.

— Решили разбить здесь сад камней? — Миссис Брэдли тоже улыбнулась. — Совсем как в детективах. Впрочем, вы их, наверное, не читаете, а я очень люблю. Там довольно часто описывается, как убийцы маскируют могилы своих жертв «садом камней». Вы этого

не знали? — Она глупо хохотнула. — И полиции это хорошо известно. Почитайте воскресные газеты, мой друг. Первое, что делают полицейские, заподозрив где-нибудь убийство, — это разгребают «сад камней», если он имеется, или шарят в водоеме, где разводят декоративные растения. Потом обыскивают подвалы и, если ничего там не находят, ищут невестребованный багаж на ближайшей железнодорожной станции.

Хелм кисло улыбнулся.

— Пойдемте в дом.

— Ни в коем случае. — Миссис Брэдли весело захохотала. — Я вас боюсь. Да не смотрите на меня так, действительно боюсь. — Она крепко сжала его локоть сильными пальцами, так что он поморщился от боли и попытался убрать руку, но она, не отпуская его, проговорила загробным голосом: — Вы знаете, что о вас говорят в Богноре?

— Да, — ответил Хелм.

Миссис Брэдли, изобразив на лице удивление, разжала наконец пальцы.

— Знаете?

Хелм кивнул.

— И это правда? — спросила она, затаив дыхание.

Хелм тоже попытался рассмеяться. Эта старая дура начинала его раздражать.

— Да, это правда: меня судили за преступление, наказуемое смертной казнью. И оправдали. Зачем же теперь распускать разные сплетни.

— Так значит, вы тот самый печально известный Катлер? — проговорила миссис Брэдли с нотками восхищения в голосе. — Потрясающе.

Хелм расслабился. Чего тревожиться, она же дура. И за десять тысяч фунтов стоит побороться.

— Давайте поговорим о чем-нибудь приятном, уважаемая леди, — предложил он.

Миссис Брэдли нахмурилась.

— Знаете, о приятном как-то не получается. Я ведь пришла посоветоваться относительного моего сына. Поняв, что вы человек опытный, бывалый, я прониклась к вам большим доверием. Дело в том, что он связался с женщиной против моей воли.

— Лишите его наследства, — последовал незамедлительный ответ.

Если удастся уговорить эту идиотку лишить сына наследства, остальное пойдет как по маслу, думал он, улыбаясь.

Миссис Брэдли, которая могла метнуть нож в центр мишени с расстояния десяти метров и сломать Хелму запястье одним движением пальцев, любезно заулыбалась в ответ.

— Лишить наследства, вы говорите? Над этим стоит подумать. Но вначале, может быть, только пригрозить?

— Вот именно, — подхватил Хелм. — Напугайте его как следует. Насколько я понял, он получит десять тысяч фунтов страховки в случае вашей смерти?

— Ой, не надо так говорить, — притворно ужаснулась миссис Брэдли. — Я собираюсь жить еще очень долго. Мне так предсказала гадалка.

— Конечно, конечно, — поспешил успокоить ее Хелм. — Но напугать его следует. Скажите, что вы завещали свою страховку кому-то другому.

— Да, но кому?

— А это уж вы сами решите, — сказал Хелм, тревожась, как бы не спугнуть дичь. Да и торопиться не было причин. В данный момент у него был другой план,

ждущий претворения. Так что можно дать старухе еще немного пожить. И с сыном надо бы разобраться, что это за фрукт. Может, он здоровый бугай и приходит в ярость по малейшему поводу? А вот этого не надо. Одно дело утопить в ванне ничего не подозревающую женщину, а другое — иметь дело с агрессивным молодым человеком.

— Я бы хотел познакомиться с вашим сыном, — сказал он.

— В следующий раз я его приведу. — Миссис Брэдли не сомневалась, что тощий молодой викарий с идиотским выражением лица должен будет успокоить Хелма. — И я подумаю над тем, что вы сказали. Но прошу вас, при нем ни о чем таком не говорите, хорошо? Он у меня очень нервный, и будет неловко, если с бедным мальчиком случится приступ прямо при вас. Всего доброго, мистер Хелм. Или вас лучше называть Катлер? Кстати, подходящая фамилия для убийцы, не правда ли? Хотя, чего это я? Ведь на самом деле вы же и не убийца вовсе. — Она улыбнулась. — Нет, это потрясающе. Знаете, я, пожалуй, переоформлю страховку на вас. Пусть мой мальчик как следует перепугается.

Она ушла, не дав оторопевшему Хелму и слова сказать.

После ее ухода он постоял некоторое время в нерешительности. Оглядел недоделанный «сад камней» и со злостью пнул ближайший камень. Между прочим, пришлось заплатить несколько фунтов и за материал, и за его перевозку сюда. Хелм вошел в летний домик, привычно побарабанил пальцами по большой ванне из оцинкованного железа. Значит, в полиции при подозрении на убийство первым делом раскапывают «сад камней». Надо же, дура, а догадалась. Будем надеять-

ся, что это случайная догадка, потому что о Сьюзи эта старуха ничего знать не может. О ней вообще никто не знает.

Но его спокойствие было нарушено. Хелм надел шляпу, запер летний домик и пошел в кино.

II

Молодой викарий проводил миссис Брэдли к пансиону, и они расстались.

— Вы опять с ним виделись? — воскликнула мисс Линкаллоу, встретив ее в гостиной. — Как у вас хватает на это смелости?

— Скажите, — произнесла миссис Брэдли, не обращая внимания на ее слова, — ваша племянница вела дневник?

— Вела, бедняжка, — ответила хозяйка. — И вы можете его посмотреть. Правда, там ничего особенного нет.

Она вышла. Миссис Брэдли немного удивила легкость, с какой удалось получить желаемое. Вскоре она сидела в своей гостиной с дневником в руках.

Быстро пробегая глазами записи за первую половину года, мисс Брэдли высматривала что-нибудь имеющее отношение к школьным учителям, особенно тем, кому можно было бы вменить убийство. Но ничего не было, кроме упоминаний о том, как она играла в теннис с мисс Фрили и однажды пила чай с миссис Бойл, а с Хэмстедом дважды. Вскользь говорилось о мисс Камден, как хорошо она организовала какие-то соревнования. Было в дневнике упомянуто и о том, как Келма однажды выходила на прогулку с детьми с Алкестой Бойл.

Записи за июнь и позднее, вплоть до школьного спектакля, миссис Брэдли читала медленнее, но найти там что-то для себя полезное также не удалось. Ничего оттуда нельзя было вытянуть, проливающее свет на обстоятельства ее гибели. Хелм, например, был там упомянут шесть раз, но все так, мимоходом. Переполюх с ворами и разные с ним встречи. Без подробностей. Конечно, Келма Феррис, как и многие другие, кто ведет дневник, старалась не доверять бумаге факты, которые могли ее как-то скомпрометировать.

В дневнике было, конечно, сказано о неприятностях, предшествующих премьере спектакля. Ссора с мисс Камден из-за оставленной после уроков школьницы, разбитая статуэтка Психеи, инцидент с Харствудом и Греттой в кабинете рисования. Но без деталей и пояснений. Ничего о том, что Мойра Маллей позировала Смиту. Возможно, Келма об этом не знала. Если так, то девочку следует исключить из списка подозреваемых.

Миссис Брэдли заказала по телефону междугородный вызов. Сейчас еще не было четырех, так что занятия в школе не закончились. Кстати, сегодня последний полный учебный день. Завтра уроки закончатся раньше.

Алкеста Бойл подошла к телефону.

— Моя дорогая, выясните, пожалуйста, знала ли мисс Феррис, что Мойра Маллей позировала Смиту для Психеи, — попросила миссис Брэдли.

— Хорошо, — ответила Алкеста. — Думаю, лучше всего спросить у Дональда. Подождите минутку.

Протикало несколько десятков секунд. Наконец в трубке снова зазвучал голос Алкесты:

— Его я найти не смогла, так что пришлось спросить у девочки. Она думает, что никто не знал. Я отправляю ее на Рождество домой в Ирландию. Харствуд в классе на первом месте по успеваемости, а эта бедная девочка только на семнадцатом из двадцати. Не знаю даже, как ей помочь. Она должна получить стипендию.

— А в чем причина ее волнений? — спросила миссис Брэдли.

— То, что она обнаружила тело убитой. Никак не может прийти в себя.

Не успела миссис Брэдли закончить разговор, как позвонили к чаю. Хозяйка вошла, когда она заканчивала пить вторую чашку.

— Извините за беспокойство, миссис Брэдли, но тут пришел мужчина, по виду священник. Спрашивает вас. Вид озабоченный, даже не снял пальто и шляпу.

Молодой викарий действительно был взволнован.

— Что случилось, мой друг? — спросила миссис Брэдли, когда они вышли на улицу.

— Ваш знакомый, — хмуро ответил Уэллс, — в половине четвертого привел к себе в дом молодую женщину, а затем принялся носить ведрами морскую воду в свой бесовский вагон. Мне это очень не нравится.

— Идемте в гараж, мой друг, — сказала миссис Брэдли. — Это недалеко.

В гараже она позвала глубоким голосом:

— Том, где вы, дитя мое?

Парень тут же прибежал. Без фуражки, в комбине-зоне.

— Заводите машину, быстро, — приказала миссис Брэдли.

— Сделаем, мэм. В одно мгновение, — заулыбался Том.

Автомобиль остановился у ворот жилища Хелма, и они, все трое, побежали по выложенной галькой дорожке. Миссис Брэдли громко постучала в дверь. Том сжимал в правой руке гаечный ключ.

Хелм открыл дверь. Он был в домашнем халате. Босые ноги сунуты в ковровые тапочки.

— Том, возвращайтесь к машине, — бросила через плечо миссис Брэдли.

— Как все неудачно получилось, уважаемая леди, — нервно усмехнулся Хелм. — Я только собрался принять ванну. Не думал, что кому-нибудь придет в голову нанести визит. Вода как раз согрелась.

— Я привела сына, как мы улавливались, — сказала миссис Брэдли. — Но если вы заняты, то не будем беспокоить. Пошли, Ноэль, дорогой.

Молодой викарий усердно строил из себя идиота, надеясь, что не переигрывает. У него хватало роста увидеть через плечо Хелма, что в гостиной никого нет. В центре ванна с водой, от которой идет пар. Затем он развернулся и медленно двинулся по дорожке к воротам.

— Извините, уважаемая леди, — глухо проговорил Хелм.

— Идите в дом, а то простудитесь, — сказала миссис Брэдли. — Примите ванну. А я приду в другой раз.

Она легонько втолкнула его внутрь, подождала, пока закроется дверь, а затем обошла дом, где ее встретил викарий.

Они украдкой понаблюдали в окно, как неистовствовал Хелм, молотя руками воздух. Трижды он пнул ванну ногой в тапочке.

— Пойдемте, друг мой, — сказала миссис Брэдли. — Тут нам больше нечего делать.

Молодой викарий вскинул голову.

— А как же женщина? Надо подождать ее, предупредить.

— Вам придется ждать очень долго, мой друг, — мягко проговорила миссис Брэдли. — Пока Хелм открывал нам дверь, я заметила, как она вылезла из окна спальни.

— Раздетая?

— Нет, успокойтесь. На ней был трикотажный костюм и дождевик. И она довольно молодая. Так что давайте поскорее сядем в машину и постараемся ее догнать.

Но их поиски была напрасны. Женщина исчезла.

Глава XII

МИЛАШКА СЬЮЗИ

Через неделю после отъезда миссис Брэдли домой на Рождество в гостинице «Качающаяся вывеска» нашли мертвую Сьюзан Козенс. Она утонула в ванне.

Как ни странно, это никого не удивило. Ведь гостиница была не то чтобы заколдованная, но бесы там водились, это точно.

Однако Майкла Спратта и его жену Дору в свое время разговоры суеверных жителей деревни не остановили. Этот достойный во всех отношениях и к тому же

веселый человек сорока лет от роду купил «Качающуюся вывеску», что по Лондон-роуд, меньше, чем в пяти милях от Богнора, и славно зажил со своей женой Дорой, крупной, спокойной, трудолюбивой женщиной, сдержанной и любезной с окружающими. Люди находили ее также щедрой, ибо у Доры Спратт всегда можно было найти утешение и помощь в случае болезни и всяких неприятностей. Говорили, что их брак был неравный, но они с мужем представляли превосходную пару. Он шустрый, подвижный — ходили слухи, что Майкл когда-то был чемпионом по борьбе, — а она, с ее кажущейся вялостью, буквально кипела энергией.

Не прошло и года после покупки «Качающейся вывески», как у них родился сын. Многие в деревне прочили этой семье разные беды, а им все везло и везло. Деревенские поначалу старались эту стоящую на отшибе гостиницу обходить стороной, а вот тем, кто проезжал на машинах по Лондон-роуд, она была в самый раз. Так что бар Спратта, а также кафе, шесть прекрасных номеров и гараж никогда не пустовали. Гостями в основном были иностранцы и лондонцы. Там не раз останавливались пары, поженившиеся в Гретна-Грин, а однажды даже человек, сбжавший с деньгами фирмы. Любой посетитель был в «Качающейся вывеске» желанным, если вел себя тихо и платил как положено. Многие приезжали снова и снова, поскольку цены здесь были умеренные, еда и выпивка хорошие, а постели удобные. Когда Джону исполнилось двадцать, его отец разбогател настолько, что начал подумывать о расширении заведения. К тому же в «Качающейся вывеске» завелось привидение. Еще одна причина провести там уикенд. О гостинице Спраттов писали в газетах.

К сожалению, везение не длится вечно. И вот, почти совпав с двадцать первым днем рождения Джона, в этом районе открыли новую дорогу, и большинство стали ездить по ней, а не по Лондон-роуд, которая шла мимо «Качающейся вывески», и хозяева оказались если не полностью на мели, то в сильной зависимости от притока туристов, приезжающих на уикенды и в отпуска.

И сразу же деревенские вспомнили старую байку о проклятии, якобы довлеющем над этим местом. Семейство Спратт это только забавляло. Но их ожидала другая напасть, похуже. Когда Джон влюбился в Сьюзи Козенс.

Невысокая, ладно сложенная, хорошенькая, она была на три года старше Джона. Успела поработать продавщицей в Лондоне и вот теперь приехала помогать своей овдовевшей матери в деревенской лавке. Даже Майклу, весьма терпимому человеку, становилась дурно от мысли, что эта пустая, пахнущая дешевыми духами платиновая блондинка может стать его невесткой. А Сьюзи, в свою очередь, свысока смотрела на своих будущих родственников. Кстати, не отказавшись от того, чтобы найти кого-нибудь получше, если подвернется.

Джон был молод. В ее глазах это было существенным недостатком. Ей был нужен мужчина постарше и поопытнее. Да, крупный, сильный парень, но немногословный и без чувства юмора.

Были, конечно, очки и в его пользу. В деревне Ларкин, где жила Сьюзи, подавляющее большинство мужчин его возраста и постарше были фермеры. Джон, один из троих, составлял исключение. Остальные двое — сын приходского священника юный Эрик Гринейкр и шофер местного помещика тридцатилетний Рой.

Рой — фамилия, а имя при крещении ему дали Хэм. Он зарабатывал тридцать пять шиллингов в неделю и жил в комнате над гаражом, за которую не платил. Завтракал тоже бесплатно, а за остальную еду у него вычитали из жалованья семь шиллингов шесть пенсов в неделю. Помещик был чужак и библиофил, интересовался разными экономическими теориями, которые проверял на челяди. Например, если Рой в какой-то день не завтракал — не важно по какой причине, включая болезнь, — то к его еженедельному жалованью добавлялись десять пенсов. И так за каждый пропущенный завтрак. Вот такой у него был хозяин.

Сьюзи долго взвешивала достоинства и недостатки Джона и Хэма Роя, не решаясь, кого предпочесть. Оба они были в равной степени неотесанными мужланами, не способными оценить тонкую натуру дешевой притворщицы Сьюзи. Джо получал от отца двадцать шиллингов в неделю, но был наследником всего состояния семьи. Рой имел на пятнадцать шиллингов больше, но зато никакого наследства. С другой стороны, рассуждала Сьюзи, возможно, мне придется пробыть замужем за Джоном лет тридцать, пока он станет хозяином «Качающей вывески», и все эти годы я должна буду провести с его родителями, которые меня недолюбливают и не доверяют. Так стоит ли?

У Роя никаких родственников не было — это первых, а во-вторых, он ездил на машине, в то время как Джон помогал родителям по хозяйству, в том числе и обслуживал гостей в баре.

Вот если бы можно было окрутить молодого сына священника, но об этом не стоило и мечтать. И все же родители Джона Спратта могут не прожить так долго,

и тогда у нее будет паб с гостиницей и свой автомобиль. Это много лучше, чем украдкой ездить на прогулки с Роем на его служебном.

Так что в конце концов она остановилась на Джоне.

Стимулировать его сделать предложение ей ничего не стоило. Они обручились, все честь по чести, несмотря на молчаливый протест родителей. Сьюзи стала ходить к ним на чай и каждое воскресенье принимала в гостинице ванну. Молодые люди посещали церковь с одним псалтырем и молитвенником на двоих, во время службы держались за руки, затем медленно шли к дому. В общем, примерно пять месяцев Джон и Сьюзи вели себя так, как подобает паре, решившей провести жизнь в обществе друг друга. Джон был горд и счастлив, а Сьюзи по-прежнему сомневалась, правильный ли выбор сделала.

Родители, понимая безуспешность попыток повлиять на сына, скрепя сердце примирились с неизбежным. И ни словом, ни жестом не намекали, что они не желают иметь Сьюзи своей невесткой. А та твердо знала, что они не желают, но Джону ничего не говорила. Боялась, что он не захочет огорчать родителей и уйдет из дома. Что тогда делать? Поскольку она выходила замуж по расчету, такая ситуация ее никак не устраивала. Поэтому Сьюзи вела себя с его родителями очень мило, как будто ничего не замечая.

У нее у самой был небольшой источник дохода. Она шантажировала убийцу. Но это была тайна за семью печатями.

Однажды в конце зимы, в сырой туманный воскресный день, где-то в половине третьего, Сьюзи сидела,

размышляя, отказаться ей от привычной прогулки в полторы мили к гостинице или нет. По такой погоде идти особого желания не было.

Мать поглядывала на нее с неприязнью. Ей очень хотелось предупредить Джона, чего ему следует ожидать от Сьюзи. Он был добрый парень и заслуживал лучшей доли. Но как решиться сказать, что ее дочь злобная ехидная дрянь.

Они обосновались с мужем в этой деревне, открыли магазинчик и почтовое отделение при нем, потом родился ребенок, девочка. Все шло хорошо, пока мужа не парализовало в тридцать лет. Сьюзи смоталась в Лондон, как только представилась возможность.

Миссис Козенс подозревала, что дочка вернулась в родной дом не из-за смерти отца, а потому что нарвалась на какую-то неприятность в Лондоне. Так оно, собственно, и было. Сьюзи попала в воровстве в большом лондонском магазине. К счастью, дело замяли, а то сидеть бы ей в тюрьме.

Сьюзи уже надела воскресное платье, но все не решалась выходить. Обычно она делала это в половине четвертого и примерно десять минут пятого уже была в гостинице. Чай подавали в пять, так что она успевала принять ванну и посидеть с Джоном на диване, дожидаясь, пока Майкл пробудится после послеполуденного сна, а Дора переоденется в воскресное платье и приготовит на кухне все к чаю.

Сьюзи сидела наверху в своей комнате, заканчивая приводить в порядок волосы и размышляя насчет выходы Хелма, который не так давно пригласил ее принять ванну из морской воды.

Она услышала, как у дома остановился автомобиль. Минуту спустя мать позвала ее вниз. Приехал Рой с

просьбой от помещика, чтобы миссис Козенс и Сьюзи помогли приготовить у него ужин. Дело в том, что его повариха поскользнулась на лестнице и повредила ногу, а вечером помещик ожидал гостей.

Вначале Сьюзи решительно отказалась ехать. Она злилась на помещика. Если бы он платил Рою побольше, она бы не стала связываться с Джоном Спраттом, который нравился ей все меньше и меньше. В прошлое воскресенье он вдруг вздумал чинить радиоприемник и возился больше двух часов. А она сидела скучала. Правда, он попросил ее поддержать какую-то деталь, а она не нарочно, конечно, но все же со зла уронила маленький винтик, и он провалился в щель между половыми досками. Так Джон настолько вышел из себя, что даже обругал ее. Куда это годится?

— Если ты не поедешь, то и я тоже, — сказала мать.

А Сьюзи вдруг что-то расхотелось идти к Джону. Она была готова ехать, оставалось только надеть пальто и шляпку, а мать сидела в домашней одежде. К тому же Рой торопился. Так что они поехали сразу, а он обещал вскоре вернуться за миссис Козенс.

Автомобиль медленно тащился сквозь густой туман. Один раз Рою пришлось остановиться, чтобы показать дорогу человеку, заблудившемуся в тумане. В общем, чтобы преодолеть три с половиной мили до дома помещика, у них ушел почти час.

Рой высадил Сьюзи и тут же уехал за ее мамой.

Она вошла в дом с заднего входа, где ее ждала пятнадцатилетняя Фэтти — помощница поварихи.

Когда Рой вернулся в шесть с миссис Козенс, Сьюзи здесь уже не было. Ее мать хмыкнула и продолжила готовить ужин с того места, где прервалась дочь. По

словам Фэтти, Сьюзи отлучилась на пять минут, но так больше и не вернулась.

Миссис Козенс с помощницей прекрасно справились и без нее. Только один раз их отвлек закутанный в шарф мужчина. Он вошел в заднего входа и спрашивал о Сьюзи. Естественно, они ему ничего сказать не могли.

Так или иначе, но ужин получился на славу. Гости помещика прибыли позднее назначенного срока. Им тоже пришлось поплутать в тумане. Было уже поздно, и миссис Козенс осталась ночевать в комнате у помощницы кухарки.

Позднее на этой неделе по поводу дочери с ней разговаривали многие, включая нескольких джентльменов из прессы.

Им она сказала:

— Мне сразу показалось, что я где-то видела этого человека. Похож на коммивояжера. Спрашивал ее очень настойчиво, даже дерзко. И это при том, что она помолвлена. Я, конечно, резко его отшила. Так вот, потом я вспомнила, где его видела. В газете. У меня хорошая память на лица, понимаете, а он ну просто вылитый... как его фамилия... Ах да, Катлер. Именно Катлер. Я люблю читать воскресные газеты, там всегда найдется что-нибудь интересное. Всякие криминальные истории. А этот Катлер запал мне в память, потому что действовал очень осторожно. Хотя то, что он убил свою жену, ясно как дважды два. Вот так. Некоторые хорошо запоминают разные цифры и даты, другие что-то еще, например, кто в чем был одет на праздники, а вот я лица. Бедная девочка. Но ведь никто не знает свою судьбу, верно?

Глава XIII

ТУМАН

Когда Сьюзи нашли мертвой, ни ее жених Джон Спратт, ни Рой не собирались мстить убийце. И этих молодых людей можно было понять. Оказывается, она их обоих просто дурачила.

В «Качающейся вывеске» были три ваннные комнаты. Девушку нашли захлебнувшейся в самой маленькой. К словам миссис Козенс, матери погибшей, насчет того, что накануне гибели дочери ее разыскивал Хелм, доверия не было.

С точки зрения полиции на роль подозреваемого в убийстве прекрасно подходил Джон Спратт. Во-первых, девушка погибла в его доме, где каждое воскресенье принимала ванну, во-вторых, он был ее женихом. Джона допросили, и он что-то не то сказал. Теперь эти слова могли пойти ему во вред.

Выяснилось, что Сьюзи должна была прийти в гостиницу, но поехала в особняк помещика скорее всего против желания. Дальше шли домыслы. Закончив приготовление ужина, она все же пришла в гостиницу. Джон начал корить ее за опоздание, они поссорились, результатом чего стало убийство. Родители Джона и он сам категорически это отрицали, но полицию не убедили. Джона арестовали по обвинению в убийстве невесты.

Миссис Брэдли сидела в своей уютной маленькой столовой. В камине пылал яркий огонь. Они только что позавтракали. Компанию ей составил ее молодой друг Обри Харрингей, приехавший погостить на рождественские каникулы. Теперь он сидел в кресле, погруженный в детективный роман.

Миссис Брэдли дочитала сообщение об убийстве в гостинице «Качающаяся вывеска» и отложила газету.

— Ну и ну.

Обри поднял глаза.

— Что вы сказали, дорогая?

— Когда закончите главу, дитя мое, прервитесь.

Я поведаю вам душераздирающую историю.

— В самом деле?

— Да. Не в моих правилах отвлекать людей по пустякам.

— Извините, что засомневался. — Обри заложил нужное место в книге закладкой и посмотрел на нее. — Я весь внимание.

— Итак, — начала миссис Брэдли, — в ванной провинциальной гостиницы найдена женщина, захлебнувшаяся водой. И весьма вероятно, что это дело рук ее знакомого, который уже привлекался к суду по обвинению в аналогичном преступлении: он помог захлебнуться в ванне своей жене с целью завладеть страховкой. Но его оправдали за недостаточностью улик. Позднее другая женщина, — а может быть, та же самая, что и найденная к гостинице, — чудом избежала подобной участи благодаря вмешательству двух людей, случайно оказавшихся неподалеку. Они пришли к этому человеку по делу. Обставил он все весьма аккуратно. Пригласил женщину к себе, предварительно натаскав в ванну морской воды, — он жил тут же на берегу — якобы для себя. Для чего облачился в домашний халат и тапочки. Именно в таком наряде ему пришлось открыть дверь этим упомянутым двоим. Женщина в это время предположительно находилась в спальне. Ванна стояла на полу посреди гостиной. Надо сказать, что летний домик был переделан из железнодорожного вагона и по

этой причине в нем отсутствовали удобства, свойственные цивилизованному английскому жилищу.

Затем позднее, — продолжила миссис Брэдли, — а именно в прошлое воскресенье, в гостинице, расположенной всего в трех милях от этого летнего домика, обнаружена молодая женщина, утопленная в ванне. А ее мать, к словам которой в полиции не пожелали прислушаться, с уверенностью утверждает, что именно этот мужчина, о котором я вела речь, осведомлялся относительно этой девушки в день ее гибели. Что вы на это скажете?

— Тут двух мнений быть не может, — ответил молодой человек.

— Вот именно, — кивнула миссис Брэдли. — И я намерена к этому как следует присмотреться. Тем более что скорее всего молодая женщина из летнего домика и есть та самая погибшая в гостинице.

— Можно поехать с вами? — спросил Обри.

— Нет, мой друг. Но я буду писать и спрашивать вашего мнения по любому сложному вопросу, какой только возникнет.

— Но я хотел бы поехать. Почему вы возражаете?

— Во-первых, — твердо проговорила миссис Брэдли, — возражать будет ваша матушка. А во-вторых, вы будете мне мешать.

— Ну, если так... — покорно согласился Обри, а затем раскрыл книгу и вновь погрузился в чтение.

Миссис Брэдли улыбнулась и начала делать заметки в своем блокноте, время от времени посматривая в газету.

Прибыв в Богнор, миссис Брэдли первым делом нашла мать погибшей девушки. Та повторила свою исто-

рию. Хелм приходил в особняк помещика и спрашивал, где найти Сьюзи, которая к тому времени уже ушла неизвестно куда. Она по-прежнему была убеждена, что ее дочь разыскивал Хелм, он же Катлер.

Тут, конечно, возникали вопросы. Зачем Хелм, если он собирался убивать девушку, вздумал появиться в особняке и спрашивать о ней? И откуда ему было известно, что она может быть там, если сама Сьюзи до приезда Роя об этом не знала?

А вот убить ее в гостинице он вполне мог, поскольку наверняка знал, что она каждое воскресенье принимает там ванну. И в этом случае к словам миссис Козенс следовало прислушаться. К тому же Хелм под покровом тумана мог проникнуть в гостиницу незамеченным.

Он наверняка знал расположение комнат и потому надеялся, что не встретит кого-то из хозяев. Тем более в воскресенье. Можно ли проникнуть в дом, не звоня в дверь, это миссис Брэдли решила узнать у самих Спраттов.

Дора и Майкл были дома. Миссис Брэдли поговорила вначале в матью Джона. Убитая горем из-за ареста сына, женщина поначалу односложно отвечала на вопросы. Но вскоре разговорилась, когда до нее дошло, что гостя убеждена в невинности Джона и что она мать знаменитого адвоката, который может взять это дело.

— Войти к нам в дом, я думаю, было легко. Дверь, та, что выходит во двор, днем никогда не заперта, потому что мы постоянно входим и выходим. Так что достаточно повернуть ручку. Майкл запирает ее на ключ только на ночь, когда ложится спать. Поэтому убийца вошел сюда беспрепятственно. Но Джон тут ни при чем, ни в коем случае. Мой мальчик невиновен. Сьюзи была плохая девушка, и приятели у нее тоже были

под стать. Она сбежала из Лондона из-за каких-то неприятностей. Когда матери было трудно с больным отцом, Сьюзи ее бросила, а тут вдруг взяла и приехала. Как она познакомилась с этим человеком, какие у них были отношения и почему он ее убил — этого мы, наверное, никогда не узнаем.

Миссис Брэдли полагала, что «сад камней» Хелм готовил для нее, но, видимо, он вначале решил расправиться с этой девушкой. Они с викарием сорвали его план. К сожалению, пока никаких доказательств не было. К тому же могло оказаться, что девушка в трикотажном костюме и дождевике, которая, как видела миссис Брэдли, покидала домик Хелма, и убитая в гостинице — разные люди.

Миссис Брэдли также удалось выяснить, что Джон Спратт и Хэм Рой были соперниками. Оба домогались руки Сьюзи. В разговоре с начальником полиции, своим знакомым, она подчеркнула отсутствие мотивов. Разумнее было бы заподозрить Роя, а не Спратта. Однако у Роя было неопровержимое алиби. Он дважды ездил к дому Сьюзи в тумане, а к гостинице автомобили в этот день не подъезжали. Хозяева бы обязательно услышали.

Глава XIV

ГЕРОИЗМ МОЛОДОГО ВИКАРИЯ

I

Преподобный Ноэль Уэллс привык считать себя если не трусом, то уж, конечно, не тем, кто станет рисковать, не подумав десять раз. Но в то же время совесть

иногда вынуждала его совершать рыцарские подвиги против воли и часто вопреки здравому смыслу. Вот и сейчас он мучился, думая о делах миссис Брэдли с этим коварным Хелмом.

Самым любопытным было, что люди сразу узнавали в Хелме того самого Катлера, которого судили за убийство жены, но потом оправдали, и при этом почти ни у кого не возникало сомнений, что он на самом деле и есть убийца, но избежал виселицы по странной казуистике правосудия. Вот и преподобный Ноэль Уэллс был уверен, что Катлер убил жену ради страховки. Причем верил настолько твердо, как будто сам при этом присутствовал. И его, естественно, тревожило, что миссис Брэдли, к которой он относился с огромным почтением, сильно рискует, посещая этого человека и возбуждая в нем алчность.

Ее план был ему известен. Ввести Хелма в искушение, чтобы он попытался ее убить, а затем взять с полным. Насчет его причастности к убийству Хелмы Феррис у миссис Брэдли были большие сомнения. Но в данном случае это значения не имело.

Молодого викария не устраивали ее заверения, что она вполне способна за себя постоять, и он решил, что пора действовать.

Зайдя в гараж, он посвятил в свои планы Тома, а тот рассказал своему отцу, который привлек к этому делу полицейского Алфреда Рирдона, помолвленного с младшей сестрой Тома.

И вот спустя чуть больше недели после Рождества, когда в один серый, но не дождливый день — миссис Брэдли в это время, сидя у себя дома, читала задушевное письмо от Хелма, третье по счету, которое переслали из пансиона мисс Линкаллоу в школу, а оттуда уже

ей домой, — трое молодых людей пешком направились к летнему домику Хелма, переделанному из железнодорожного вагона. Накануне двое суток бушевал жестокий шторм, и мрачные серые волны по-прежнему тяжело накатывали на серый песок и зловеще шипели.

Примерно в полумиле от летнего домика они разделились. Молодой викарий пошел прямо по мокрому песку, иногда сворачивая, чтобы обойти крупные камни. Одет он был соответственно образу придурковатого сына миссис Брэдли — серые фланелевые брюки, темно-малиновый пуловер, твидовый пиджак, темно-серое пальто. Молодой полицейский — он был сейчас не на службе — двигался по тротуару вдоль дороги, а Том, который захватил с собой древний мотоцикл, завел его и, проехав с большим шумом какое-то расстояние, заглушил двигатель примерно в пятидесяти метрах от летнего домика Хелма, постелил на тротуаре плащ и принялся чинить свое допотопное средство передвижения.

Наконец молодой викарий постучал в дверь Хелма. Долго не открывали, он подумал даже, что хозяина нет дома, но наконец прошаркали тапочки, и на пороге возник Хелм. Преподобный Уэллс на мгновение растерялся. Вот перед ним стоит человек, которому ничего не стоит убить ради денег, а он сам явился сюда. Да, его страхуют двое, но все равно есть риск — вдруг не успеют. А он недавно женился, живет благополучной счастливой жизнью. К чему эти идиотские побуждения спасти старую женщину-психоаналитика, которая в этом вовсе не нуждается? Причем ценой своей жизни.

— А, это вы, — произнес Хелм. — Заходите, мой дорогой. Заходите. Как ваша матушка?

Внутри царил полумрак. Все ставни в доме были закрыты. Инстинкт подсказывал Уэллсу, что надо бежать отсюда, пока не поздно. Но вопреки всему на него вдруг снизошло актерское вдохновение.

— Я как раз о ее делах и пришел с вами посоветоваться, — произнес он дрожащим голосом.

II

Первые утренние часы весеннего семестра не самое лучшее время для визита к директору, но миссис Брэдли надо было встретиться с ним как можно скорее, чтобы наконец сообщить имя убийцы Келмы Феррис.

Дело в том, что она только что получила от своего друга, молодого викария, письмо следующего содержания:

«Дорогая миссис Брэдли, к тому времени, когда вы получите это письмо, я скорее всего уже буду дома, со своей женой Дафни. Я, конечно, перешел границы дозволенного, за что нижайше прошу прощения. Но тревога относительно ваших визитов к этому отвратительному убийце не давала мне покоя. И я в конце концов решил взять быка за рога и спровоцировать его к нападению.

С этой целью я посетил его и в ходе разговора прозрачно намекнул, что он может получить десять тысяч фунтов страховки, о которой вы ему говорили, если после вашей смерти я тоже вскоре отойду в мир иной. Должно быть, он все же дурак, потому что, не поморщившись, проглотил наживку. Убедившись, что Хелм на крючке, я удалился, заметив перед этим,

что ванны с морской водой очень полезны и мне их настоятельно рекомендовал доктор. Я строил из себя дебила, как мы и улавливались. Не знаю, насколько мне это удалось, но я старался. Как и следовало ожидать, вскоре от него пришло письмо, где он спрашивал о вас. Я ответил, что вы попали в автомобильную аварию и сейчас находитесь в больнице в тяжелом состоянии. На следующий день я зашел к нему сообщить, что у вас нет ни малейших шансов на выздоровление. Он завел разговор о страховке, и я заверил его, что вы изменили завещание. При следующей встрече я, изобразив неутешное горе, сообщил ему о вашей кончине.

Ждать пришлось недолго. Очень скоро я получил от него приглашение принять ванну из морской воды. Можете представить, с каким удовольствием я наблюдал, как этот злодей таскал в дом бесчисленное количество ведер. Вечер тогда был холодный и сумрачный. Должен заметить, что меня, конечно, страховали двое – ваш старый знакомый Том из гаража и молодой полицейский, жених его сестры.

Все прошло как по нотам. Я принимал ванну, а Хелм, улучив момент, очень грамотно потянул меня за ноги, так что голова моментально оказалась под водой. В следующий момент в комнату ворвались эти двое. Кстати, во время моих предыдущих визитов они также меня сопровождали, так что риск был минимальный.

Катлер арестован, и ему предъявлено обвинение в покушении на убийство. Свидетели есть, так что он наконец ответит хотя бы за это.

У полиции теперь нет сомнений, что это он убил несчастную Сьюзи Козенс, но, к сожалению, доказа-

тельства пока отсутствуют. Правда, будущий зять Тома сказал мне, что к этому делу подключился Скотленд-Ярд, так что, возможно, оно продвинется. Буду следить за его ходом в утренних газетах.

Ваш преданный друг Нозэль Уэллс».

Прочитав письмо, миссис Брэдли положила его обратно в конверт, а затем позвонила в колокольчик, чтобы вызвать Селестину.

— Мадам?

— Вы слышали о легендарном сэре Галахаде, рыцаре Круглого стола, человеке без страха и упрека?

— Да, мадам, он жил очень давно, при короле Артуре.

— Вы ошибаетесь, — возразила миссис Брэдли. — Могу вам сообщить, что он и сейчас жив и здоров.

— Неужели, мадам?

— Да, этот рыцарь молод, худощав, энергичен, благороден. А недавно он ради меня рисковал своей жизнью.

— О, мадам, я догадалась! — воскликнула Селестина, всплеснув руками. — Это месье кюре. Он большой храбрец, я всегда его таким считала.

III

Дойдя до школы, миссис Брэдли, прежде чем зайти к директору, нашла школьного смотрителя. Показала ему фотографию Хелма, попросила внимательно посмотреть.

— Вы узнаете этого человека?

Смотритель взгляделся, но не узнал. Заметил только, что этот человек как будто с портрета, который висит в кабинете директора.

Затем миссис Брэдли пошла с фотографией к учителю истории Кембеллу. И тот тоже заметил сходство с портретом.

Тяжело вздохнув, миссис Брэдли отправилась к директору.

— Есть новости? — спросил мистер Клиффордсон после приветствия.

— Есть, — ответила миссис Брэдли. — Вы читали сегодняшние газеты?

Директор кивнул.

— Да.

Миссис Брэдли протянула ему письмо своего друга викария.

— Вы обратили внимание, что Катлер, которого подозревают в убийстве в гостинице, и Хелм, с которым мисс Феррис познакомилась летом в пансионе, одно и то же лицо?

Директор вернул ей письмо и пожал руку. Казалось, он сразу помолодел лет на десять.

— Это самая приятная новость за много недель. Вы думаете, ее убил этот монстр? Но зачем?

— А вот этого, боюсь, мы никогда не узнаем, — ответила миссис Брэдли.

В ее сумочке лежала фотография Хелма. Очень сомнительно, чтобы он появился тогда в школе под видом электрика и обокрал смотрителя. Тем более что по фотографии тот его не опознал. Скорее всего это был обычный воришка, понятия не имеющий, что на свете существует несчастная Келма. Но миссис Брэдли на-

меревалась убедить директора прекратить расследование, и это ей, кажется, удалось.

Мистер Клиффордсон откашлялся и, потрогав на своем столе разные предметы, наконец произнес:

— Вы даже не можете себе представить, как важно для меня было узнать, причем совершенно определенно, что к этому ужасному деянию не причастен никто из наших учителей и учеников. Я больше не намерен продолжать расследование. Этот негодяй все равно ответит по закону — не за это убийство, так за другое, какая разница. А бедной мисс Феррис все равно. Так что давайте оставим все как есть.

Миссис Брэдли согласилась. Незаметно достав из сумочки фотографию Хелма, она разорвала ее на мелкие кусочки и бросила в камин, где полыхал приятный небольшой огонь.

Директору все было ясно, а ей нет. И миссис Брэдли была полна решимости разобраться во всем до конца. Просто для себя, для собственного удовлетворения. Ей казалось, что она знает имя убийцы, но не имеет достаточных доказательств.

Она сказала директору, что хочет остаться в школе еще на некоторое время, чтобы прочесть несколько лекций на темы, представляющие общественный интерес, и более внимательно присмотреться к методике совместного обучения. Мистер Клиффордсон охотно согласился, и они тут же набросали план лекций. Миссис Брэдли предложила в числе прочих прочесть лекцию о досуге и спорте в Древнем Риме, и директор вспомнил мисс Камден, на что она и надеялась.

— Я видел мисс Камден сегодня утром, правда, мельком, и мне совсем не понравилось, как она выглядит. Думаю, бедняжка переутомилась.

— Да, — согласилась миссис Брэдли, — мне тоже показалось, что она перерабатывает. Но такой уж у нее характер. — Она внимательно посмотрела на директора. — Вам бы не помешало ее поощрить. Любой работник нуждается в похвале, а она в особенности.

Директор потер подбородок.

— Наверное, вы правы, я подумаю. — Он опять улыбнулся. — Миссис Брэдли, я перед вами в долгу, вы блестяще справились с задачей.

— Не надо преувеличивать мои заслуги. Помогло удачное стечение обстоятельств. — Она встала. — А теперь, прошу вас, проводите меня в учительскую. Я бы хотела там поработать.

В учительской никого не было. Миссис Брэдли устроилась в кресле, достала блокнот с карандашом и написала на чистом листе список из четырех фамилий.

1. Мойра Маллей
2. Харствуд
3. Мистер Смит, учитель рисования
4. Мисс Камден, учительница физкультуры, спортивный тренер

Через секунду в учительскую вошла Алкеста. Она медленно прошла к своему столу, не замечая миссис Брэдли, пока та ее не окликнула.

— Ой, извините, — проговорила она без улыбки. — Я не знала, что тут кто-то есть.

— Что-нибудь случилось? — прямо спросила миссис Брэдли.

Алкеста кивнула. Уголки ее рта чуть дрогнули.

— Да, случилось. Две недели назад.

Миссис Брэдли изобразила удивление.

— Неужели?..

Алкеста опять кивнула.

— Она умерла за день до вашего отъезда в Богнор. Похоронили в субботу, две недели назад. А Фред... — Ее голос пресекся, затем она взяла себя в руки. — Фред с тех пор ко мне не подходит. Я даже не знаю... — Алкеста опять замолкла.

Миссис Брэдли подошла, погладила ее по плечу.

— Все будет в порядке, я вас уверяю. Мужчины — странные существа. Сейчас он чувствует себя виноватым перед ней. Но это пройдет, просто пусть он пока побудет один.

— Кстати, — произнесла Алкеста, меняя тему, — Мойра Маллей сегодня не появилась на занятиях. Надо сказать директору. И никакого извещения не прислала. Надеюсь, бедная девочка не заболела. Экзамены на получение стипендии через шесть недель, а работы у нее — непочатый край.

— А Харствуд вернулся.

— Харствуд? Да, он здесь. С ним все в порядке, а вот за Мойру я сильно беспокоюсь. Вы представляете, весь последний семестр она почти ничего не делала. Сидела у меня на уроках и смотрела в пространство.

— Но ведь девочка пережила такой стресс.

— Это верно, — согласилась Алкеста, — но пора бы уже успокоиться. К тому же она не видела мисс Феррис мертвой, а только слегка коснулась тела. И Дональд тоже приложил к этому руку. Я имею в виду состояние Мойры. Это же надо додуматься до такого — уговорить девочку позировать обнаженной, используя ее влюбленность. И она согласилась по глупости. Я с ним серьезно поговорила, и он обещал, что такое больше не повторится.

— Рада это слышать, — проговорила миссис Брэдли. Алкеста Бойл вздохнула.

— Скорее бы она вернулась в школу. Вы знаете, после гибели мисс Феррис я постоянно тревожусь, когда кто-то отсутствует по неизвестной причине.

— А от чего умерла миссис Хэмстед? — спросила миссис Брэдли.

— Утонула, — ответила Алкеста. — Во время прогулки поскользнулась и упала в пруд. Она снова стала пить.

— Странно.

— Вы имеете в виду, как ей удавалось доставать спиртное?

— Нет, — тихо отозвалась миссис Брэдли. — Я нахожу странной эту череду утопленниц. Вначале Келма Феррис захлебывается, то есть «тонет», в раковине. Затем миссис Хэмстед в пруду. И наконец сравнительно недавно одна девушка в Богноре утонула, принимая ванну. Кошмар какой-то.

Она встала, и Алкеста тоже поднялась на ноги.

— Но вы же не хотите сказать, что?..

— Я всего лишь отмечаю странные совпадения, — невозмутимо произнесла миссис Брэдли своим глубоким контральто, — которые не обязательно могут быть просто совпадениями. Во всяком случае, два события связать получилось.

Она рассказала Алкесте о том, как ей удалось убедить директора, что с Келмой Феррис расправился некий Хелм, он же Катлер, который... далее шел пересказ содержания письма молодого викария.

— Но в таком случае действительно очень похоже, что мисс Феррис убил этот самый Хелм, — сказала Алкеста.

Миссис Брэдли пожала плечами.

— К сожалению, доказать это невозможно. В тот вечер в школе был только один посторонний — странный человек, выдававший себя за электрика, вы о нем слышали. С ним разговаривал школьный смотритель и мистер Кембелл, я показывала им фотографию Хелма, но они его не опознали. Но дело даже не в этом. Я не верю, что Хелм — убийца мисс Феррис. Во-первых, у него не было никакого мотива, а во-вторых, зачем ему было придумывать такой изощренный способ убийства, когда он мог, если бы захотел, расправиться с несчастной женщиной у нее дома.

— А мистер Клиффордсон поверил, что Хелм убил мисс Феррис? — спросила Алкеста.

— Не знаю, моя дорогая. Может, и не поверил, но очень удачно притворился и был рад прекратить расследование.

— В таком случае это сделал кто-то из нас, — смущенно проговорила Алкеста.

Миссис Брэдли раскрыла блокнот и показала ей четыре фамилии.

Увидев в списке Мойру, та пришла в ужас.

— Она не могла это сделать ни при каких обстоятельствах. Вы ее не знаете так, как я. Подозревать девочку в убийстве, да еще таком — большая ошибка.

Миссис Брэдли кивнула.

— Я согласна. Но давайте обратимся к фактам. У нее были возможность и мотив.

— Вы имеете в виду, что мисс Феррис знала о позировании, и Мойра боялась, что она доложит директору? Это абсурд. Мойра достаточно хорошо знала мистера Клиффордсона, чтобы понимать: никаких санк-

ций против нее не будет. Конечно, Дональд мог за это поплатиться...

— Так это и есть мотив, — прервала ее миссис Брэдли. — Разве вы не видите?

Алкеста побледнела.

— А вот об этом я не подумала. Боже мой, дети, какие они идиоты. Этот глупый Харствуд, который уви-
вается за Греттой Клиффордсон. Я вижу, вы и его впи-
сали в список.

— Для меня важными являются мотив и возмож-
ность совершить преступление, — мрачно заметила
миссис Брэдли. — А у него они были. Так же как и у
двух других подозреваемых — мисс Камден и мистера
Смита.

Алкеста натянуто кивнула.

— Ну, Камден я еще могу представить. Взрывной
характер, постоянно взвинченная, к тому же букваль-
но накануне испортила отношения с мисс Феррис.

Миссис Брэдли задумчиво разгладила складку на
малиновом джемпере.

— Келма Феррис по неосторожности разбила рабо-
ту Смита. Неужели ее за это надо убивать? — Она по-
вернулась к Алкесте. — Когда я уезжала в Богнор, то
была убеждена, что Келму убила мисс Камден. Затем,
узнав о позировании Мойры, засомневалась. И этот
юноша Харствуд был у меня на подозрении. А вот Сми-
та, буду с вами откровенна, я не подозревала совершен-
но. — Миссис Брэдли демонстративно вычеркнула его
фамилию из списка. — Но все равно с ним не совсем
все ясно. Там что-то есть, чего я пока не поняла. — Она
вздыхнула. — Однако ведь кто-то ее убил.

— Но невозможно поверить, что это кто-то из тро-
их в вашем блокноте, — грустно произнесла Алкеста. —

Если даже предположить... — она замялась, — ...что они были способны на такое, то оснований у них, на мой взгляд, не было никаких.

— Так это и есть самое главное, — заметила миссис Брэдли. — К тому же мотив — понятие растяжимое. Например, если мне или вам нечто кажется убедительной причиной, чтобы лишить жизни некое человеческое существо, то для другого это крайне неубедительно. Например, для кого-то убивать из корысти невыносимо, а для Хелма — обычное дело. Рассуждая об этих троих, можно отметить следующее: даже если в душе у них и было желание совершить такое, то, я уверена, ни у кого не хватило бы духу прижимать голову Келмы Феррис ко дну раковины и ждать, когда она захлебнется и умрет. Есть только один человек, который в тот вечер имел прекрасную возможность это сделать, но пока я не могу усмотреть тут ни малейшего мотива.

— И кто же это? — удивилась Алкеста.

— Ну, предположим, директор, — ответила миссис Брэдли со смехом.

Алкеста тоже рассмеялась.

— Зачем ему было вызывать вас для расследования, если это он совершил убийство? К тому же коронер закрыл дело. Да и возможностей, я думаю, у него не было.

— Совершенно верно, моя дорогая, — успокоила ее миссис Брэдли. — Это я просто пошутила. Но учтите, убийство совершил кто-то, так или иначе связанный со спектаклем.

— Сток в раковине замазан глиной, — сказала Алкеста. — Кто, кроме Дональда Смита, мог бы додуматься до такого? Разве что Мойра...

Миссис Брэдли отрицательно покачала головой.

— Мойра тут ни при чем. Разумеется, она никого не убивала, но подозревает в этом Смита, и это ее угнетает.

— А кто, по-вашему, сломал выключатель? — спросила Алкеста.

— Скорее всего Харствуд. И сделал он это, потому что подозревал мисс Клиффордсон. — Пожилая женщина усмехнулась. — Забавные ребята, верно? И метод убийства придуман странный. Утопить человека в раковине с водой — до этого не каждый додумается. Я в своей практике такое встречаю впервые.

Они помолчали.

— Меня утешает только одно, — неожиданно произнесла Алкеста. — Что миссис Хэмстед погибла случайно. В любом случае насилия тут не было. Пруд мелкий, но, упав, она ударилась о камень на дне и потеряла сознание. Это есть в заключении доктора.

Миссис Брэдли кивнула.

— Возможно. Но мне бы хотелось обсудить с вами другое. Что помешало мисс Камден признаться, что ее вызывали из зрительного зала помочь Келме?

Алкеста пожала плечами.

— Сегодня первый день занятий, тренировок нет, она свободна. Хотите, я найду ее и приведу сюда?

Не дожидаясь ответа, она вышла и через пять минут вернулась с очень смущенной учительницей физкультуры.

— Хорошо отдохнули на праздники? — спросила миссис Брэдли.

Мисс Камден, внимательно рассматривая свои туфли, ответила, что отдохнула не очень.

— Но я вас надолго не задержу, — заверила ее миссис Брэдли. — Мне просто интересно, почему вы скрыли от меня то, что вас вызывали из зрительного зала помочь мисс Феррис, когда она поранилась?

— Меня никто не вызывал, — буркнула мисс Камден, густо покраснев.

— Как же так! — воскликнула Алкеста. — Погодите минутку.

Она вышла.

— Обо мне все время распространяют всякие небылицы, — снова пробурчала мисс Камден.

— Насчет всяких небылиц ничего не знаю, моя дорогая, — произнесла миссис Брэдли ровным голосом, пристально глядя на испуганную девушку. — Но то, что вы ходили помочь мисс Феррис, когда она поранила щеку, я думаю, это правда.

Мисс Камден молчала до тех пор, пока не вошла Алкеста Бойл с девочкой из четвертого класса, которая в тот вечер была посыльной.

— Скажи, Мейзи, — спросила она, — ты приходила тогда позвать мисс Камден помочь мисс Феррис, или этого не было?

— Почему же не было, миссис Бойл? — удивилась девочка. — Мисс Камден туда ходила.

— Ты что, Мейзи, спятила? — воскликнула мисс Камден. — Я просидела на своем месте весь спектакль.

Девочка смутилась, но стояла на своем.

— Но, мисс Камден, вспомните, пожалуйста. В зале было темно, и мисс Галлоуэй проводила меня к тому месту, где вы сидели. И я начала вас просить, а вы еще сказали: «Кончай гундосить, дурочка. Я иду». И я про-

водила вас по коридору в ванную комнату, где мисс Феррис сидела на стуле, и вы тогда сказали: «Ладно, иди. Я помогу ей». Ну я и ушла.

— Да, теперь я вспомнила, — неохотно проговорила мисс Камден.

Алкеста отпустила девочку.

Дождавшись, когда за ней закроется дверь, учительница физкультуры вскочила с места с криком:

— Ну что ж, давайте, тащите меня на виселицу! Давайте! Зовите полицию! — Она достала свой тренерский свисток и свистнула. — Вот она я! Чего вы медлите? Берите! Ведь я же воровка и лгунья, так почему бы мне не быть еще и убийцей!

— Перестаньте глупить, бедняжка, — проговорила миссис Брэдли умиротворяющим тоном. — Никто не собирается звать полицию. Садитесь и скажите, вы действительно там были?

— Да, была, — неохотно призналась мисс Камден. — Но не больше пяти минут. А не говорила об этом, потому что боялась. Вы ведь и так подозревали, что это я ее убила. Мейзи действительно приходила за мной. Мы пошли в ванную. Но, честное слово, мисс Феррис ушла оттуда вместе со мной, и свет там горел, и вода в раковине стекала нормально. Ну почему вы мне не верите?

Миссис Брэдли неожиданно улыбнулась, как будто вспомнила что-то веселое.

— Я вам верю, моя дорогая. Вы Келму Феррис не убивали. А если бы такое случилось, то уже давно бы себя выдали.

Глава XV

МИССИС БРЭДЛИ ДЕЛАЕТ ВЫВОДЫ

I

Первой это заметила мисс Сули. Протянув газету хозяйке, она показала на фотографию погибшей в гостинице девушки.

— Так это же наша бывшая горничная.

Мисс Линкаллоу немедленно отправилась в полицейский участок с газетой под мышкой, опираясь на трость на всякий случай, чтобы не упасть, если споткнется.

Там ее внимательно выслушали.

— Ауволила я Сьюзи потому, что она слишком вольно вела себя с гостями-джентльменами, особенно заигрывала с этим Катлером. А потом обнаглела настолько, что начала рыться в его вещах. Моя помощница ее за этим застала.

Это было ценное свидетельство. Уцепившись за него, в полиции вскоре установили, что до этого Сьюзи Козенс арестовывали в Лондоне за кражу в магазине. Однако факт знакомства Сьюзи с Катлером не мог служить основанием, чтобы предъявить ему обвинение в совершении и этого преступления.

В полицейском участке детектив Росс обсуждал проблему с инспектором Бирдоном.

— Может быть, она вымогала у него деньги, шантажировала? — предположил детектив.

— Да, но как докажешь? — пожал плечами инспектор. — В этом вся проблема. Да и чем она могла его шантажировать? И как он все-таки оказался в гости-

нице? Видите, сколько вопросов? Уж как хочется Спраттам выгородить сына, но не получается. Они вообще в тот вечер никого не видели и ничего не слышали. Общий бар в пабе был открыт, не заперт и боковой вход, через который вошла эта девушка. Молодой Спратт твердит, что в то время, пока она принимала ванну, он находился в гараже, но подтвердить это некому. Если честно, против него у нас практически ничего нет, и хороший адвокат развалит дело за пять минут. Ревность как мотив — это слабо. И вообще, честно говоря, я уверен, что парень тут ни при чем. Он действительно был в это время в гараже. Мы держим его потому, что у него была возможность убить, но, если на то пошло, такая же возможность была и у его отца с матерью. Они терпеть не могли будущую невестку. Это общеизвестно.

— Ее прикончил Катлер, тут и думать нечего, сэр, — заметил Росс. — Только как это на него повесить?

— Надо работать. — Инспектор задумался. — Я еще раз поговорю с этим шофером, забыл фамилию. Уверен, он катал девушку на автомобиле своего хозяина. Может, она проговорила ему о своих делах с Катлером.

Роя снова допросили, но он ответил, что во время нечастых развлекательных поездок его спутница никогда не заводила разговор о Катлере. По его мнению — хотят в полиции прислушиваться в нему или нет, это уж их дело, — Катлер и девушка встретились в то воскресенье случайно, утопить ее он надумал уже потом. И конечно, непонятно, почему Сьюзи привела этого человека с собой в гостиницу.

Инспектор слушал терпеливо, не перебивая. Когда Рой ушел, он повернулся к детективу.

— А почему он не мог ее убить?

— Потому что у него есть алиби, сэр. Он возвращался за ее матерью. А кроме того, где тут мотив?

— Так он же вроде по ней вздыхал или нет? Они со Спаттом были соперниками.

— Убийство из ревности? Не пойдет, сэр. Тогда бы он скорее всего прикончил соперника — парня, которого мы арестовали, — а не девушку.

— Необязательно. Он мог ее убить, чтобы она не досталась другому. В Испании такое бывало и не раз.

— Да, но мы в Англии, сэр. А у нас убивать с таким мотивом не принято.

Инспектор улыбнулся.

— Вы правы, детектив, у нас такое не принято.

— Помните гибель молодой учительницы в декабре, в Хиллмастоне? — спросил Росс.

— Которая покончила с собой? Помню.

— Готов держать пари, что ее убили, сэр, просто коронер плохо знает свое дело. Она была племянницей женщины, у которой работала эта Сьюзи. Племянница этим летом проводила отпуск в Богноре и вполне могла познакомиться с Катлером.

Инспектор рассмеялся и похлопал детектива по спине:

— Уж больно буйные у вас фантазии, мой друг.

II

Миссис Брэдли в это время сидела в комнате, где прежде жила Келма Феррис, и подводила итоги своих изысканий.

На сей раз предметом ее размышлений был рассказ миссис Козенс о посещении Катлером особняка помещика в день гибели ее дочери. Если это правда, то следует предположить, что он уже встречался со Сьюзи и знал, где можно найти ее мать. Выходит, к этому времени он уже убил девушку и пытался создать себе алиби. Сьюзи и ее мать не знали в тот день, что поедут к помещику готовить ужин, а Катлер тем более. Значит, он встречался со Сьюзи. А это могло произойти где-то в промежутке между половиной четвертого и временем, когда она подъехала к особняку помещика. Рой в густом тумане эти три с половиной мили преодолел за час. Может быть, он где-нибудь и останавливался, но пока это неизвестно. Гостиница расположена примерно на половине пути между поместьем и домом Сьюзи.

Миссис Брэдли решила, что ей необходимо встретиться с Роем.

— Вы опять собрались в Богнор? — воскликнула квартирная хозяйка.

— Съезжу ненадолго, — с улыбкой отозвалась неугомонная миссис Брэдли.

И на следующий день она уже ела ленч, сидя у окна в пабе Майкла Спратта. Подавали говядину с маринованными огурцами и картошкой в мундире.

Она дождалась прихода хозяина, поговорила с ним, но ничего нового узнать не удалось. Заверив Майкла, что сына скоро выпустят, миссис Брэдли отправилась к Рою.

Он охотно описал поездку в густом тумане от дома Сьюзи Козенс до особняка и сказал, что в пути им встретился человек, заблудившийся в тумане и спрашивав-

ший дорогу. Разглядеть его как следует не удалось. На нем был непромокаемый плащ, на глаза надвинута кепка, воротник поднят. Рой предложил подвезти его до особняка помещика, но тот отказался. Сьюзи и виду не подавала, что знает этого человека, впрочем, Рой признался, что тогда особого внимания на нее не обращал. Ему и голову не приходило, что они со случайным прохожим могут быть знакомы.

В таком случае напрашивается следующий вывод.

Заблудившийся прохожий был Хелмом (он же Катлер), и дорогу он спрашивал для отвода глаз, а на самом деле шел вслед за автомобилем от дома Сьюзи, что было не трудно, ведь они еле тащились в тумане. В какой-то момент он ухитрился обогнать автомобиль и заговорил с водителем.

Потом Сьюзи, видимо, решила все же отправиться в гостиницу. Хелм выследил ее и прикончил в ванне, что уже намеревался сделать раньше, но миссис Брэдли с викарием помешали.

Хелму хоть сейчас можно было предъявить обвинение, но до сих пор оставался неясен мотив. Скорее всего Сьюзи его действительно шантажировала. Вполне возможно, что, роясь в его вещах в пансионе, она наткнулась на какое-то свидетельство, может быть, письмо, уличающее Хелма в убийстве, о котором никто не догадывается.

Миссис Брэдли пошла поговорить с матерью убитой. Та продолжала утверждать, что Катлер приходил в особняк и спрашивал Сьюзи.

— Он очень огорчился, когда я сказала, что она ушла, — пояснила миссис Козенс. — Но разговаривали мы недолго. Он начал болтать, что вот он какой невезучий. Все красивые девушки любят моряков, а на

коммивояжеров внимания не обращают. Ну, знаете, обычный треп. А сам стоит такой нахальный. Глаза вытарашил. Не удивлюсь, что Катлер был знаком со Сьюзи еще в Лондоне. Возможно, они что-то не поделили, и он ее убил. Подлец такой.

Миссис Брэдли ушла, абсолютно уверенная, что эта женщина действительно в тот день разговаривала в особняке с Катлером.

Вернувшись в Хиллмастон, она долго размышляла об обстоятельствах смерти миссис Хэмстед. Наконец, придя к поразительному выводу, отправилась в школу искать Алкесту Бойл.

Та с радостью сообщила, что Мойра вернулась.

— Грипп, — ответила она на вопросительный взгляд миссис Брэдли. — Девочка и сейчас еще плохо выглядит.

— Я хочу ее увидеть, — сказала миссис Брэдли.

Алкеста начала было возражать, но та настояла.

— Это необходимо. Я ее не расстрою.

— Когда вы хотите ее увидеть? — недовольно спросила Алкеста.

— Как можно скорее.

— Я буду присутствовать при разговоре.

— Я бы, конечно, предпочла беседовать с ней без вас, но если вы хотите, пожалуйста.

— В таком случае пусть сама Мойра решит, оставаться мне или нет.

К удивлению Алкесты, девочка — она выглядела очень бледной — стала умолять ее уйти.

Миссис Брэдли по себя усмехнулась: «Значит, я была права».

— Рассказывай, Мойра, обо всем и как можно подробнее.

Девочка испуганно посмотрела на нее.

— Вы... знаете?

Миссис Брэдли улыбнулась.

— Что-то знаю, что-то нет. Так что рассказывай.

III

— Мне просто нужно облегчить душу, потому что я не в силах молчать, — начала Мойра. — И решила рассказать только вам и только по секрету. Хорошо?

Миссис Брэдли кивнула.

— Это было в вечер спектакля. — Девочка замолкла. — Нет, давайте я лучше начну сначала. Значит, однажды мистер Смит попросил меня остаться после его урока — он был последний, как всегда по четвергам, — и предложил позировать для скульптуры. А мне мистер Смит всегда нравился, и я сказала, что согласна, еще не зная, как все будет. А он сказал, что видел меня на соревнованиях по плаванию и ему очень нравится моя фигура.

Ну, я, конечно, смутилась. У нас в Ирландии о таких вещах не говорят. И не знала, что надо будет обнажаться, но он настоял. Предложил даже, чтобы при этом присутствовала какая-нибудь учительница, но я не захотела. Согласилась при условии, что он никому не расскажет. Он обещание сдержал. Первые два раза я сильно стеснялась, но потом привыкла. Он говорил, что у меня красивое тело, а мне было приятно, что я ему нравлюсь.

Потом мисс Феррис разбила его работу. Она была почти готова для отливки в гипсе. Мистер Смит очень разозлился. Я слышала потом, что он в ярости растоп-

тал то, что осталось, а мисс Феррис так испугалась, что позвала миссис Бойл его успокоить.

Мне тоже было очень жаль его работу. Он так старался. И еще я боялась, что кто-нибудь узнает о позировании. Потому что, хотя голова была не моя, но тело, мне казалось, любой узнает. И мисс Феррис тоже. Я очень боялась, что мистер Клиффордсон рассердится, боялась позора перед школой, когда все узнают, что я позировала обнаженная для взрослого мужчины.

Миссис Брэдли с удовлетворением отметила, что речь у Мойры грамотная, без ирландских словечек. Может быть, ей все же удастся получить стипендию.

— А потом ее убили, — продолжила девочка. — И это я нашла ее мертвой в ванной комнате после моего первого эпизода на сцене. Это был ужас. Я не знала, что делать. Решила рассказать Гарри Харствуду. Он умный и умеет хранить тайну. Гарри сказал, что сломает выключатель, чтобы ее нашли как можно позже. Я не сказала ему, о чем думала. Ведь я считала, что это сделал мистер Смит из-за той глиняной скульптуры, которую она разбила. А Гарри думал, что это сделал кто-то другой. Но не сказал мне кто.

Мисс Феррис нашли только после окончания спектакля, а я все время внутри дрожала, думая, как это ужасно, что она осталась там, в ванной комнате, без отпущения грехов.

Потом ко мне домой пришел мистер Смит и стал очень просить никому не рассказывать, что он столкнулся с мисс Феррис в коридоре и она разбила очки и поранила лицо. Поэтому ей пришлось пойти в ванную комнату, где она и умерла. Когда мистер Смит начал меня просить, я окончательно уверилась, что это он ее убил, и с тех пор потеряла покой. Не могла ду-

мать ни о чем другом. И вот сейчас в первый раз рассказываю вам.

Мойра замолчала и всхлипнула. Миссис Брэдли успокоила ее. Сказала, что учитель рисования мисс Феррис не убивал, что это дело рук злодея, ее давнего знакомого, который специально приехал издалека расправиться с ней.

После ухода Мойры она послала за Харствудом.

Поговорила с ним о том о сем, затем неожиданно спросила:

— Ты действительно думал, что убийца — мисс Клиффордсон?

Юноша покраснел.

— Только, пожалуйста, ей не говорите. Это было давно, в самом начале. А сейчас я так не думаю.

— Разумеется, я ей не скажу, — заверила юношу миссис Брэдли и с облегчением его отпустила.

В любом случае он и Мойра к убийству были непричастны. Теперь оставалось разобраться, — она улыбнулась только что придуманному каламбуру, — с «Приключениями славного мистера Смита»*.

Прежде чем послать за Смитом, миссис Брэдли просмотрела записи в блокноте, относившиеся к рассказу мисс Сули о встрече с Хелмом, когда он расспрашивал ее о школе, и она сказала, что там работает Келма Феррис. Этого Хелм, видимо, не знал. Еще миссис Брэдли перечитала записи, касающиеся убийства, остановив внимание на двух фрагментах.

В первом значилось:

«Смит, Дональд, учитель рисования в старших классах. Имеет мотив для убийства Келмы Феррис. Она раз-

* Популярный в то время роман известного английского писателя Уильяма Джона Локка (1863—1930).

била небольшую глиняную фигуру Психеи, над которой он работал.

Примечание: Смит рассчитывал получить за работу двести пятьдесят фунтов. Это большие деньги для неизвестного (?) художника. Из первого разговора с Алкестой Бойл: «Смит не тот человек (то есть не ее возлюбленный). И я одолжила ему двести пятьдесят фунтов, чтобы он смог компенсировать потерю Психеи». Причем сказала она это сама, я даже не спрашивала (см. с. 15)».

Миссис Брэдли раскрыла нужную страницу. Там говорилось:

«В ответ на мой вопрос Дональд Смит признался, что действительно был очень зол (из-за статуэтки), но потом успокоился. Алкеста одолжила ему деньги, чтобы вернуть Аткинсону».

Миссис Брэдли кивнула и послала за Смитом.

— Должна предупредить вас, мой дорогой, — сказала она, когда он вошел, — что все сказанное вами может быть использовано как улика.

— Понимаю. — Смит медленно опустился в кресло и оперся левым локтем на спинку.

— Во-первых, мне хотелось бы знать, — продолжила миссис Брэдли, — сколько может стоить гипсовая статуэтка высотой около сорока сантиметров работы ныне живущего неизвестного художника?

— Не знаю, — ответил Смит. — Сколько художник запросит, столько и заплатите, если она вам действительно нужна.

— Но я готова выложить не больше тридцати фунтов.

— Вот как? А эта работа уже где-нибудь выставлась?

— Нет. Она сделана по заказу, но заказчик, кажется, то ли куда-то уехал, то ли еще что. Скульптор сказал моей приятельнице, что надеется получить за нее двести фунтов или больше.

— Да он шутник.

— Вы так думаете? И в то же время убедили миссис Бойл, что ваша Психея, которую разбила мисс Феррис, именно столько и стоит.

Смит потер ладонью лоб.

— Такое было? Не могу вспомнить. Должно быть, тогда я был навеселе. Но, должен заметить, моя Психея была больше.

Миссис Брэдли посмотрела на него пронизывающим взглядом.

— Знаете, Дональд, вы меня просто восхищаете. Так держаться умеет не каждый. Расскажите, пожалуйста, о деле, относительно которого приходил к вам в день спектакля Катлер.

Смит томно прикрыл глаза. Казалось, еще чуть-чуть — и он заснет.

— Какой Катлер?

— Тот, которому вы пообещали двести пятьдесят фунтов за то, что он утопит миссис Хэмстед, — любезно сообщила миссис Брэдли.

— Ах, вот вы о чем, — оживился Смит. — Но меня к этому делу вам не удастся прицепить ни с какого боку. На свете существуют двое, созданные друг для друга, Фред и Алкеста, и соединиться им мешает несчастная алкоголичка, признанная душевнобольной, содержащаяся, как и положено, в сумасшедшем доме, окруженном живой изгородью, через которую пролезет и трехлетний ребенок. И вот однажды она как следует набралась и вышла прогуляться вокруг пруда. Ну и сва-

лилась в воду. Спрашивается, какое к этому отношение имею я? Катлер — другое дело. Когда она появилась, вдрызг пьяная, ему оставалось просто чуть подтолкнуть ее в воду, а потом аккуратно прижать голову разветвленной палочкой. Не понимаю, почему таких больных выпускают гулять без сопровождения. И этим искушают убийц, подобных Катлеру.

— А как вы на него вышли? — с добродушным видом поинтересовалась миссис Брэдли.

— Дал объявление, — с улыбкой ответил Смит. — Примерно следующего содержания: «Приглашаются оправданные судом убийцы, желающие заработать двести пятьдесят фунтов». В газетах решили, что это какой-то тайный шифр или нелепая шутка. Но поскольку закону это не противоречило, а деньги есть деньги, то объявление напечатали. И на него в конце концов отозвался этот самый Катлер.

— А если бы вашим объявлением заинтересовалась полиция?

— Я бы сказал, что пошутил. Сделал это на пари. И мне бы поверили. Кроме того, я выбрал правильные газеты. Не какой-то низкопробный мусор, а солидные, выходящие каждое утро. Объявление появлялось целых две недели, и никто не задавал никаких вопросов.

— А потом он явился к вам под видом электрика. Но денег своих не получил?

— Да. Он немного загримировался. Не сильно, но достаточно, чтобы его не могли опознать по фотографии. Неглупо придумал. А насчет денег устроил шумную сцену, уж не помню, как там все было. Но я его успокоил. Пригрозил, что, если он не уйдет, я повешу на него убийство Келмы Феррис. Катлер был на территории школы как раз в это время, и они были знакомы.

— Значит, вы к тому времени знали, что Келма Феррис убита?

— Я никогда этого не отрицал, — произнес Смит, вновь напуская на себя томный, скучающий вид. — Но к ее убийству отношения не имею, и с этой стороны не стоит копать. Да, ответственность за гибель миссис Хэмстед я признаю, но ничуть об этом жалею. А кто расправился с бедной Келмой, это уж вы распутывайте.

— А вы знаете, что мистер Хэмстед с тех пор даже не подходит к Алкесте Бойл? Я полагаю, его мучает совесть, которая у вас, кажется, отсутствует.

— Хэмстед подозревает, что смерть его супруги не случайна. Он говорил мне об этом. — Смит нагло усмехнулся. — Но все пройдет. Как я сказал, они с Алкестой просто созданы друг для друга, так почему между ними должна стоять какая-то конченная женщина. Не человек, а недоразумение. Повезло, что коронер не стал заморачиваться, быстро составил заключение. А насчет совести, это вы напрасно. Она у меня присутствует и даже мучает. Но только по одному поводу — почему эта мысль не пришла мне в голову лет десять назад.

— А относительно смерти девушки в гостинице в Богноре вам что-нибудь известно? — спросила миссис Брэдли.

— Да. Эта смышленная плутовка ворошила корреспонденцию Катлера и наткнулась на кое-что, достаточное для шантажа. Катлер струсил, и ему ничего не оставалось, как ее прикончить. Вот такое дело.

— Понимаю, — вздохнула миссис Брэдли. — Спасибо, любезный.

Смит встал и медленно направился к двери. Закрыв ее за собой, он тут же снова открыл ее и, сунув в щель голову, произнес:

— А тайна смерти Келмы Феррис до сих пор не раскрыта?

Миссис Брэдли кивнула в ответ, и он наконец ушел. А она взяла с полки том современной поэзии и углубилась в чтение.

Учителя приходили в перерыв, что-то оставляли, что-то брали и снова исчезали, но миссис Брэдли не замечала их, поглощенная поэзией. Наконец, снова оставшись одна, она отложила книгу и принялась размышлять вслух:

— Он подготовил гибель миссис Хэмстед и косвенно виноват в смерти Сьюзи Козенс. Но к убийству Келмы Феррис учитель рисования Смит отношения не имеет. В его действиях просматривается извращенная филантропия. Он считает себя благодетелем. Короче, Богом. Многие художники себя таковыми считают. Не все, конечно, но те, которые имеют способность к творчеству при отсутствии развитого ума. Но если это не он, то кто же? — Она принялась листать блокнот. — Мисс Камден, Мойра и Харствуд отпадают. Значит, это сделал кто-то, у кого была возможность, но еще не ясен мотив.

Миссис Брэдли закрыла блокнот и встала.

— Боже, как они мне все надоели.

Глава XVI

РАЗГАДКА

Миссис Брэдли вернулась в свое жилище, где ранее обитала Келма Феррис, и провела полтора часа, составляя заключение по делу, связанному с убийством Сью-

зи Козенс, которое и отправила начальнику полиции графства. А тот передал его инспектору Брирдону.

В результате Катлеру было предъявлено обвинение в убийстве Сьюзи Козенс. Нашлась свидетельница, горничная из особняка, которая подтвердила показания миссис Козенс о том, что Катлер действительно заходил в тот вечер в особняк и спрашивал Сьюзи.

Затем был суд, где присяжные признали его виновным по всем пунктам, а последующая апелляция была отклонена.

Но это случилось позже, а сейчас миссис Брэдли, отправив письмо, принялась раскладывать пасьянс. Когда же он ей наскучил, она вытащила блокнот и начала записывать все относящееся к Келме Феррис, что приходило в голову.

«Она была безобидная.

Оплатила постановку «Микадо».

Разбила Психею Смита.

Разозлила мисс Камден тем, что не позволила девочке сыграть в школьной баскетбольной команде.

Ей дали ведущую роль в спектакле, фактически отобрав ее у мисс Камден.

Она была добросовестная.

Она была трудолюбивая.

Она сама была настолько бесцветной, что считала других более интересными и яркими, чем они есть на самом деле.

Она знала о том, что Алкеста Бойл и Фредерик Хэмстед любовники.

Видела, как Харствуд обнимает мисс Клиффордсон.

Видимо, не знала, что Мойра Маллей позировала Смиту для Психеи.

Ее смерть не была нужна никому, кроме, может быть, лиц, упомянутых выше.

У нее не было врагов, кроме опять же лиц, упомянутых выше.

Ее убили где-то в середине первого акта, поэтому она так и не появилась на сцене.

На репетиции в костюмах она провалилась.

На последней заметно исправилась.

Эту последнюю играли не в костюмах.

На репетиции в костюмах Алкеста Бойл показывала, как надо играть Катишу. Ей пришлось играть эту роль в спектакле, потому что Келму Феррис не удалось найти.

Репетиция в костюмах почти не отличалась от самого представления, так как и там, и там все играли в костюмах и гриме.

На репетиции в костюмах и на спектакле роль Катиши вместо Келмы Феррис исполняла Алкеста Бойл.

Однако на репетиции в костюмах Алкеста Бойл играла, чтобы помочь Келме Феррис.

А на премьере она играла, потому что Келму Феррис нигде нельзя было найти.

А найти ее нельзя было, потому что она была мертва».

Миссис Брэдли перечитала написанное, вырвала из блокнота листы, скрепила и отложила в сторону. Затем на чистом листе снова начала писать:

«Келма Феррис захлебнулась водой в раковине.

О том, что она пошла в ванную вымыть лицо, знали: Харствуд, мисс Камден, посыльная Мейзи, Смит

(возможно; но он мог не знать, в какую именно ванную она пошла, так как в этой части здания есть и другие), Алкеста Бойл (возможно, но она об этом не говорила).

Те, кто знал, что она пошла в ванную во второй раз (?), чтобы вымыть лицо (?).

Но она должна была пойти туда во второй раз».

Миссис Брэдли вырвала из блокнота этот лист, положила к остальным и снова начала писать:

«Кто мог быть убийцей?

1. Совершивший это спонтанно. То есть Харствуд, Мойра и мисс Камден. Но не Смит.

2. Из тех, кто оказывал ей помощь, когда она порезалась. Это могли быть Мойра, мисс Камден, возможно, но маловероятно, Харствуд, а также возможно, но еще менее вероятно, Смит.

3. Кто-то из любителей поговорить, интересный собеседник. Потому что необходимо было отвлечь ее внимание от того, как раковина наполняется водой. Из всех перечисленных я не могу себе представить в этой роли Харствуда, Мойру и Смита. Пожалуй, и мисс Камден тоже.

4. Кто-то хладнокровный и умеющий актерствовать. Келма Феррис мертва, тело в любой момент могут обнаружить — это же какую надо иметь выдержку, чтобы ничем себя не выдать. На такое не способны, ни Мойра, ни Харствуд, да и Смит тоже. Мисс Камден вообще сидела в зрительном зале.

Значит... Что значит? А то и значит, что все было именно так, как я предполагала».

Она вырвала исписанный лист, положила с остальными. Затем позвонила в колокольчик, чтобы принесли молока с бисквитами, и начала писать письмо.

«Лучше бы мне все это изложить вам лично при встрече, но такое невозможно. Я разгадала тайну смерти Келмы Феррис. Думаю, вам будет интересно познакомиться с моими выводами. Собственно, для этого надо было обнаружить мотив, а дальше все пошло как по маслу. Вы совершили преступление ради искусства, чтобы помешать несчастной женщине выйти на сцену в спектакле. Да, искусство требует жертв, но не до такой же степени, чтобы лишать жизни ни в чем не повинного человека. Я решительно протестую против такого буквального понимания этого тезиса.

Разумеется, я заподозрила вас с самого начала, как и остальных, но долго не могла разглядеть мотив. Мне просто не верилось, что такое бывает. Что ради такой, в сущности, ерунды можно лишить человека жизни. Просто потому, что он мешает в полной мере насладиться искусством. При том, что данное представление и искусством-то назвать можно было бы с большой натяжкой.

Чтобы убить человека подобным образом при данных обстоятельствах, необходимо быть прежде всего смелым, а также волевым, инициативным и обладать колоссальной выдержкой.

Последнего качества мисс Камден, которую я довольно долго подозревала, практически лишена. У нее взрывной характер, но не более того. Она бы выдала себя моментально. Об остальных и говорить нечего.

Так что я остановилась на вас. Вы убили мисс Феррис, — теперь я представляю это совершенно отчетливо — по означенной выше причине. Алкеста Бойл на репетиции в костюмах вас покорила. Вы и раньше знали, что она прекрасная актриса. А Келма Феррис, Боже мой, какой беспомощной она была на сцене. Вам захотелось увидеть Алкесту в этой роли еще раз, на спектакле. И вы устранили Келму. Алкеста, как вы и предвидели, сыграла вместо нее.

Преступление вы заранее не обдумывали. Нельзя было предвидеть, что мистер Смит столкнется в коридоре с мисс Феррис, что она разобьет очки и поранит лицо. Порез оказался неглубокий, ей с помощью мисс Камден быстро удалось остановить кровь. Но приближалось время выхода на сцену, и она вернулась в гримерную подправить грим.

И тут вас осенило. Вы умело расковыряли порез, чтобы ей опять пришлось идти в ванную приводить себя в порядок. И отправились с ней, чтобы помочь, имея при себе ком глины, какую используют в художественном творчестве. У вас ее было достаточно. С ее помощью вы создали нос мистеру Сми-ту-Микадо. Этой глиной вы залепили слив в раковине. Несчастная мисс Феррис этого не заметила, потому что плохо видела без очков. Затем вы открыли кран, промокнули ей лицо (носовым платком Харствуда) и завели интересный разговор. Признаюсь, я не сразу догадалась, кто из учителей мог бы увлечь ее настолько, что она не обратила внимания, как наполняется раковина.

Все было сделано очень красиво. Я вас поздравляю. А потом вы уселись на свое удобное место в середине третьего ряда, как раз посев к первому выходу Ка-

тиши, и убедились, что цель оправдала средства. Совершенное вами того стоило. В антракте вы поправляли исполнителям парики, грим, болтали, смеялись, затем вернулись в зрительный зал на второй акт, а безобидная женщина – вы сами говорили мне, что считали ее безобидной, помните? – лежала в ванной комнате мертвая.

Чтобы убить вот так, только ради наслаждения игрой Алкесты Бойл в роли Катиши, надо иметь определенный склад души. Вернее, вовсе ее не иметь.

Живите теперь дальше, если можете.

Беатрис А.Л. Брэдли».

Письмо было адресовано миссис В. Беротти, бывшей актрисе.

Приложение ВЫДЕРЖКИ ИЗ БЛОКНОТА МИССИС БРЭДЛИ

1. СМИТ ДОНАЛЬД

Способен убить.

Учитель.

Художник.

Влюблен в Алкесту Бойл.

К Келме Феррис неприязни не питает.

Растоптал разбитую глиняную статуэтку, выпустил пар.

Во время первого акта довольно долго разговаривал с электриком.

Электрик этот был фальшивый.

Никто его в школу не посылал.

И в электричестве он ничего не понимает.

Скорее всего это был Катлер.

Миссис Хэмстед, алкоголичка, утонула в пруду. После этого Хэмстед мог наконец жениться на Алкесте Бойл.

Была ли миссис Хэмстед убита?

Убил ли ее Катлер?

Если так, то только ради выгоды.

Удовлетворился ли Катлер 250 фунтами в качестве платы за убийство?

Наверное, да. Это были для него большие деньги, иначе бы он не опустился до кражи у школьного смотрителя часов и бумажника с несколькими фунтами.

Смит одолжил деньги у Алкесты Бойл, чтобы оплатить ими ее личное счастье.

Вывод (предварительный): миссис Хэмстед убил Катлер по заказу Смита.

УБИЙСТВО СЬЮЗИ КОЗЕНС

Кто убил Сьюзи?

Возможно, Катлер.

Из-за денег?

Нет. Скорее всего она его шантажировала.

Чем?

Во время работы в пансионе мисс Линкаллоу она могла найти письма от Смита, где обсуждалось убийство миссис Хэмстед.

Но там скорее всего прямо об этом не говорилось. Хватило ли у нее ума, чтобы прочесть письмо между строк?

Наверное, да, иначе бы ее не убили.

На суде она могла быть главной свидетельницей по делу об убийстве миссис Хэмстед.

Вывод: Сьюзи Козенс убил Катлер.

Смит вышел на него как-то иначе. Потому что история с объявлением в газете — вранье. Смит давно заметил Катлера. И даже написал его портрет, который зачем-то подарил директору.

МИССИС БЕРОТТИ

Способна убить (как и все мы).

Знала, что Келма Феррис поранила лицо.

Знала, что она пойдет во второй раз в ванную комнату.

Наверное, она была единственной, кто об этом знал, потому что Келма пришла к ней поправить грим перед выходом на сцену.

У нее была глина, которую она использовала для создания носа Смита-Микадо.

Она бывшая актриса.

Скорее всего умеет держать себя в руках в критических ситуациях.

В разговоре со мной многие нервничали.

Мистер Смит скорее всего из-за дел с Катлером.

Мисс Камден переживала из-за того, что директор подозревает ее в краже и подделке чека.

Мойра Маллей, потому что считала Смита убийцей.

Мотив миссис Беротти — Келма Феррис никудышная актриса. Нужно, чтобы Катишу сыграла Алкеста Бойл.

Мотив, на мой взгляд, совершенно безосновательный. Если бы все происходило в настоящем театре (да и то такое немыслимо), а тут школьный спектакль.

Однако миссис Беротти стара и теперь редко посещает спектакли.

Вывод о том, что миссис Беротти убила Келму Феррис, я делаю на том основании, что она была единственной, кто знал, что Келме Феррис придется еще раз пойти в ванную комнату.

Содержание

УБИЙСТВА В СОЛТМАРШЕ

Перевод Е. Корякиной

<i>Глава I. Фортели миссис Куттс</i>	7
<i>Глава II. Фортели обитателей Моут-Хауса и фортели в Бунгало</i>	20
<i>Глава III. Большой фортель сэра Уильяма</i>	39
<i>Глава IV. Фортели на паперти и в таверне</i>	58
<i>Глава V. Деревенский праздник</i>	64
<i>Глава VI. Почитатели Диккенса</i>	73
<i>Глава VII. Эдви Дэвид Бернс — его фортели</i>	86
<i>Глава VIII. Как провел праздник Боб Кэнди</i>	108
<i>Глава IX. Деревня высказывается</i>	126
<i>Глава X. Всяческие алиби и гром среди ясного неба</i>	135
<i>Глава XI. Возвращение Кору</i>	150
<i>Глава XII. Перемещения и комбинации</i>	161
<i>Глава XIII. Маразм на скамье присяжных</i>	170
<i>Глава XIV. Как в двадцатом веке используют подземные ходы</i>	179
<i>Глава XV. Фортели чернокожего слуги</i>	196
<i>Глава XVI. Миссис Гэтти опять сбивается с пути, а миссис Брэдли морочит головы</i>	200
<i>Глава XVII. Миссис Брэдли настигает жертву</i> ...	216
<i>Глава XVIII. Последняя соломинка</i>	229
<i>Приложение. Дневник миссис Брэдли</i>	236

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ. *Перевод Л. Мордуховича*

<i>Глава I.</i> Распределение ролей.....	247
<i>Глава II.</i> Репетиция.....	263
<i>Глава III.</i> Смерть.....	277
<i>Глава IV.</i> Появление миссис Брэдли	291
<i>Глава V.</i> Дознание начинается	305
<i>Глава VI.</i> Миссис Брэдли продолжает беседы ...	320
<i>Глава VII.</i> Список подозреваемых уточняется ...	336
<i>Глава VIII.</i> Миссис Брэдли собирает факты.....	346
<i>Глава IX.</i> Размышления на пути в Богнор	355
<i>Глава X.</i> Тетя.....	367
<i>Глава XI.</i> Знакомство с Хелмом.....	381
<i>Глава XII.</i> Милашка Сьюзи.....	393
<i>Глава XIII.</i> Туман.....	401
<i>Глава XIV.</i> Героизм молодого викария.....	405
<i>Глава XV.</i> Миссис Брэдли делает выводы	422
<i>Глава XVI.</i> Разгадка	435
<i>Приложение.</i> Выдержки из блокнота миссис Брэдли	442

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Митчелл Глэдис
Убийства в Солтмарше
Убийство в опере
Сборник

Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Технический редактор Г. Этманова

Подписано в печать 17.07.2014. Формат 84x108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 2500 экз. Заказ № 1204

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

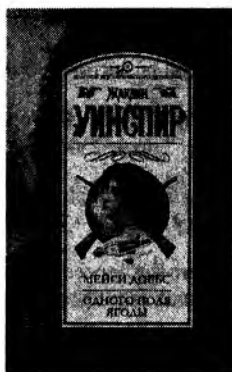
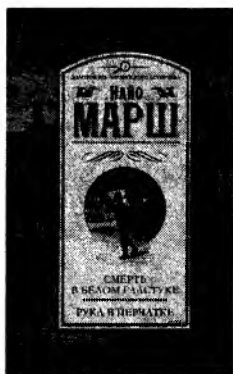
ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Редакция «Neoclassic» представляет серию

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

«Золотой век английского детектива» — это любимые многими поколениями читателей произведения таких мастеров детективного жанра, как Найо Марш, Сирил Хейр, Джорджет Хейер, Энтони Беркли, Патрисия Мойес, Жаклин Уинспир и Эдмунд Криспин.

«Золотой век английского детектива» — это атмосфера деревенского домика мисс Марпл и лондонской квартиры Эркюля Пуаро, яд в дорогих конфетах и отравленное шампанское, убийства на театральной премьере и скандалы высшего общества...

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

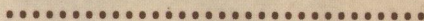
Но кому надо было избавляться от нее?

Кто и зачем похитил ее ребенка?

Полиция теряется в догадках, — и тогда к расследованию подключается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы актрисы...

Учительницу математики мисс Феррис из престижной школы убивают прямо перед ее выходом на сцену в любительском спектакле.

Но кто мог желать ее смерти? Коллеги-учителя, про которых она знала слишком много? Давний поклонник, отношения с которым мисс Феррис тщательно скрывала? Миссис Брэдли начинает расследование — и приходит к совершенно неожиданным выводам...

Книги Глэдис Митчелл украсят
коллекцию самого придирчивого
поклонника английского
классического детектива!

«Times»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-083212-5

9 785170 832125